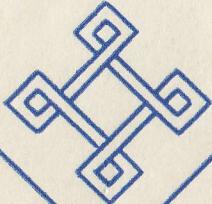

М. Н. Орловская

**Язык
«Алтан тобчи»**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Ордена Трудового Красного Знамени
Институт востоковедения

М. Н. Орловская

**Язык
«Алтан тобчи»**

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1984

ЧЭСС ХУАН ГАНГЧАРАН
ИМЕННОСТЬ ОСНОВНОЙ АВТОРСКОЙ РОЛЮ
ИМПЕРИАЛЬНЫЕ ТУТЫГИНЫ

Ответственный редактор

Г.Д.Санжеев

ПРЕДИСЛОВИЕ

Общеизвестно, что без лингвистического анализа **важнейших** памятников письменности невозможно изучение истории языка, установление преемственности и связей ранних этапов развития с современным языком. Для воссоздания истории языка необходимы полные описания языка отдельных письменных памятников и выделение черт, унаследованных современным языком.

Лингвистическое источниковедение – перспективное направление в монголоведении. Исследование монгольских памятников письменности важно также при работе над сравнительно-исторической грамматикой монгольских языков и изучении истории науки о языке.

ХIII в. в истории монгольского языка – это период становления классического письменного языка. Среди письменных памятников XIII в. особый интерес представляет летопись "Алтан тобчи", написанная ученым монахом Лувсан Данзаном и ставшая известной специалистам лишь с 1926 г. по единственному найденному в Монголии списку¹.

Исследование языка памятника проводилось нами по тексту, изданному в Улан-Баторе в 1937 г. (в двух книгах, 354). Однако поскольку в опубликованном тексте имеются опечатки и пропуски слов, мы вынуждены были сверить этот текст с текстом фотокопии рукописи, любезно предоставленной проф. Г.Д. Санжеевым.

Предлагаемое исследование представляет собой первую в монголоведении попытку описать грамматические особенности языка "Алтан тобчи", главным образом именные и глагольные словоизменительные грамматические формы, а также выявить основные особенности языка текста летописи в сопоставлении с современным монгольским языком.

¹ Подробно об этом см. в разделе "Краткие сведения об "Алтан тобчи".

Книга представляет собой первое в монголистике описание морфологической структуры языка летописи "Алтан тобчи" Лубсан Данзана – памятника монгольской письменности XIII в. Исследование проведено в сравнительном плане с современным монгольским языком и тюркскими языками.

0 4602010000-90
013(02)=83 208=84

© Главная редакция восточной
литературы издательства "Наука", 1984.

В приводимых примерах используется общепринятая в монголоведении научная латинская транскрипция. Страницы указываются по уланбаторскому изданию 1937 г.

Из-за отсутствия во многих случаях диакритических знаков в тексте летописи и неправильного их употребления возникли трудности в транскрипционной передаче ряда примеров. В таких случаях приходилось руководствоваться общепризнанным произношением данного слова. Если следовать тексту летописи, то пришлось бы транскрибировать, например, qaan вм.даян 'хан', baqatur вм. бағатыр 'богатырь', 'герой', jaqura вм. йақура 'между', 'в промежутке' и т.п.

Собственные имена и географические наименования пишутся с прописной буквы, хотя в тексте летописи между прописными и строчными буквами различий нет. Знаки препинания проставлены согласно тексту летописи.

ВВЕДЕНИЕ

Старописьменный монгольский язык¹ и периоды его развития

Появление монгольской письменности на основе уйгурского алфавита относится к концу XII – началу XIII в., причем до сих пор не установлено, какое из монгольских племен и при каких обстоятельствах ввело эту письменность.

Я.Шмидт [28, с. 243–256], А.М.Позднеев [63, с. 50], Б.Я. Владимирцов [24, с. 19], а позже и другие исследователи [74, с. 15; 104, с. 196] считали, что это могли быть найманы или керейты, наиболее культурные из племен, жившие в ту пору по соседству с уйгурами. Б.Я. Владимирцов, будучи убежден в монгольском происхождении найман и кереитов, предполагал, что "по-видимому, монгольский письменный язык возник именно у этих монгольских племен до эпохи Чингис-хана" и что "Чингис-хан ввел для нужд своей державы уже готовый литературный язык, язык достаточно фиксированный, изображавшийся при помощи уйгурских букв" [24, с. 19–20].

В качестве доказательства появления у найман ранней монгольской письменности обычно приводится широко известное историческое предание о том, что в 1204 г. Чингис-хан, одержав победу над найманами, захватил в плен уйгура по имени Та-та-тонга, служившего "канцлером" у найманского Даян-хана. С помощью этого "канцлера" и была будто бы введена Чингис-ханом монгольская письменность на уйгурской основе.

Эта версия нашла поддержку среди монголоведов [74, с. 14–15; 115, с. 183; 122, с. 7]. Однако никаких найманских памятников до сих пор не обнаружено, а сама версия опровергается теми учеными, которые считают, что найманы были племенем не монгольского, а тюркского происхождения [16, с. 1; 118, с. 693–

¹ Об этом языке см. [78].

694; 126, с. 59]. По мнению Л.Лигети, "найманы во времена Чингис-хана говорили еще и на своем прежнем тюркском языке", а в "Дань чао би ши" ("Сокровенном сказании монголов") "найманские топонимические названия и личные имена большей частью тюркского происхождения" [42, с. 136].

Вопросом о происхождении найманов специально занимался также С.Мураяма. Исследуя этимологию собственных имен и титулов найманов, сохранившихся в "Сокровенном сказании" и у Рашид-ад-Дина, японский ученый приходит к заключению, что найманы говорили не на монгольском, а на тюркском наречии [120, с. 188-198]. Согласно "Дань ши" ("История династии Дань"), Та-та-тонга был реальным историческим лицом, жившим на рубеже XII-XIII вв. С.Мураяма полагает, что Та-та-тонга знал монгольский язык и письменность, которым и обучал, попав в плен, детей Чингис-хана. Но на этом языке, как считает ученый, говорили скорее всего не найманы, а керейты [120, с. 197-198].

Керейтской гипотезы склонен был придерживаться и Б.Я.Владимиров [25, с. 6-7]. Как известно, керейты задолго до Чингис-хана приняли христианство несторианского толка, длительное время находились в культурных отношениях с уйгурами и другими народами Туркестана и Семиречья и были на более высокой ступени общественного развития, чем другие монгольские племена. Установлено и то, что Чингис-хан при организации и внутреннем устройстве своей империи многое заимствовал у керейтов [42, с. 136]. Однако и керейтская версия не вносит ясности в проблему истоков письменного монгольского языка, тем более что и об этническом происхождении этих племен также существуют разные мнения: одни их считают монголами [24, с. 19; 66, с. 13], другие - тюрками [5].

В последнее время появилась еще одна, третья, версия, связывающая происхождение письменного монгольского языка с киданями [42, с. 138; 20, с. 137-155; 20а, с. 139-155].

Первые достоверные сведения о киданях китайская летопись "Вэй шу" ("История династии Северная Вэй") относит к эре правления Дэн-го (386-395), т.е. к концу IV в. [86а, с. 16]. Киданьские гlossen, сохранившиеся в китайских источниках, свидетельствуют о том, что "киданьский язык безусловно относится к монгольским языкам" и что он "по сравнению с монгольским языком XIII-XIV вв. обнаруживает более древние черты (вместо и в начале слова еще имеется р) [42, с. 138; 31, с. 9-10].

У киданей было две разновидности собственной системы письма. "Большое письмо" было изобретено на основе китайской иероглифической письменности для обозначения родов и имен военачальников, а идея создания общеупотребительного "малого письма", вероятно, была заимствована у уйгур. Во всяком случае, его создатель Тела (Дела) был знаком с уйгурским алфавитом [31, с. 10].

В конце прошлого столетия А.М.Позднеев случайно обнаружил на развалинах бывшего киданьского областного города Цинчжоу несколько фрагментов с текстами, оказавшимися фрагментами киданьского письма. Однако этому открытию не придали должного значения.

В 1920 г. недалеко от этих развалин П.Пельо обнаружил подземные мавзолеи киданьских правителей, где находились стелы с надписями на киданьском и китайском языках, представляющими собой эпитафии императорам и императрицам.

В 1949 г. в провинции Ляонин китайскими археологами были найдены куски каменных плит с текстом на киданьском языке.

Первый этап дешифровки киданьского письма, проведенный советскими учеными, пока не дал определенных результатов, подтвердив лишь агглютинативный характер киданьского языка [83, с. 148-151; 47; 86, с. 127-147; 71, с. 148-151; 70, с. 169-170]. Однако, по некоторым киданьским словам в китайской транскрипции и по историко-этнографическим данным ряд ученых устанавливает принадлежность киданьского языка к алтайской группе и его родство с монгольским языком [42, с. 138; 31, с. 10; 20а, с. 139-155].

Если признать киданей монголоязычным народом, то в таком случае это был один из первых монгольских народов, создавших свою письменность.

Сторонники киданьской гипотезы считают, что "в основу монгольского литературного языка лег язык семиречинских киданей (кара-кытаев), к которому была приспособлена уйгурская письменность, распространенная ранее среди ряда племен Средней Азии и Восточного Туркестана" [20, с. 155].

Что же касается найманского "канцлера", обучавшего детей Чингис-хана монгольскому языку, зафиксированному уйгурской письменностью, то и в данном случае предполагается, что, будучи чиновником при дворе, Та-та-тонга знал этот язык, употреблявшийся в официальных сношениях с киданями, которому и обучил окружение Чингис-хана, после того как был взят в плен [20, с. 153].

Так обстоит дело с версиями о происхождении монгольской письменности и письменного монгольского языка, причем ни одна из них до сих пор не получила достаточно обоснованного фактами подтверждения.

Высказываются также разные точки зрения и о периодах и истории развития старописьменного монгольского языка.

Впервые периодизация старописьменного монгольского языка с подразделением на три периода и с характеристикой фонетических, грамматических и лексических особенностей в каждый из периодов была предложена Б.Я.Владимирцовым:

1) древний период начинается от неизвестного нам времени и продолжается до начала ХIУ в.;

2) средний период продолжается от начала ХIУ в. до второй половины ХIІ в.;

3) классический период начался с конца ХIІ - начала ХIІІ в.² и продолжается в ХХ в. [22, с. 41-53; 24, с. 20-24, 33, 73-78, 118-120].

Такой же периодизации придерживается и Г.Д.Санжеев [74, с. 15-16; 75, с. 9-10].

Несколько иную классификацию дает Л.Лигети, справедливо считающий, что "возникновение монгольского языка... нельзя связывать с выступлением на историческую арену Чингис-хана". С его точки зрения, "не подлежит сомнению, что отрезок жизни и развития монгольского языка с момента его обособления от прочих родственных языков до столетий, предшествующих ХІІ в., охватывает огромный период" [42, с. 136-137]. Поэтому первый период, самый древний в истории монгольского языка, о котором имеются лишь гипотетические данные, он условно называет "протомонгольским" [42, с. 136].

Вторым периодом Л.Лигети считает тот, "который непосредственно предшествовал периоду, засвидетельствованному уже в древнейших памятниках ХІІ в.". Этот период он называет "древнемонгольским".

К третьему - "среднемонгольскому" - периоду Л.Лигети относит тот, который в классификации Б.Я.Владимирцова считается первым [42, с. 136].

² Начало третьего периода Б.Я. Владимирцов выделяет в особый, переходный, период, когда существовало смешанное уйгуромонгольское письмо [24, с. 33].

Нет единого мнения относительно периодизации истории монгольского письменного языка и среди монгольских лингвистов. А.Лувсандэндэв, например, подразделяет развитие монгольского языка на три периода:

1) древний период, по его классификации, продолжается с незапамятных времен приблизительно до начала ХІІІ в.³;

2) средний период продолжается с начала ХІІІ в. и до середины ХIІІ в. Этот период монгольский учений, в свою очередь, подразделяет на два этапа: первый длился до начала ХIІІ в., а второй - с начала ХIІІ до середины ХIІІ в.;

3) третий период начался с середины ХIІІ в. и продолжается сейчас. Этот период, так же как и второй, имеет два этапа: первый - с середины ХIІІ в. и до 40-х годов ХХ в., а второй - после 40-х годов [46, с. 19-21].

Д. Томортого выделяет четыре периода:

1) протомонгольский период, т.е. тот, о котором, по словам Л. Лигети, "у нас имеются лишь очень смутные догадки";

2) древнемонгольский охватывает промежуток времени с конца "протомонгольского" периода до XI-XII вв.;

3) среднемонгольский период начинается приблизительно в XI-XII вв. и продолжается до XVI-XIII вв.;

4) современный период берет начало в XVI-XIII вв. и является прямым результатом развития среднемонгольского языка [94, с. 47-57].

Конечно, монгольский язык или диалект, легший в основу письменного монгольского языка, существовал задолго до того, как он был зафиксирован в памятниках на уйгурской основе. Затем на протяжении нескольких веков этот язык, а до недавнего времени и письменность развивались и менялись. "Письменный монгольский язык, - писал Б.Я. Владимирцов, - отнюдь не является чем-то раз навсегда установленвшимся; он знает несколько ступеней развития и в том виде, в каком его представляют наши грамматики, установленся сравнительно недавно" [22, с. 41-42].

При установлении периодизации развития монгольского языка

³ Позже А.Лувсандэндэв несколько изменил свою точку зрения: первый - древний период с неизвестного времени продолжается уже не до начала ХІІІ в., а только до У в. н.э. Соответственно первый этап второго периода, начавшийся примерно с У в., продолжается до начала ХIІІ в. [47, с. 11].

и письменности необходимо прежде всего иметь хотя бы общее представление о звуковом составе, грамматическом строе, лексике и изменениях в них, характерных для того или иного исторического отрезка времени. Предложенная Б.Я. Владимирцовым периодизация, а также данная им лингвистическая и историческая характеристика каждому из трех периодов в общем остается верной и сейчас.

Язык древнего периода, вероятно, возник "на почве какого-то очень древнего диалекта, который выявляет древнюю стадию развития монгольского языка" [24, с. 20]. Возможно, это был язык предков киданей.

Уже до того, как он был воспринят окружением Чингис-хана, это был, по-видимому, сложившийся письменный язык, отличающийся от живой разговорной речи монголов. Язык этот использовался главным образом для надобностей административно-государственного аппарата.

В результате исследования древних текстов удалось восстановить систему вокализма этого периода, которая состояла из восьми гласных звуков, образующих два сингармонических ряда:

- 1) гласные заднего ряда: а, о, у, ё⁴ [24, с. 118];
- 2) гласные переднего ряда: ё, ё, ю, ю.

Для языка первого периода были характерны еще начальный *r>f*, *h* и интервокальные согласные =γ=, =g=, ь, а иногда =y=. К этому времени относятся и два первых перелома гласного *i* (УЛ-ХII вв.) [74, с. 19, 24, 109].

Язык второго - средненемонгольского - периода (начало ХIУ-конец ХIУ в.), который функционировал первоначально как деловой язык в сфере государственного аппарата, стал также языком эпоса и исторических сочинений, а к ХIУ в. широко использовался тибетскими и уйгурскими монахами для перевода буддийских сочинений. Благодаря этим переводам в монгольский язык проникло значительное количество заимствованных слов уйгурского, иранского, арабского и даже греческого происхождения. В письменный язык проникают слова из живых народных говоров.

В средненемонгольский период исчез заднеязычный ё, который существовал в монгольском языке сравнительно недолго, по-види-

⁴ Предположение о том, что в древнем монгольском языке существовал гласный *i* задней артикуляции, было высказано Г.И. Рамstedтом [69, с. 52]; см. также [14, с. 110-117].

мому, до середины ХIІ в., так как еще в очень раннюю эпоху, по мнению Б.Я. Владимирцова, произошло сближение двух фонем ё и i, выразившееся в том, что ё перестал отличаться от i и вместо этих гласных остался только один i, хотя в монгольском письме по традиции некоторое различие между ё и i сохранялось вплоть до конца ХIІ в. [24, с. 120]. В диалектах еще существовал начальный щелевой f, h < r, характерный для большинства живых монгольских диалектов ХIІ-ХIУ вв. [74, с. 24]. Согласный γ(g) в интервокальной позиции заменяется глухим щелевым h, исчезновение которого привело впоследствии к образованию долгих гласных. Процесс этот завершился во второй половине ХIІУ - начале ХIІ в. Появляются дифтонги (в ХIІ в. их еще не было). Около ХIІУ-ХI вв. происходит третий перелом гласного i [74, с. 26, 81, 109], усиливается прогрессивная и регressive ассимиляция гласных (например: orón < oran, örgön < örgen, tögüs < tegüs).

С конца ХIІ - начала ХIІІ в. начинается третий, "классический", период в развитии письменного монгольского языка.

Этот период характеризуется существенными изменениями как в самом языке, так и в письме. Из языка исчезают ставшие непонятными слова и ряд грамматических форм, которые заменяются новыми. Так, например, изъявительная глагольная форма на =t, неоднократно встречающаяся в тексте "Сокровенного сказания" и зарегистрированная в памятниках квадратной письменности, к ХIІІ в., по-видимому, вышла из употребления. Автору летописи ХIІІ в. "Алтан тобчи" Лувсан Данзану она была уже чужда, и поэтому все параллельные с "Сокровенным сказанием монголов" места хроники, в которых использовалась глагольная форма на =t, опускались или форма на =t заменялась другими изъявительными, причастными или деепричастными глагольными формами (=m, =mui; =qun, =n)⁵.

Как известно, "Алтан тобчи" - это пересказ большинства параграфов "Сокровенного сказания". Но перед некоторыми словами стоят поясняющие их гlosсы, что свидетельствует о том, что эти слова стали в ХIІІ в. непонятны или малоупотребительны, например, negüdel перед negüri "кочевые", boyoní перед abid "короткий" и т.п.

С конца ХIІ в. происходят большие изменения и в уйгурско-

⁵ Ср., например, "Сокровенное сказание монголов", §§ 21, 64, 153, 173, 174 и "Алтан тобчи", с. 12, 29, 115, 135, 136.

монгольском алфавите, которым пользовались монголы. Изменились начертания некоторых букв: конечные "а", "е", "н", "д" стали писать с черточкой, загибающейся слева направо, а не вниз, как это было прежде; иными стали начертания букв "а", "е", употреблявшихся в качестве приписных ("знак орхица"); изменению подверглась и буква "м" (без двух зубчиков слева).

Во многих случаях стало различаться написание согласных *d*, *t*; были введены две новые буквы для обозначения *č* и *š*. Иное начертание получила буква "с" в конце слова. Видоизменилась и система диакритических знаков: точка перед конечным "н" уже не ставилась. Алфавит пополнился буквами, специально создаными в 1587 г. для транскрибирования иноязычных слов, главным образом индийских и тибетских [24, с. 73–78].

В результате образовался язык, который называется классическим письменным языком монголов [24, с. 24].

В конце ХУП – начале ХУШ в. на этом языке интенсивно велось книгопечатание ксилографическим способом, переиздавались старые сочинения, составлялись словари и грамматики, способствующие нормированию языка и письменности.

Существенным для третьего периода является и то, что с конца ХУI в. старописьменный монгольский язык становится средством письменного общения только собственно монголов на территории Халхи (ныне МНР) и Внутренней Монголии, так как к началу ХУП в. ойратские и бурятские племена консолидировались в самостоятельные народности. С тех пор этот язык в своем функционировании и развитии "опирается на богатство лишь одного собственно монгольского языка" [79, с. 9]. Это означает, что уже в тот период монгольские диалекты создали основу для образования самостоятельных монгольских языков. Письменный же язык продолжает развиваться преимущественно под влиянием халхасского диалекта.

"Классический" период в развитии монгольского языка к началу ХХ в. сменился четвертым – современным – периодом.

Краткие сведения об "Алтан тобчи"

Конец ХУI – начало ХУП в. в монгольской истории – это период широкого распространения и окончательного утверждения буддизма в его ламаистской форме, который принес в Монголию тибетскую культуру, что способствовало оживлению литературного творчества.

В буддийских монастырях издавались переводные сочинения с тибетского, китайского языков и санскрита. Стали появляться и оригинальные монгольские сочинения. Под влиянием тибетской историографической традиции составляются летописи. Их изучением занимались такие крупнейшие монголоведы ХХ в., как Б.Я.Владимиров, Ц. Жамцарано, П. Пельо, А. Мостарт и др.

Некоторые же летописи долгое время оставались неосвоенными наукой. "Большими успехами, – писала Н.П. Шастина, – отмечено изучение монгольских средневековых памятников, в частности исторических хроник и летописей, за последние двадцать лет. За эти годы были выявлены летописи, до сих пор остававшиеся неизвестными; были опубликованы тексты летописей, известных лишь узкому кругу источниковедов; были сделаны переводы и исследования некоторых летописей; появилась обобщающая монография по монгольскому летописанию" [45, с. 11].

Среди составленных в ХУП в. летописей одной из самых интересных по содержанию признается "Алтан тобчи" Лувсан Данзана⁶ – крупная историческая хроника и литературный памятник монгольского средневековья [45, с. 12].

Список "Алтан тобчи", полное название которого – "Золотой свод, содержащий краткую историю государственного правления, основанного древнейшими царями", был обнаружен в 1926 г. в восточной Халхе первым председателем Ученого комитета Монгольской Народной Республики Джамьян-гуном, прекрасным знатоком старинных рукописей. Он и передал список в книгохранилище Ученого комитета (ныне Академия наук) МНР.

Точная дата создания летописи не установлена. Ряд исследователей – Ц. Жамцарано, а вслед за ним Л.С.Пучковский, Н.П.Шастина, монгольский историк Х.Пэрлээ и др. относят хронику к началу или ко второй половине ХУП в. [30, с. 80; 66, с. 148; 102, с. 4; 67, с. 14]. А. Мостарт полагал, что летопись была написана в период между 1649 и 1736 гг. [108, с. IX–XXI]. Ш. Бира считает, что Лувсан Данзан завершил труд либо в самом конце ХУП в., либо в начале ХУШ в. [13, с. 430]. По косвенным данным В.Хайссиг установливает дату 1651–1655 гг. [117, с. 53–55].

⁶ По мнению монгольского историка Ш.Бира, Лувсан Данзан не был единственным автором этой летописи. Он полагает, что летопись была составлена несколькими учеными, а Лувсан Данзан был руководителем и главным автором хроники [13, с. 227].

Н.П.Шастина, признавая убедительность доводов В.Хейсига, считает, что "летопись была создана в пятидесятых годах ХУП в., не позднее 1660 г., но и не раньше 1655 г." [45, с. 28].

Как сообщает Ц.Жамцарано, с этого списка были сняты две копии: одна самим Джамьян-гуном для П.Пельо, которая неоднократно упоминалась им "в его изысканиях, связанных с изданием монгольского текста "Сокровенного поведания монголов" [30, с. 80]. Сейчас эта копия находится под № 131 в монгольском фонде Национальной библиотеки в Париже [45, с. 13]. Другая снята Д.А.Брайдовым с рукописи, хранящейся в Восточной библиотеке Ученого комитета МНР [30, с. 79].

Впоследствии с рукописи было снято еще несколько копий и фотокопий, из которых одна хранится в монгольском фонде Рукописного отдела Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР (Монг. фонд, фото В-90) [45, с. 13].

В 1937 г. летопись была издана в Улан-Баторе в двух книгах: первая содержит I-IV, I-161 с., вторая I-I93 с. текста, что было вызвано, вероятно, чисто издательскими соображениями [45, с. 15].

И хотя при издании рукописи, как отмечает Н.П. Шастина, "было допущено довольно много небрежностей, снизвших научную ценность публикации", эта публикация сделала редкую рукопись доступной для исследования и вызвала большой интерес монголоведов [45, с. 15-16].

В 1941 г. часть текста, близкая к "Сокровенному сказанию", была опубликована в транслитерации на латинской графике С.А.Козиным [36, с. 321-397].

В 1952 г. в США была издана фотокопия уланбаторского издания 1937 г. в одной книге с предисловием Ф.В.Кливза и вводной статьей А.Мостарта [108].

В 1957 г. в Улан-Баторе увидело свет издание перевода летописи на современный монгольский язык, выполненного Ц.Шагдаром [3]. Переводу предшествует краткое предисловие, в котором указывается на наличие в летописи Лувсан Данзана ряда интересных сведений, отсутствующих в "Сокровенном сказании", но известных Рашид-ад-Дину. На основании этого делается вывод, что, во-первых, у Лувсан Данзана был полный оригинал "Сокровенного сказания" и, во-вторых, источники, которыми пользовались Рашид-ад-Дин и Лувсан Данзан, имели общее происхождение. Далее Ц.Шагдар отмечает, что язык и стиль этого сочинения значительно отличают-

ся от современного монгольского языка и потому он, не ставя перед собой задач научного исследования, перевел это ценнейшее историческое и литературное произведение на современный монгольский язык с единственной целью дать возможность широкому читателю познакомиться с ним [3, с. 5-6]. Однако переводчик в ряде мест допускает довольно вольное обращение с текстом оригинала. Пропуски слов, предложений, а иногда и целых страниц, а также неточности в передаче на современный язык некоторых выражений делают этот труд, как вполне справедливо отмечает Н.П.Шастина, "дилетантским" [45, с. 17].

Текст "Сокровенного сказания" дожел до нас в фонетической записи китайскими иероглифами. Кропотливые исследования "Сокровенного сказания" привели многих ученых к убеждению, что источником этой фонетической записи был монгольский текст, написанный уйгуро-монгольским шрифтом. Предполагается, что этот текст был известен монголам и в ХУП в. и с ним был знаком Лувсан Данзан. Наличие в летописи Лувсан Данзана пересказа 233 параграфов из 282, содержащихся в "Сокровенном сказании", подтверждает это [45, с. 23-24]. Вместе с тем ценность летописи Лувсан Данзана, как считают исследователи, состоит не только в пересказе содержания текста "Сокровенного сказания", но прежде всего в том, что она заключает в себе фрагменты неизвестных нам древних монгольских хроник и собраний высказываний Чингис-хана, являющихся "поучением хаганам и нойонам" [30, с. 82].

"Наличие многих данных, которых нет в "Сокровенном сказании", но которые подтверждаются другими источниками (например, "Сборником летописей" Рашид-ад-Дина и др.), свидетельствует о том, что Лувсан Данзану были доступны и другие древнемонгольские источники" [13, с. 431].

Ряд исследователей допускает даже, что у Лувсан Данзана был более полный оригинал или список "Сокровенного сказания", так как "Алтан тобчи" в общих с "Сокровенным сказанием" разделах содержит порою сведения, отсутствующие в последнем [45, с. 6; 105, с. 202-205].

Ц. Жамцарано характеризовал "Алтан тобчи" как интересное литературное произведение и историческую хронику по древней истории монголов, составленную на основании многих монгольских источников, "большинство которых, безусловно, относится к XII-XIII вв." [30, с. 80-81].

Ш. Бира считает большой заслугой Лувсан Данзана и его помощников то, что "они в обстановке чужеземного ига и господства

ламастской идеологии сумели возродить самобытные историографические традиции монголов, используя в полной мере источники XII-XIII вв." [13, с. 232].

Вскоре после своего обнаружения список летописи привлек к себе большое внимание ученых-ориенталистов. Так, уже в 1930 г. она упоминается П.Пелью в связи с изданием им текста "Сокровенного сказания" и получает его высокую оценку [121, с. 199-202].

При описании монгольских летописей ХУП в. Ц. Жамцарано посвятил целую главу "Алтан тобчи" [30, с. 78-120], сравнив ее текст с текстом "Сокровенного сказания". Он впервые определил, что в "Алтан тобчи" помимо текста "Сокровенного поведания", или "Секретной истории монголов" ("Дань чао би ши"), содержится и ряд других рассказов, безусловно, восходящих к первой половине XIII в., т.е. времени создания "Сокровенного сказания" [30, с. 80].

Несколько позже при подготовке к изданию текста и перевода "Сокровенного сказания" на русский язык летопись "Алтан тобчи" была использована С.А.Козиным, также давшим ей высокую оценку.

Монгольский ученый Ц.Дамдинсурэн привлек "Алтан тобчи" при переводе "Сокровенного сказания" на современный монгольский язык [49].

Л.Лигети в издании "Сокровенного сказания", сопоставив его с текстом "Алтан тобчи", также пришел к выводу, что "в руках летописца ХУП в. имелась особая версия "Сокровенного сказания" [105, с. 204].

В введении к фототипическому переизданию "Алтан тобчи" (1952 г.) в США А.Мостарт, продолжая исследование летописи, начатое Ц.Жамцарано, делает ряд новых наблюдений, уточняет совпадающие с "Сокровенным сказанием" места и сводит их в таблицу [108, с. ХУШ-ХХ].

В. Хейссиг в книге о монгольских летописях XVI-XVII вв. посвящает отдельную главу исследованию "Алтан тобчи", где дает сведения об авторе летописи и материалах, им использованных [117, с. 50-75].

Текст "Алтан тобчи" был также объектом специального исследования как источник для изучения древней истории монголов [27].

Наконец, в 1973 г. вышел в свет подготовленный Н.П.Шастиной полный перевод на русский язык текста "Алтан тобчи", сопровожденный подробным комментарием. В обширном введении большое внимание уделяется описанию летописи, ее публикациям и изучению, приводятся краткие сведения об авторе летописи, предполагаемой дате ее написания. Подчеркивается значение летописи как источ-

ника "не только для изучения истории монгольского летописания, но и для изучения жизни средневекового общества монголов и истории монгольской культуры" [45, с. 28].

Отметив, что "язык летописи "Алтан тобчи" заслуживает специального лингвистического исследования", Н.П.Шастина перечисляет некоторые архаичные глагольные формы, особенности орфографии и правописания собственных имен. Кроме того, она указывает на то, что в "Алтан тобчи" сохранились слова, ставшие в ХУП в. архаизмами и потому обычно снабженные глоссами [45, с. 43-44].

Итак, сочинение Лувсан Данзана получило широкую известность и не раз привлекалось к исследованию учеными-ориенталистами. Все перечисленные выше работы имеют литературно-исторический, либо сопоставительный характер. Последние нацелены на выяснение семантики трудных для перевода параллельных мест "Сокровенного сказания".⁷ Лингвистическому же анализу текст "Алтан тобчи" не подвергался.

Несмотря на то что в последние десятилетия в монголоведении появилось немало работ, посвященных исследованию фонетического и грамматического строя монгольских языков, изучение языка литературно-исторических памятников пока только начинается. Имеющиеся лингвистические исследования средневековых источников Монголии ограничиваются в основном частными вопросами грамматики с привлечением данных этих источников. Между тем развитие языка вряд ли можно проследить без предварительного филологического анализа письменных памятников. "Но ведь материя и форма родного языка, - писал Ф.Энгельс, - становятся понятными лишь тогда, когда прослеживается его возникновение и постепенное развитие, а это невозможно, если не уделять внимания, во-первых, его собственным отмершим формам и, во-вторых, родственным живым и мертвым языкам" [1, с. 333].

Язык "Алтан тобчи" существенно отличается от современного не только по стилю, лексике (наличие значительного количества архаизмов) или синтаксическим конструкциям (что требует специального изучения), но и в области морфологии, которая, как известно, является наименее подвижной частью структуры языка. Сопоставление грамматических форм и их значений с их современным

⁷ Результатом сравнения параллельных мест "Сокровенного сказания" и "Алтан тобчи" является, например, статья С.А.Козина "К вопросу о показателях множественности в монгольском языке" [37, с. 120-135].

состоянием и поможет выяснить, в какой мере язык остается неизменным на протяжении определенного исторического отрезка времени.

Настоящее исследование посвящено анализу именных и глагольных словоизменительных форм и рассмотрению служебных слов, описанию их значений и особенностей употребления сравнительно с современным монгольским языком.

К таким особенностям можно отнести, например, частое употребление местного падежа с окончанием =a/=e, свойственным, как считают многие алтайцы, только древнемонгольскому языку и уже на очень раннем этапе ставшим архаичным; широкое использование двойного дательно-местного с исходным падежа на =dača/=deče, сохранившегося в современных монгольских языках в единичных случаях; наличие имен существительных в форме множественного числа, которые в современных монгольских языках либо вообще не имеют формы множественного числа, либо имеют уже другие суффиксы (*yad*, 'руки', *yajad* 'земли', *od* 'года', *edüd* 'дни' и др.).

Специфику глагола составляет форма на =u, отсутствующая в современных монгольских языках, частое и своеобразное употребление формы на =tip, которая могла быть образована от многих глагольных основ и которая практически ныне исчезла. Имеются отличия и по некоторым другим изъявительным, причастным и деепричастным формам.

Для исследования по мере необходимости привлекались материалы из тюркских и других алтайских языков.

x x
 x

Несколько слов следует сказать об особенностях текста "Алтан тобчи".

Как отмечал Ц.Хамцаев, текст рукописи не лишен недостатков. "В тексте имеются многочисленные ошибки, пропуски и иска-
жения слов" [30, с. 79]. Переписка рукописи для публикации усу-
губила эти недостатки, так как появились новые пропуски слов и целых строк, некоторые слова рукописи были неверно прочитаны, вставлены лишние слова, не всегда к тому же удачно, кое-где исправлялись диакритические знаки, в отдельных случаях изменено написание слов [45, с. 15-16].

Орфография текста не различает č и ĥ, пишется č, напри-
мер: dorumčilaču вм. dorumjilaju. Вместо знака, обозначающе-

го звук s, употреблялся знак, который, будучи слегка удлиненным, соответствовал знаку для обозначения n. Такое напи-
сание считается характерным для средневековых рукописей.

В тексте отсутствует какая-либо система в употреблении диакритики. Например, обозначение согласно орфографии того вре-
мени буквы "γ" знаком "hēth" с двумя точками слева, а "q" тем же знаком без точек не соблюдается. Нередко "γ" изображается указанным знаком без точек, тогда как "q" передается этим же знаком с точками. Слово qačan 'хан' в тексте везде пишется без диакритики. Очень часто можно встретить qačar вм. jačar 'земля', jačur вм. jačur 'в промежутке', čačan вм. čačan 'белый' и т.д.

Иногда диакритические знаки ставятся там, где их быть не должно. Не выдержанна диакритика и перед согласным n. Точка перед знаком, обозначающим согласный n, должна ставиться тогда, когда за n следует гласный, и, напротив, должна отсутствовать, если после n следует согласный. В тексте же она нередко пропускается перед предвокальным n и вставляется перед предконсонантным n, что затрудняет правильное чтение текста.

Наряду с графическими слогами ГСГ для передачи долгого гласного в конце слов мягкого ряда употребляются и слоги типа ГСГГ, например: ilegū и ilegūū 'слишком', degū и degūū 'младший', так как перед узкими гласными g и k не различа-
ются.

Орфография не выдержана порой даже для одного и того же сло-
ва: на одной странице можно встретить разное написание, напри-
мер: goruqun и goruqan [AT I, с. 8] 'речка'; azačubasi и asayb-
asu [AT II, с. 2] 'когда спросил'. Имеются искажения в написа-
нии собственных имен и географических названий, например:
Amačar qačan [AT I, с. 20-21] и Amačai qačan [AT I, с. 24] -
собственное имя и титул; Tünggelig [AT I, с. 15], Tünggileg
и Tünggeling [AT I, с. 8] - название реки.

В тексте наблюдается смешение показателей родительного и винительного падежей (подробно об этом в разделах о соответст-
вующих падежах). Вопреки нормам, согласно которым падежные по-
казатели пишутся раздельно от основ, показатели исходного, ро-
дительского, а иногда и других падежей встречаются как в слит-
ном, так и в раздельном написании, например: tendeče и tende=ce
'оттуда'; čim-a-ača 'от тебя'; minu и min=u
'мой'; sara=yin и sarayin 'месяц'; tegün=ü и tegün=ü
'его'. То же можно сказать и в отношении глагольных морфем, на-

пример, суффикс слитного деепричастия пишется раздельно, например: ködel=ün [AT II, с. 147] вм. ködelün 'двигаясь' qayal=ün [AT I, с. 37] вм. qayalun~qayalan 'отделяясь'.

Такая "невыдержанность" орфографии является результатом смешения старых (доклассических) и новых (классических) норм правописания. Создание единого правописания завершилось позже, в ХУШ в., а в ХУП в. старое еще продолжало уживаться с новым.

ИМЕННЫЕ ФОРМЫ

Существительные

Падежи и их значения

Падежей в "Алтан тобчи" насчитывается девять: именительный, винительный, родительный, дательно-местный, местный, исходный, орудный, совместный и соединительный.

Именительный падеж

Именительный падеж не оформлен. Принято считать, что он совпадает с основой слова. Однако Г.Д. Санжеев справедливо полагает, что "это - разные по форме и содержанию категории, хотя не приходится отрицать того, что в большинстве случаев основа и именительный падеж внешне действительно совпадают, образуя как бы омонимы" [74, с. 140].

И хотя формальные различия между основой и именительным падежом незначительны и выявляются лишь в определенных разрядах слов (в местоимениях и в имечках с так называемым неустойчивым или скрытым конечным =n), их нельзя не принимать во внимание, иначе будут смешиваться эти разные словоформы.

Монгольские слова, оканчивающиеся на =n, можно подразделить на две группы:

1) слова с устойчивым =n, который не исчезает ни при каких обстоятельствах. Сюда относятся имена, обозначающие: а) наименования людей, например: emegen 'старуха', ebiyen 'старик', keiken 'девушка', kurgen 'зять', noyan 'князь', господин; б) названия качества, признака предметов, например: ulagan 'красный', bulan 'белый', doysun 'пустой', ööken 'маленький';

2) слова с неустойчивым =n, в основном обозначающие названия животных, растений, предметов, явлений природы, например: morin 'конь', qonin 'овца', imayan 'коза', modun 'дерево', čilayun 'камень', ebesün 'трава', 'сено'; salkin 'ветер', borgyan

‘дождь’. Слова с неустойчивым конечным =н имеют две основы: полную (*morin*, *modun*) и усеченную (*mori*, *modu*)¹. Наличие полной и усеченной основ имеет отношение только к системе словоизменения, так как одни падежи образуются от полной основы, а другие от усеченной.

В языке “Алтан тобчи”, равно как и в других монгольских языках и диалектах, за исключением современного монгольского языка², именительный падеж обычно совпадает по форме с первой, или полной основой слова.

В предложении имя в именительном падеже является либо подлежащим, либо именным сказуемым, например: *čisun anažu masi berke umda yasumui* [AT I, с. 91] ‘Кровь засохла /засыхая/, очень хочется пить’; ... *naran saran gilberen* /*mañduñ/ yarqu čay=tur... yarču odum bölige* [AT I, с. II] ... ‘ходил бывало, когда всходило солнце, разливая свет’; *Er=e=yi inu biden-ü čerig=üd ala-qu bolujujai* [AT I, с. 94] ‘Как бы наши солдаты не убили ее мужа’; *Bi yadangki kümün bui* [AT I, с. 79] ‘Я бедный человек’;

¹ Принцип выделения двух основ и их значения в монгольских языках подробно исследуется Г.Д. Санжеевым [74, с. 140–158, 181–188]. Точку зрения о том, что именительный падеж и основа – разные категории, разделяют и монгольские языковеды [44]. Ш.Лувсанвандан в ряде статей, посвященных употреблению имен с неустойчивым конечным =н [119, с. 5–20; 43, с. 25–29], высказывает мысль, что эти имена в именительном, винительном и совместном падежах имеют конкретное, вещественное значение, тогда как в родительном, исходном, дательно-местном падежах они выражают абстрактное значение.

² В современном монгольском языке от полной основы, т.е. при сохранении конечного =н, образуются формы родительного, исходного, дательно-местного и иногда орудного падежей. От неполной, или усеченной, основы образуются именительный, совместный и орудный падежи. При этом значение орудного падежа от полной основы отличается от значения орудного, образованного от усеченной основы, большей абстрактностью. Ср.: Тэр хүн хонио тэмээгээр солив ‘Тот человек поменял своих овец на верблюда’ (конкретных овец на конкретного верблюда) и Тэр хүний хонь тэмээнээр явав ‘Овцы того человека ушли с верблюдами’ (т.е. туда, куда ушли верблюды). Примеры на употребление конкретного и абстрактного орудного падежа см. в [56, с. 70].

Köbegün imu *yisügei bayatur bölige* /AT I, с. 87/ ‘Сыном (сын) его был Есугэй-багатур’.

Винительный падеж

Показателем винительного падежа являются =и после основ на согласные и =үи после основ на гласные: ... *süm=e keyid=i bayiyulju*, *Tomi Sambuta kemekü tüsimeł=i Enetkeg=tür ilegejü...* /AT I, с. 57/ ‘Он воздвигал храмы, послал чиновника по имени Томи Самбота в Индию ...’; *Tere bulyan daqu=yi Tömöčin, Qasar, Belgütei yurbayula abču odču ...* /AT I, с. 48/ ‘Тэмучин, Хасар и Бэлгутэй, взяв ту соболью доху, уехали ...’.

Однако абсолютно строгой последовательности в употреблении этих показателей в зависимости от конечного звука основы в тексте памятника не наблюдается. Иногда после основы на гласный можно встретить =и; например: *törü=i* /AT II, с. 147/ вм. *törü=үi* ‘власть, государство’; *bügüde=i* /AT II, с. 63/ вм. *bügüde=үi* ‘всех’; после же основ на согласные – =үи; например: *čerig=үi* /AT II, с. 111/ вм. *čerig=i* ‘солдат’.

Винительный падеж в монгольских языках употребляется для обозначения прямого дополнения, за исключением тех случаев, когда им оформляются слова, выступающие в качестве субъекта действия в причастных и деепричастных оборотах.

Что касается основ с неустойчивым конечным =н, то хотя этот =н начал выпадать в словах, выполняющих функцию прямого дополнения, еще в древнемонгольский период /119, с. 5–20/, в “Алтан тобчи” он продолжает сохраняться. За некоторым исключением слова типа *modun* ‘дерево’, *morin* ‘конь’, *naran* ‘солнце’ имеют в винительном падеже полную основу, например: *nayiman siray=a morin=i nekekü=dür naran=i kildus ki.ü yarqui čay=tur uciraju...* /AT I, с. 149/ ‘Я повстречал /тебя/ на восходе солнца, когда гнался за восемью соловыми конями’; ... *erdenis=ün ayayan=i eldeb üres=iyer dügürgejü qayan=dur soyuryabai* /AT II, с. 183–184/ ‘... наполнил драгоценную чашу разными дарами и преподнес хану’; *mo-dun=u gesigün=i qujur=a tatalaju ...* /AT I, с. 78/ ‘Согнул пополам ветку дерева’.³

³ Слово *gesigün* ‘ветка, сук’ сохраняет в основе конечный =н, тогда как в современном монгольском языке выпадение конечного =н, в связи с расщеплением значения данного слова, привело к образованию двух самостоятельных лексических единиц: *гишүү* ‘ветка, сучок’ и *гишүүн* ‘член какой-либо организации’ /74, с. 139–140/.

Сохраняют =n в винительном падеже и числительные в субстантивном употреблении⁴, например: *Belgütei*, *Boγorči*, *đelm=i* *urban=i* *urban qonju dayulju merked=i kögelgejü...* [AT I, с. 52] 'Завистил Бэлгутэя, Богорчи и Джэлмэ – троих троек супок преследовать меркитов'; *Ede dörben=i* *Ögelen eke asaraba* [AT I, с. 85] 'Этих четверых вскорнила матушка Огэлэн'.

В тексте "Алтан тобчи" встречается употребление показателя винительного падежа вместо ожидаемого родительного, например: *Tegün=i* (вм. *tegün=ü*) *qoyina Temür Qaday=a aq=a degü doluyula sayin ulayin morin=iyan unuju ečiged buliyaju abču irebei* [AT II, с. 160] 'После этого Тэмур Хадага с братьями всемером отправились, сев верхом на прекрасных буланых коней и, отобрав [ребенка], вернулись'; *Teb Tngri=yi tergen=yi* (вм. *tergen=ü*) *üfügür=e niryun=i quyulju nuγuruy-san=i Činggis qayan üjeyü* [AT II, с. 44] 'Чингис-хаган видел, как [он] переломил спину Тэб Тэнгри об ось телеги'; *Ene Toγun tayisi sayin kümün=i* (вм. *kümün=ü*) *üre bayinam* [AT II, с. 132] 'Этот Тогун-тайши – потомок благородного (хорошего) человека'; *Börte üjin... Tömučin=i* (вм. *Tömučin=ü*) *dayu sonuscu...* [AT I, с. 59] 'Бортэ-улжин услышала голос Тэмучина'. Вряд ли есть основание считать подобные случаи результатом простой ошибки.

В монголоведении уже не раз высказывалось предположение о генетической связи винительного и родительного падежей [74, с. 160–163, 195; II, с. 42]. Это предположение подтверждают и данные по другим монгольским языкам. В баоаньском, дунсянском, монгорском, дагурском, в языке желтых уйгуров, в некоторых говорах бурятского языка винительный и родительный падежи имеют один и тот же показатель [74, с. 163, 195; 92, с. 26; 88, с. 53–54]. Не случайным является и то, что наименование деятеля в причастных оборотах может оформляться как винительным, так и родительным падежами, например: *Tere kümün=i qarijsan qoyina...* [AT II, с. 157] 'После возвращения того человека...': *Ejen=i unuysan qoyina...* [AT I, с. 101] 'После того, как государь сел верхом...'; ... *sacın ekin qubilyan Sečen qayan=u bayiγuluγsan engke töri...* [AT II, с. 180] 'мирное правление, установленное первым хубилганом Сэчэн-хаганом...'. Следовательно, употребление винительного падежа вместо ожидаемого родительного в монгольском языке ХУП в. можно считать фактом, подтверждающим вы-

⁴ В современном монгольском языке =n в таких случаях выпадает.

сказанное ранее предположение об их генетической связи.

Как известно, прямое дополнение может быть и без показателя винительного падежа, т.е. совпадать с основой. В монголоведении такой винительный принят называть "неоформленным". Точных правил относительно употребления оформленного или неоформленного винительного падежа в литературе не существует, да и вывести какую-либо закономерность вряд ли возможно, несмотря на то, что этому вопросу не раз уделялось внимание и уже сделан ряд наблюдений, касающихся употребления и опущения данного показателя [16, с. 241–244; 74, с. 181–188; 89, с. 355–373; 53, с. 21–24].

Третья часть собранного нами по этому падежу материала представляет собой примеры на прямое дополнение без показателя винительного падежа.

В каких же случаях прямое дополнение остается неоформленным? И можно ли наличие или отсутствие падежного форманта объяснить так называемой определенностью или неопределенностью объекта, как полагают некоторые исследователи? [106, с. 78; 100, с. 39].

Приведем примеры: *Tömučin nigen morin unuba* [AT I, с. 50] 'Тэмучин сел на коня'; *Nigen inu uayaγsan mori tayilaju abču ireged ...* [AT II, с. 165] 'Один из них отвязав привел коня...'; *Morin inu γurban köl=iyer yeke modun qarayıju γarba* [AT II, с. 178] 'Конь его перепрыгнул тремя ногами через большое дерево'; *Tngri=dür čayan morin, γaγar=tur qara üker alaju, nigen ayaγ=a=dur araki kiju, takin mörgüged toru yosu=iyan nigetgen üyiledbei* [AT II, с. 192] 'Принесли в жертву Небу белого коня, Земле – черного быка, налив в чашу вина, совершили поклонение и объединили свое государство и управление'.

На первый взгляд кажется, что речь, действительно, идет о неопределенных предметах и поэтому слова, их обозначающие, лишины показателя винительного падежа. Однако, если взять первый пример, то в нем существительное *morin* 'конь' и глагол *unu* 'садиться верхом, ездить верхом' образуют единый комплекс со значением "ездить верхом на лошади". Ср. в современном монгольском: машин унах 'пользоваться автомобилем', дугуй унах 'ездить на велосипеде'. Подобные сочетания не могут быть подведены под категорию определенности–неопределенности. Имена существительные в них никогда не оформлялись и не оформляются винительным падежом.

В остальных примерах отсутствие показателя винительного падежа в прямом дополнении можно, казалось бы, объяснить неопределенностью объекта: "отвязал какого-то привязанного коня", "перепрыгнул через одно из многих больших деревьев", "принесли в жертву какого-то белого коня и черного быка". Однако в собранном нами материале в половине примеров с неоформленным прямым дополнением речь идет о совершенно определенных предметах с обозначением принадлежности определенному лицу и с указательным местоимением эне 'этот', что, по мнению исследователей, объясняющих употребление или отсутствие показателя винительного падежа категорий определенности-неопределенности, является неизменным условием определенности предмета, а следовательно, и оформления его винительным падежом [69, с. 36; 106, с. 78].

Примеры: činggis qayan=u aytu Qačiyun bariju bayin böülüge [AT I, с. 77] 'Коня Чингис=хагана держал Хачигун'; Tede irgen Bodančar-un qarčajai үчүибасу ese ёғе [AT I, с. 14] 'Когда те люди попросили ястреба Боданчара, [он] не дал'; Belgütei noyan=n mörü qay=a čabčiysan tere böülüge [AT I, с. 20]

'Это [он] рассек плечо нойона Бэлгутэя'; Köbegüd=yin čirai ker üjekü kemeged... [AT I, с. 62] 'Как (я) посмотрю в лицо сыновьям...'; ...minu amin sakiyu qonugu kilbar uu [AT I, с. 160] '...легко ли охранять мою жизнь?'; Ene üge sonusuyad jinong ögülerun [AT II, с. 136] 'Услышав эти слова, джинонг сказал'.

Трудно объяснить, почему в приведенных ниже предложениях одни прямые дополнения оформлены показателем винительного падежа, а другие не оформлены. Например: ...modun=u gesigün=i qıfür=a tatalaju, itügesün bülegür čuycäju abču askilalduju... [AT I, с. 78] '...наломав сучьев с деревьев и выхватив мутовки для взбивания кумыса, стали драться...'; Tasuraysan šasin=i jalaju ebderegsen töru jasaju tabun öngge dörben qari ulus=i erten=ü Sečen qayan metü aldarsiyulbai [AT II, с. 185] 'Воссоздал прервавшуюся веру, восстановил разрушенную державу и прославил, подобно прежнему Сэчэн=хагану, государство пяти цветных и четырех чужих народов'; Numun=iyan gičir tulju geldürkilejü toqum=i al-dal=ügei, galqabči bariju bayiqui=dur ... [AT I, с. 102] 'Когда тихо брел, опираясь на конец лука, и когда не роняя держал, как щит, войлочный потник ...'.

Непоследовательность в употреблении показателей винительного и родительного падежей являются, по-видимому, следствием сравнительно позднего образования этих падежей.

В сочинении Даанзандагы "Jirüken=ü tolta=yin tayilburı" (Толкование сердечного покрова), написанном в первой половине XVII в. и являющимся комментариями к более раннему сочинению ученого ламы Чойджи Одсэра "Jirüken=ü tolta" ("Сердечный покров"), отнесящеся к началу XIV в., одна из глав посвящена истории монгольской грамматики с описанием фонетических, морфологических и синтаксических норм языка. Любопытно, что в описании падежной системы, которая полностью соответствует таковой в грамматике индийского ученого Панини (IV-III вв. до н.э.), отсутствует винительный падеж, тогда как у Панини он имеется. В этой связи интересен и тот факт, что совместный падеж, который признается более поздним образованием, также не выделяется в системе падежей, хотя в перечне падежных показателей он упоминается [57, с. 15]. Можно предположить, что некогда объектные отношения в языке выражались без падежного оформления имени-объекта.

Известно, что наличие в агглютинативных языках относительно строгого порядка слов - "определение всегда предшествует определяемому", - дает возможность строить определительные сочетания простым соположением имен, например: kertmen degel 'беличья шуба'. Вероятно, в прошлом на каком-то этапе в развитии языка объектные отношения тоже выражались только постановкой прямого дополнения перед глаголом-сказуемым, при этом имя и глагол образовывали единый комплекс, не требующий падежного показателя для имени, по типу сочетаний mori unqu 'ездить верхом', usun abqu 'приносить воду', ger bariqu 'ставить юрту', tariya tarigu 'сеять хлеб' и т.п.⁵

⁵ В древнебенгальском языке, например, не существовало противопоставления в падежном оформлении субъекта и объекта. Субъект и объект активной конструкции выражались одной формой имени даже в том случае, когда они обозначали действующие лица [18, с. 27]. И в тибетском языке винительный падеж формально совпадал с именительным падежом [57, с. 15]. В орохено-енисейских надписях, как и в древнетюркских языках в целом, падежное оформление прямого дополнения также не было строго регламентировано. По замечанию З.В.Севортияна, "...в древних памятниках отсутствует дифференциация в падежном оформлении прямого дополнения в зависимости от его грамматической определенности" [80, с. 7].

Необходимость обозначать объект возникла, по-видимому, тогда, когда он стал занимать дистантное положение по отношению к своему глаголу. Так появился падежный показатель, ставившийся только по мере необходимости, во избежание смешения субъекта и объекта, а затем и даже тогда, когда субъектная и объектная функции слова не вызывали сомнения. Этим и вызвано отсутствие закономерности в употреблении показателя винительного падежа, особенно в языке более раннего периода.

Первоначально это был один показатель для двух падежных значений: винительного и родительного, сохранившийся, как указывалось выше, в некоторых языках и до сих пор. В монгольском же произошло его расщепление на два самостоятельных показателя. Но какое-то время они еще четко не разграничивались и могли заменять друг друга, о чем, в частности, свидетельствуют и факты смешения их даже в языке ХУП в.

Не противоречит этому, видимо, и развитие данных показателей в фонетическом плане. Все варианты родительного падежа сводятся к сочетанию: *i~i~di-ftong + согласный n* (в качестве архетипа показателя винительного падежа предполагается гласный *i*) [74, с. 159-163]⁶.

Следует отметить, что случаев с неоформленным винительным падежом в языке "Алтан тобчи" значительно больше, чем в современном монгольском языке.

Родительный падеж

Показателями родительного падежа служат *=f=ü* после согласного *=n*, *=un=ün* после всех прочих согласных и *=yin* после гласных. Орфографически, однако это не всегда выдерживается, и в тексте нередко можно встретить *=yin* после основ, оканчивающихся на согласные, например: *anggir=yin* [AT I, с. 106] (вм. *anggir=un*) 'турпана', *ger=yin* [AT I, с. 72] (вм. *ger=ün*) 'юрты'; *=u=ü* после основ, оканчивающихся на гласный, например: *nidur=a=ü* [AT I, с. 155] (вм. *nidury=a=yin*) 'кулака', *küriy=e=ü* [AT I, с. 45] (вм. *küriy=e=yin*) 'куреня'.

⁶ Т.А.Бертагаев считает показатели винительного и родительного падежей фонетической модификацией одной праформы *=*in>=ini*, которую можно сопоставить с личным местоимением 3-го лица в дагурском *in* "он", *ini* "его", *i*, **in* [II, с. 42]. Тот факт, что показатель родительного падежа восходит к *inu* (местоимению 3-го лица), отмечался уже в сочинении ХУП в. "Jüriken=ü tolta=yin tayilburi" [57].

Кроме того, как уже отмечалось выше, вместо показателя родительного падежа иногда употребляется показатель винительного падежа, что свидетельствует о генетической связи между этими двумя падежами.

Из всех падежей родительный падеж – самый распространенный и отличается от других падежей семантическим многообразием. Это почти единственный падеж, осуществляющий столь широкую грамматическую связь между именами самых различных значений.

В языке "Алтан тобчи" родительным падежом оформляется:

1) реальный исполнитель действия в причастных и определительных оборотах: *Basa kereyid=ün Toyo-ril Ong qayan=ü ögülegsen üge=yi Jamuq=a-da ilegerün* [AT I, с. 55] 'Также передал Джамухе слова керентского Тогорил Онг-хагана (букв. "слова, сказанные Тогорил Онг-хагана"); *Yeke Čerən=ü ögülegsen üges...* [AT I, с. 128] 'слова, сказанные Екэ Чэрэном'; *Ulayan buq=a=yin uavusyan mörg=iyar čerig=üd Jäsevülür=un...* [AT II, с. 24] 'Чтобы отправить войска троюю Рыжих быков ... (букв. "троюю, которой шли Рыжие быки")';

2) лицо или предмет, которому принадлежит что-либо в самом широком смысле слова. На это значение приходится наибольшее количество примеров: *Eke Toyun tayisi yeke kümün=ü üre gele* [AT II, с. 132] 'этот Тогун тайши – потомок великого человека'; *Qun=u žulžay-an metü bii yuui=baljy=a* [AT I, с. 106] 'Не будем-ка беспомощными (букв. "не покачнемся"), словно птенцы лебедя'; *Menglig ečige=yin ger=teče ger=tegen qaribai* [AT I, с. 127] 'Чингис-хаган из юрты Мэнлика-эчигэ вернулся в свою юрту'; *Eke=yin minu žobaysan ači qojar kebegüd=ün minu amin=dur tusa bolbai j=a* [AT I, с. 145] 'Забота моей матушки спасла ведь жизнь двум моим сыновьям (букв. "принесла пользу жизни двух сыновей моих")'.

К родительному принадлежности относится и родительный цели, частью которого является его определяемое, например:

...*morin=u segül=tü čirču odbai* [AT I, с. 76] '...поташил, привязав к хвосту коня'; *Quča=yin eber=i oyluru nidurba kemen... bug=a=yin eber=i bolyuru nidurba kemen* [AT II, с. 67] 'Говоря: вывернули рога барана... говоря: стянули рога быка'; *Qaligu qarča=jai=yin Jigür bolun odbau či ejen minu* [AT II, с. 102] 'Не отлетел ли ты, обернувшись крылом парящего ястреба, государь мой?'; *Degü inu Ulus Bolad qan orun sayuy=a edüi Ibarai tayisi=yin yar=tur, tagri bolba* [AT II, с. 176] 'Младший брат его, Улус

Болад, еще до восшествия на ханский престол погиб (букв. "стал духом-тэнгри") от руки Ибараи=тайши';

3) имя, характеризующее другое с точки зрения его местонахождения: Onan=u ton=dur /siyui=dur/ Jürgen=lüge qurimlaqui=dur ... /AT I, c.20/ 'Когда пировали с джургэнами в роще на реке Онон (букв. "в ононской роще ..."); Balbo Töbed qoyar=un Jabsar=a Töbed=ün nigen ebügen mören=ü ki Jayar=a-aşa qayurçay=i oluyad... /AT I, c.4/ 'Между Тибетом и Непалом один тибетский старик (букв. "старик из Тибета") подобрал на берегу реки ящик ...'; Kimury=a yoruqan=u ayil Qaryan=a /üjel=de/ bayuju bukü=dür... /AT I, c. 69/ 'Когда расположились у стойбища Хараган на реке Кимурга...', (букв. "у аила реки Кимурги..."); Oi=yin görögesüm=i bederebesü... /AT I, c. 70/ 'Когда отыщем лесных зверей...'; bosuq=a =yin boğol, egüden=ü embü jaruča bolbaij=a /AT I, c. 141/ 'Стал рабом у порога, слугой у дверей...';

4) имя, характеризующее другое с точки зрения какого-то отрезка времени: Nogai jil=un namur inu ... Dalan Nemürgen=e qatguldaqu=yin urida, Cinggis qayan Jasay ögüleldür=ün /AT I, c.115/ 'Осенью в год собаки ... перед тем, как сразиться (у местечка) Далан-Нэмургэн, Чингис-хаган повелел ...'; jun=u terigün sara=yin arban Jüryan=a ulayan tergel edür negübe /AT I, c.65/ 'Отковчевали в 16-й день первого летнего месяца, в день полнолуния'; Manayar=un undan buu megüdegülsügei /dutayalsuyai/ üde=yin undan buu osuldasuyai kemen bayurçin bolba /AT I, c.71-72/ 'Сказав: "Утреннего питья не потревожим, при полуденном питье не оплошаём", - стали багурчинами (т.е. ведающими едой и питьем)';

5) предмет или действие, характеризующие определяемое с точки зрения его назначения и цели: ... erdenis=ün ayayan=i eldeb üres=iyer dügürgejü qayan=dur soyorqabai /AT I, c.183-184/ 'Наполнил чашу для драгоценностей различными дарами и преподнес хагану'; Edür üjekü=yin nidun söni sonusqu=yin čikin boluya /AT I, c.85/ 'Стану глазами (букв. "сделаю глазами"), чтобы видеть днем, ушами, чтобы слышать ночью'; Erte tere čay=tur Jambutiib=un Kümün ami qubilju törüjü diyan=ü idegen ideyü /AT I, c.1/ 'В те древние времена перерождались люди Джамбутиба' и вкушали пищу для созерцания';

⁷ Джамбутиб (Jambutiib - санскр. Jambudvīpa) - в буддийской литературе один из четырех материков, составлявших вселенную.

6) предмет, размеру или качеству, которого уподобляется другой предмет: Menglig eçige ... ögülerün: dayir etügen=ü degelaşün=ü tedüi büküi=eče dalai mören=i yoruqan=u tedüi bükü=dür nöküçibe /AT I, c.43/ 'Мэнлик-эчиге ... сказал: "/Мы/ дружили, когда вся земля была величиной с пригород, а моря и реки величиной с ручей'; Törüküi=dür=iyen barayun yar=tur=iyen sayai=yin tedüi qara nojin=1 atyun törübe gebe /AT I, c.26/ 'Говорят, родился, замав в правой руке сгусток крови величиной с таранную кость'; ... ayula=yin tedüi altan guriyaju sakın atala /AT I, c.59/ '... собрав гору золота (букв. "величиной с гору"), охраняешь ее'; Ulbar öngge=tü bal=un amtatu yajar=un tosu kemekü idegen yarçu ... /AT I, c.1/ 'Появилась еда под названием "масло земли" со вкусом меда красноватого цвета...';

7) лицо или предмет, выделяемые из какого-то количества себе подобных: Köbegün=ü minu aq=a Jüci bui j=a. Degüü ner=ün minu nilq=a Otci-gen bui j=a /AT I, c.26/ 'Старший из моих сыновей - Джучи, младший из младших сыновей - Отчигэн'; Yisün örlüg=üd=ün minu nigen inu ügen barilduju irekülen čiqlıla sanam j=a gebe /AT I, c.49/ 'Думаю, следует послать одного из восьми моих орлюков передать /мои/ слова'; ... ene qoayula=yin nigen inu sayin bolbasu nigen inu mayu bui kemegsen=dür ... /AT I, c.77/ '... Если один из этих двоих поправится, другому станет плохо...';

8) к родительному выделительному близок по значению родительный пре восходства; например: ... Jiryalang=un sayin ali bui kemebesü, Jüci ögülerün ... Jiryalang=un sayin ene aqu kemen ögülejükü /AT I, c.56/ '... когда спросил: «Какое из наслаждений лучше?», Джучи ответил: «Это и есть лучшее из наслаждений»;

9) имя как объект действия со стороны другого имени со значением процесса действия: Tere üge=yin tayilburi inu yurban edür ese olju ... /AT I, c.35/ 'Три дня не находил объяснения тем словам ... (букв. объяснение тех слов)'; ... qara buljan daqu=yin čin=u gariju... /AT I, c.48/ 'за /в ответ на/ твою черную соболью лоху...'; ... tere üge=yin qariju Tojoril Ong qajan ögülerun /AT I, c.53/ '... в ответ на те слова Тогорил Онг-хаган сказал ...';

10) предмет как орудие или средство для действия: miyui qariyačai qoyar=un jal=iyar tüyimeridü abubai /AT I, c.46/ 'Устроили пожар огнем кошек и ласточек и взяли /город/ ' (т.е. подожгли дома с помощью кошек и ласточек, к ногам которых привязывали и поджигали вату);

II) в отличие от современного языка, где в определительных сочетаниях предмет-определение, являющийся материалом для предмета определяемого, имеет форму основы, в языке "Алтан тобчи" он нередко оформлен показателем родительного падежа, например: Qubilai Sečen qaγan pagsba blam=a=dur altan kiged subud=un kerse debel... ergübei /AT II, с. 114/ 'Хубилай Сэчэн-хаган преподнес Пагба-ламе золотую в жемчугах одежду священнослужителей'; Jil neretü noyan qula qaljan mori, kerem=ün degel, ölügči gegüü unaγatai ene yurban beleg=i bariju Jolyaba /AT I, с. 106/ 'Князь по имени Джил приветствовал, преподнеся три подарка: саврасого коня со звездочкой на лбу, беличью шубу и кобылицу с жеребенком'; ...qada=yin qabirayin sang=ača dung büriy=e=yi abubai /AT II, с. 182/ '...из сокровищницы /в/ боковой /части/ скалы взяли трубу из раковины - дунг-бурэ' (ср. у Шагдара: "хавирган сангаас"- хавирга/н/ 'ребро, бок, боковая часть чего-л.').

Разумеется, перечисленными значениями не исчерпывается все семантическое многообразие родительного падежа.

Большинство послелогов также управляют родительным падежом, например: oduysan=u qoyina 'после того, как отправился'; dalai=yin dumda 'среди моря'; aγula=yin emüne 'перед горой'; quraysad=un dotura 'среди собравшихся'; čerig=ün urida 'до воинов' (букв. "ранее воинов"); tusa=yin tula 'ради пользы', ger=ün dergede 'рядом с юртой' и др.

Местный падеж

По мнению многих алтайстов, местный падеж был присущ древнемонгольскому языку и уже на очень раннем этапе стал архаичным, сохранившись в классическом языке в падежных формах некоторых слов и послелогов типа jaγar=a 'на земле', dotur=a 'внутри', jaγur=a 'между' /16, с. 95-96; 69, с. 39/.

Считается даже, что "аффикс =a, =ä в монгольских языках может быть выделен лишь как омертвленный формальный элемент в словах dotura, degere и что, возможно, этот элемент и не имел никакого отношения к падежной парадигме" /107, с. 114/. Однако текст "Алтан тобчи" свидетельствует о несостоительности подобного рода предположений, так как местный падеж представлен здесь довольно широко и употребляется в самых различных значениях.

Показателем этого падежа является гласный =a/=e, которому в ряде тюркских языков соответствует =ga, а в тунгусо-маньчжурских =a /16, с. 96; 74, с. 168/.

По предположению Б.А. Серебренникова, "в тюркских языках древнейшей поры... существовали два самостоятельных дательно-направительных падежа. Один из них имел окончание =k, другой - окончание =a/=e" /82, с. 69, 71/. Оба эти падежа обнаруживаются как в огузских, так и в кыпчакских тюркских языках. При этом в языках огузской группы использовался дательно-направительный на =a, =e, а в языках кыпчакской группы возникла новая форма дательно-направительного падежа, представляющая собой контаминацию двух форм: дательно-направительного на =k (=q), =g (=j) и дательно-направительного на =a, =e. Однако и в "кипчакских языках сохраняются реликты дательно-направительного падежа, лишенного элемента k" /82, с. 69/, т.е. употребляется форма на =a/=e.

Данные монгольского языка ХIII в. свидетельствуют о том, что падеж на =a/=e был тогда широко распространен и употреблялся наряду с другими падежами.

Показатель местного падежа, как предполагалось, наращивается только на основу с конечными согласными р и н, а поэтому свойствен ограниченной части лексики /74, с. 168/.

Анализ текста снимает эти ограничения: согласных, после которых может следовать данный показатель, гораздо больше, а круг слов, употребляемых в местном падеже, сравнительно широк и не ограничен только локативными значениями.

Падежный показатель =a/=e присоединяется к следующим основам:

- =d - noyad=a 'князьям', köbegüd=e 'сыновьям';
- =j - Deligüm bolday=a büküi=dür 'когда были в урочище Дэлигун-Болдлаге';
- =l - Jil=e 'в год', aral=a 'на острове' ;
- =n - qalayun=a 'в жару', arban=a 'десятого числа' ;
- =r - qoyer=a 'двоим', edür=e 'в день' ;
- =s - ulus=a 'в стране' ;
- =i - moyai=a 'змее' .

Имена в местном падеже обозначают:

I) вре́мя де́йст́вия: Basa taulai Jil=e Jüči=yi barayun yar=un čerig=üd=iyer irgen=dür morilayulbai /AT II, с. 21/ 'А также в год зайца отправил Джучи с правым крылом войска к лесному народу'; Jutaγar söni edür=e... bey=e inu γarcıqu /AT II, с. 44/ 'На третий день ночью... тело его исчезло'; ... jun=u terigün sarayin arban Jiryun=a ulayan tergel edür negübe /AT I, с. 65/ '...Отправились в шестнадцатый день первого

летнего месяца, в полнолуние'; Sutu boyda Činggis qayan döčin tabun nasun=a qayan oru sayuba /AT I, c. 27/ 'Мудрый святейший Чингис-хаган воссед на ханский престол в возрасте 45 лет';

2) место действия: Qori tümed=ün Qorildai mergen=ü ökin Ariy usun=a törüğsen Alun you=a=yi Dobu mergen=ü abuysan yosun teyimü böläge /AT I, c. 97/ 'Вот так Добу-мэргэн взял себе в жены Алун-гоа, дочь хори-тумэдского Хорилай-мэргэна, родившуюся в Ариг-Усуне'; Terigün Onan=u Deligün bolday=a büküi=dür... /AT I, c. 49/ 'Когда были в [урочище] Дэлигун-Боддаге в верховьях Онана...'; Tendeče ködelüged takiy=a jil=un namur Tuğula=yin qara töne (sivui=e) ordun=dür bağıba /AT II, c. 86/ 'Двинулись оттуда осенью в год курицы и остановились во дворце [в Верховной ставке] в густом лесу на реке Тугула [Тола]';

3) направление действия: ... dayisun=a yabuysan kümün /AT I, c. 96/ '... человек, пришедший к врагу...'; Orgen=e ki nutuylam gejü iretele ... /AT II, c. 177/ 'Пришли, говоря: "Будем кочевать по Ургени ...";

4) причину действия: ... Üi Boroqul ere kümün yauchaan sümün=e unaday bısu /AT I, c. 102/ '... Эй, Борохул, разве мужчина падает от одной стрелы?'; ... engke törü, erdeni šasin nom, bıtulan bariysan ordu qarsi, qota balayash ſayauyan=u kükün=e aldabai /AT II, c. 180/ '... волей (букв. силой) судьбы лишился мирного правления, учения драгоценной религии, крепко построенных дворцов и городов'.

5) лицо, в пользу которого совершается действие или к которому обращаются: Dobu mergen=e ögbe /AT I, c. 10/ 'Отдал Добу-мэргэну'; Kereyid=ün Toyoril qayan=a Ong ner=e ögbe /AT I, c. 82/ 'Керейтескому Тогорил-хагану пожаловал титул вана'; Činggis qayan=a, Ogeleñ üjin=e, Qasar yurban=a Sečen beki nigen tüsürge tüsürjükü /AT I, c. 77/ 'Сэчэн-бэки преподнес [по] чарке всем троим: Чингисхагану, Огэлэн-уджин [и] Хасару'; Šayadai=a nayiman mingyan irgen ögbe, Ogedei=e tabun mingyan irgen ögbe, Tului=a tabun mingyan irgen ögbe, Qasar=a dörben mingyan irgen ögbe, Alcidai=a qoyar mingyan irgen ögbe, Belgetei=e nigen mingyan tabun ſayun irgen ögbe /AT II, c. 26/ 'Отдал Чагадаю восемь тысяч человек, Угэдэю дал пять тысяч человек; Тулую дал пять тысяч человек; Хасару дал четыре тысячи человек; Алчидая дал две тысячи человек; Бэлгэтэю дал одну тысячу пятьсот человек'; Sirgetü efügen Činggis qayan=a ögülerün... /AT I, c. III/ 'Ширгэту-эбугэн сказал Чингисхагану ...'; Tendeče Činggis qayan qayan bolju Boyorči ſel=e

qoyar=a ögülerün... /AT I, c. 73/ 'Чингис-хаган, став хаганом, сказал Богорчи и Джэлмэ...';

6) лицо, вместе с которым совершается действие. Употребление местного падежа в данном значении несколько необычно: естественное было бы ожидать здесь совместный или соединительный падежи. Примеры с таким значением немногочисленны: Urida doluyan qongqatan=a üge negedjü yabuba /AT II, c. 95/ 'Раньше он был в словре с семью хонгхотанами'; Altan, mönggün, subud tanas, toryud, način, dardas, ayurasun abuyad irejü, iduqud, boyda Činggis qayan=a ayuljaba /AT II, c. 21/ 'Идухут прибыл, привезя с собой золото, серебро, жемчуг, перламутр, шелковые товары, кречетов, цветные ткани и разную утварь и представился (букв. встретился) святейшему Чингис-хагану';

7) реального исполнителя действия при наличии глагола в форме страдательного залога: Belgetei=e ülü ilaydaqu böläge /AT I, c. 87/ 'Не побежден Бэлгэтээм'; ... biden=ü garayul=a üldegejü, ayla ögede dutayaqui bolun /AT I, c. 119/ '... был преследован нашим караулом и бежал в горы'; Urida Qorči noyan Quduγ=a beki qoyar tümed=e bariydaju... /AT II, c. 24/ 'Еще прежде Хорчи-найон и Худуга-бэки были схвачены тумедами...';

8) обстоятельства, при которых совершаются действия: nøyitan=a nobśildažu küyiten=e köbsildüjü yabubai ſ-a /AT I, c. 142/ 'В ненастье мокли, в холода вместе коченели; Yerü basa qalayun=a ungyasun dotura kebtegsen kümün ker dayusqu ajuuu /AT I, c. 43/ 'Вообще в такую жару как может вытерпеть человек, лежа внутри [воза] шерсти?'.

Сюда же можно отнести причастие в будущем времени, а также и причастие в несовершенном виде с отрицанием edüi-edüküi 'еще не' в местном падеже, поскольку они указывают на цель или время совершения действия: Ejen esekei=yin dumda sayuqui=a jabduysan=dur öcigen ejen=ü bey=e=eče tatayad debisker=ün jaq=a du sayulyaba /AT I, c. 77/ 'Когда государь намеревался сесть на середину войлока, Очигэн потянул хана и усадил на край подстилки'; Quildar yaran=iyan anay=a edüküi=e Činggis qayan itqabasu ulu bolun görögésü=dür dobtulqu bolun ügderejü nöögibe /AT I, c. 136/ 'Когда еще не зажила рана, Хуйлдар, не послушавшись запрета Чингис-хагана, поскакал за дичью, болезнь [его] обострилась, и он скончался';

9) предмет как объект действия: Ene ber qayan ećige čimayi čayan=a čaćabasu qara=da qaqabasu /AT I,

с.125⁷ Это когда ты, хаган-государь, поперхнешься белым и подавишился черным' /поговорка "когда захлебнешься белым (т.е. молочной пищей), когда поперхнешься черным (т.е. постным мясом)" означает "когда умрешь"; Ene öngge šinu tan=u čerig=ün toyosun=a kirtübei /АТ П, с.98⁷ 'Красота моя (букв. цвет мой) запяталась пылью ваших воинов';

10) местный падеж со словом *күртэле*. Эта деепричастная по происхождению форма в современном языке грамматикализировалась в виде послелога со значением "до", она не требует от управляемого слова падежного оформления: хүүхэд багачуудаас аваад өвгэд хөгшид хүртэл /Цэв., 74/ 'От детей до стариков'.

В "Алтан тобчи" *kürtele* сохраняет свой глагольный характер и управляет наряду с дательно-местным также местным падежом, например: Činggis qayan tede tayičiyud=i uruy=un uruy=a *kürtele* ünesü=ber keyisken kidübe /АТ I, с. 96/ 'Чингис-хаган развеял по ветру пепел тех тайчигудов вплоть до потомков их потомков'; Amaqai=yi ükübe kemen Ögelen=e *kürtele* eyin kemegdekü bolba /АТ I, с. 33/ 'Теперь, когда Амахай умер, даже Огэлэн (букв. вплоть до Огэлэн) стала так разговаривать'.

Из приведенных примеров видно, что круг значений данного падежа включает кроме локативного и другие значения. Эти значения почти полностью совпадают со значениями дательно-местного падежа на =dur/=tur (=du/=tu), который существовал и в прошлом.

Казалось бы, есть все основания считать, что мы имеем дело с особым показателем одного и того же дательно-местного падежа, который впоследствии исчез, передав свои функции показателю =dur/=tur (=du/=tu) (в современном монгольском - =д, =т).

Однако факты свидетельствуют о том, что падеж на =а/=е не исчезал из языка, а лишь сузил свое значение до локативного. Он не только сохранился в древних послеложно-наречных формах, но и стал весьма продуктивным в современном письменном языке, где выражает местное значение, почему мы и сохраняем за ним название "местный". Падежный показатель =аа (=ээ, =оо, =ео) употребляется ныне после основ на =н. Для иллюстрации приведем несколько примеров на употребление данного падежа в современном монгольском языке на материале газеты "Утга зохиол урлаг": Тэ-монгольском языке на материале газеты "Утга зохиол урлаг": Тэ-гээд бид хоёр аниг чимээгүй газар сууж шүлэг бичихээр зохиолчдын хорооно очив 'Потом мы отправились в Союз писателей, чтобы в тиш не написать стихи'; Тэр нэг удэш нар баруунаа хэлбийсэн цагт... 'Однажды вечером, когда солнце клонилось к западу...'; "Фауст"

Цуурь манай тайзнаа 'Опера "Фауст" на нашей сцене'; 1932-37 онуудад монгол хэлнээ орчуулагдсан орос-зөвлөлтийн зохиолчдын шилдэг зохиолууд 'Избранные произведения русских и советских писателей, переведенные на монгольский язык' и др.

Дательно-местный падеж

Показатель данного падежа представлен в "Алтан тобчи" всеми известными в монгольских языках разновидностями:

- =dur (=dür): qayan=dur 'хагану', üge=üür 'слову' ;
- =tur (=tür): jar=tur 'в руке', üges=tür 'на слова' ;
- =du (=dü): qaračin=du 'харачину', eʃen=dü 'господину' ;
- =tu (=tü): Qasar=tu 'Хасару', öndür=tü 'на возвышенности' ;
- =da (=de): čima=da 'тебе', eke=de 'матери' ;
- =ta (=te): qadud=ta 'на скалах', öndüd=te 'на высотах' .

Как известно, употребление д/т регулируется конечным звуком основы слова: д следует после гласного и согласных л, м, н, а т - после остальных согласных /16, с. 96; 74, с. 164/.

Что же касается наличия трех вариантов - =dur, =du, =da и общности их происхождения, то здесь нет единства взглядов среди исследователей.

По словам Г.И.Рамстедта, =r в =dur "представляется совершенно загадочным, ибо, насколько до настоящего времени известно, ни один из современных живых языков не знает окончания =dur" /69, с. 43/.

Если признать изначальным существование суффикса =dur, возникает вопрос, являются ли варианты без=r (=du, =da) следствием выпадения последнего в =dur или же они развивались параллельно, как полагал А.Бровников: =dur, =tur в языке книжном, а =du, =tu, =da, =ta в языке разговорном /16, с. 96/.

В тексте "Алтан тобчи" форма на =du встречается значительно реже, чем на =dur.

В памятниках монгольской письменности XIУ в., например, =du/=tu не встречается как показатель дательно-местного падежа, тогда как показатель =dur/=tur представлен довольно широко /110, III; 112; 113; 36/. В языке ХУП в. встречаются одни и те же слова с разными формантами, но с одним значением, например: eʃen=dür и eʃen=dü 'господину', qayan=dur и qayan=du 'к хагану' .

Можно предположить, что показатель =du, =tu является усеченной формой =dur. Но каким образом из =dur мог образоваться формант =da/de, который, судя по формам наречий erte 'давно', ende 'здесь' и др., также принадлежит к древним образованиям?

Г.Д. Санжеев считает =da/=ta, =du/=tu поздними вариантами архаичного =dur=tur, которые утратили конечный =r. В связи с этим гласные а~е, и~ү признаются "местными вариантами одной и той же фонемы, которая произносилась различно в раннее время, так же как она произносится различно и теперь" [74, с. 167].

Однако можно допустить и то, что =da/=ta является весьма древней параллельной с =dur=tur морфемой, возникшей в монгольских языках, видимо, в результате заимствования из древнетюркских языков, в которых существовал полифункциональный местно-исходный падеж на =da=de. С этим, по всей вероятности, связаны и наличие в древнем и классическом монгольском языке двойной дательно-местно-исходной формы от =da=ta (=daca=taca)⁸ и невозможность образования ее от =dur=tur или =du=tu.

Полифункциональный показатель =da=ta был первоначально и суффиксом таких древних слов с пространственно-временным значением, как erte 'рано', ende 'здесь', sönide 'ночью'. Впоследствии по аналогии с =dur=tur, =du=tu этот суффикс стал употребляться и в значениях, свойственных этим падежным показателям. Примеры подобного рода можно найти в памятниках XIV в.: busud=ta 'другим', tngri=de 'небу' [III, с. 73, 76]; kedün tümed=te kürtele 'до нескольких десятков тысяч' [II, с. 153]. В АТ, хотя =da=ta и встречается нечасто, уже перестал быть принадлежностью только наречий и послелогов, а присоединялся и к именам⁹, например: ...köbegün inu Inalči=da Seçeyegen=i ögbe [AT II, с. 227] '...его сыну Иналчи отдал /дочь/ Сечэйгэн'; Ögelen eke=de...ögbe [AT, I, с. 83] 'Отдал... матушке Огэлэн'; Jamuq=a=da gür=sa ergübei [AT I, с. 88] 'Джамухе пожаловал /званию/ гур-хана'.

Как =dur=tur, так и =da=ta встречаются в безличных притяжательных формах =dur=iyan=tur=iyan, =dayan=tayan: Basa Alun you=a köbegün=degen suryal ögülerün [AT I, с. 12] 'Алун-гоа снова сказала поучение своим сыновьям'; ...degüü=degen čimada ḡuyisu kemejü... [AT I, с. 87] '...попрошу /ее/ для тебя, своего младшего брата, - сказал /он/...'; Taulai kirjuyl=iyan miq=a=yi qubilan qubiyaju abqui=dayan... [AT I, с. 25] 'Когда делили (букв. при своем делении) мясо зайцев и фазанов...'; ...ačin ḡurban nasun=dur=iyan... tnrgi bolba [AT II, с. 113] '...скончался

⁸ Подробно об этом см. в разделе "Двойные падежи".

⁹ Следует отметить, что =da в отличие от =dur и =du не употребляется с причастными формами.

в возрасте 43-х лет'; ...siraynaur ulus=i erke=dür=iyen oruyulju [AT II, с. 180] '...подчинил своей власти народ ширайнаур...'; Altan Qučir Sečen=beki ta qoyer ögülegsen üges=tür=iyen kürün... [AT I, с. 74] 'Вы Алтан Хучир и Сэчэн-бэки сдержите свои слова (букв. до сказанных своих слов достигнете)'; Altan=u degüü Yele Čerin ger=tür=iyen irejü ögülerün... [AT I, с. 127] 'Младший брат Алтана Екэ Чэрин, придя к себе в юрту, сказал...'.

Безлично-притяжательная форма =dur=iyan=tur=iyan зафиксирована и в более древних памятниках монгольской письменности (XIII-XIV вв.), например: ger=tür=iyen 'в свою юрту' [36, § 28]; dalan doluyan nasun=dur=iyan 'в свои семьдесят лет', eke=dür=iyen 'своей матери', ejen=dür=iyen 'своему господину' [III, с. 75; II, с. 66].

Параллельное использование этих двух падежно-притяжательных форм также может быть аргументом в пользу древнего существования двух показателей: =dur=tur и =da=ta.

Как любой локатив, дательно-местный падеж обозначает место, направление, адресат действия, время, причину. Его значения во многом сходны с разобранным выше местным падежом, почти полностью уступившем в современном языке свои функции дательно-местному.

Дательно-местный падеж передает:

1) место действия: Mön tends Kerülen=ü terigün=e Bürgi ergi=de bükü=dür... [AT I, с. 49] 'Когда находились там же на берегу Бурги у истоков Кэрулэна...'; Onon=u mösün=dür ša-yalčaqui=dur tends anda kemeldülige [AT I, с. 64] 'Когда /они/ играли в кости на льду Онона, там и назывались побратимами'; Bodı Alay qayan ... qonin şıl-un doluyan sara=yin arban=a Jodolung ön=dür=tü tngri bolba [AT II, с. 179] 'Боди Алаг-хаган... скончался в год овцы в десятый день седьмого ... месяца на возвышенности Джодолун'.

2) направление действия: Kitad ulus=tur ayalaju [AT II, с. 180-181] 'Отправились в Китай'; ... naiman čayan ger=te Bodı Alay=i mörgügülüged qayan yeke oru sayulyabai [AT II, с. 177] '... велел Боди Алагу совершить поклонение восьми Белым юртам и посадил /его/ на великий ханский престол'; Eyimü=yin tula qaračin=u noyad ulus=iyan abču Tayicinc ulus=tu oruba [AT II, с. 192] 'Поэтому харачинские князья, взяв свой народ, вошли в государство Тайчина';

3) время действия: Erte Pagsba lam=a süm=e bəriqui čay=tur... [AT II, с. 183] 'В то время, когда Пагба-лама строил

храм...'; *Tere qayan=u ūy=e=dür töřü türsidjü* ... /AT П, с. I79/ 'Во времена того хагана наступило спокойствие...'; ... *yučin naiman nasun=dur=iyan moyai ūil=e tngri bolba* /AT П, с. I79/ '... скончался в возрасте тридцати восьми лет в год змеи'; имена, обозначающие времена года, не требующие в современном языке никакого падежного оформления, стоят в AT в дательно-местном падеже, например: ... *qabur=tur qarayun=a niyusun=i, namur=tur niyud yalaqun qun čing=i qurimalan činggin bariju...* /AT П, с. 6I/ '... весной ловил по дорогам уток, осенью уток, гусей и лебедей и [тогда] устраивал пир...';

4) причину действия: *Degüü inu Ulus Bolad qan orun sayuy=a edüi Ibarai tayisi=yin yar=tur tngri bolba* /AT П, с. I76/ 'Его младший брат Улус Болад, еще не взойдя на ханский престол, погиб от руки Ибараи-тайши'; *Irgen=ü idegen=dür erüsdejü, ulus=un umda=dur soytaju...* /AT П, с. 90/ 'От пиши народной мужа, от напитков людских пьянея...';

5) лицо, в пользу которого совершается действие или лицо, к которому обращаются: *Köbegün=i abču irejü Ogelen eke=de sauw=a* /asar=a/ *kemen ögbe* /AT I, с. 83/ 'Принесли мальчика и отдали его на воспитание матушке Огэлэн'; *Tului=dur Jedei Bala qoyar=i tüsibe, Qasar=tur Žebege=yi tüsibe, Alčidai=dur Čayurqai=yi tüsibe* /AT П, с. 27/ 'К Тулую назначил Джэдэя и Бала, к Жасару - Джэбэгэ, к Алчидай - Чагурхая'; *Altan qayan=dur sūi vang čola örgübe* /AT П, с. I80/ 'Алтан-хагану пожаловал титул сэй-вана'; ... *Kelegei Dayun qayan=du ayilatjaba* /AT П, с. I75/ '...Хэлэгэй доложил Даюн-хагану'; ... *način bariyad ejen=dü kürgebei* /AT П, с. 45/ '...поймав сокола, доставил государю'; *Tegüber tere doluya la buri=du Bolad nere öggübei* /AT П, с. I64/ 'Таким образом тем семерым, каждому в отдельности, дали имя Болад';

6) лицо, вместе с которым совершается действие: *Qubilai noyan Arslan qayan=i abuyad irejü Bojda Činggis qayan=dur ayuljaba* /AT П, с. I9/ 'Хубилай нойон прибывши [с собой] Арслан-хагана, и встретился с государем Чингис-хаганом'; *Kereyid=ün Ong qayan böged, urida Yisügei bayatur=tur sa-yitur qanilaysan=dur Yisügei bayatur=luy=a anda kemeldügsen ajuu* /AT I, с. II2/ 'Керейтский Онг-хаган и прежде был в добром согласии с Егугэй-багатуром, и [они] назвались с Есугэй-багатуром побратимами';

7) объект, реальный исполнитель действия при страдательном залоге: *Ene üge bügüde=dür sonusdaysan bui ūa* /AT П, с. I76/ 'Эти слова,

наверное, услышаны всеми'; *Tegün=dür ese abtaba* /AT П, с. I78/ 'Не были захвачены им'; *Qoyer kümün=dür ülü deyildekü či bayiy=a, bı yarsu gebe* /AT П, с. I78/ 'Я не буду побежден двумя людьми, - ты останься, [а] я выйду, - сказал он'; *Qorin kümün=dü deyildem ūa bı* /AT П, с. I78/ 'Двадцатью людьми я буду побежден'; *Mongyol=un nigen töřü oyirad=tu abtaba gekü tere bölige* /AT П, с. I30/ 'Говорят, что так одна монгольская держава была захвачена ойратами';

8) реальный исполнитель действия при побудительном залоге: *Tere eme sayin qaltar morin=i tayiluyad Ismel tayisi=du unuyulbai* /AT П, с. I67/ 'Та женщина отвязала великолепного гнедого с белой грудью коня и помогла (букв. дозволила) Исмэл-тайши сесть на него'; ... *je=gerde qaljan mori=yi inu negüjü abču yarcu iregei ejen=dü unuyulba* /AT I, с. I0I/ '... привел рыжего с лысинкой на лбу коня и усадил на него владыку'.

Кроме того, имеются и другие, иногда трудно квалифицируемые значения, например: *Tere ügen=dür Bodı Alaj qayan ese bolba* /AT П, с. I77/ 'Боди Алаг-хаган не согласился с этими словами (букв. тем словам не стал)'; *Tere üge=dür Jamuq=a... nöküd=tür=iyen ögülerün...* /AT I, с. I3I/ 'На те слова... Джамуха сказал своим товарищам...'; *Tere üge=dür inu Tömüčin uyilayad yarču Jorciba* /AT I, с. 34/ 'При этих словах Тэмучин расплакавшись вышел (букв. на те слова расплакавшись)'.

Так же как и местным падежом, дательно-местным управляют отлагольный послелог *kürtele* и послелог *adali* 'одинаковый, подобный': *Sigi qutuy=i ejen=ü bayisan jačar=tur kürtele kögejü irebe* /AT I, с. 99/ 'Гнали Шиги Кутугу до земель, где находился государь'; ... *morin kümün ber činu suraqui=dur adali teyimü kümün bui* /AT I, с. I4/ 'Есть здесь и человек, и конь, о которых ты спрашиваешь (букв. подобные тому, что спрашиваешь)'.

Орудный падеж

Орудный падеж некоторые исследователи относят к числу падежей более позднего образования, во всяком случае появился он после сложения локативных падежей /69, с. 53; 74, с. I73/. Показателями данного падежа служат *=iyar* после основ с конечным согласным и *=bar*, *=yar* после основ с конечным гласным. Происхождение этих показателей объясняется по-разному. Г.И.Рамстедт находит в них своеобразное развитие монгольского слова *mör* 'путь, след' /69, с. 54/.

Считая такое предположение неправомерным, Г.Д.Санжеев раскладывает этот показатель на два элемента: 1)=га, к которому восходит показатель местного падежа, и 2)=р – входящий в состав слов типа деге=р=е ‘наверху’, доу=р=а ‘внизу’. Сочетание этих двух элементов и стало обозначать орудный падеж, восходящий к архетипу =гар~=гэр (<=гар~=гэр~=бар~=бэр~=јар~=јер) [74, с.172].

Т.А. Бертагаев полагает, что показатель орудного падежа =бар/=бэр, =гар/=гэр/=јар/=јер восходит к корням таких слов, как бар= ‘держать’ и гар ‘рука’ (бар=/гар), значение которых вполне может быть осмыслено деривативно, как орудие действия [11, с. 45].

Однако кроме значения орудия действия данный падеж имеет широкий круг и других значений, например места, времени, причины, цели, что сближает его с местным и дательно-местным падежами.

Показатель же местного падежа =а=е < =ја / =ге, как известно, в современном языке развился в долгий ā/ā (бараунаа ‘к западу’, туухнээ ‘в истории’. Современный орудный также содержит в своем составе долгий гласный (=аар/=ээр/=оор/=еер). Поэтому нам представляется более правомерной точка зрения Г.Д.Санжеева на происхождение орудного падежа.

Показатели орудного падежа в других монгольских языках, в частности в баоаньском =ђалэ и дунсянском =ђала [91, с. 21; 92, с. 27], на наш взгляд, лишь подтверждают это предположение. Показатели =ђалэ, =ђала можно разложить на две морфемы: =ђа и =ла/лэ. А если учесть известное в монгольских языках чередование 1 ~ r, их можно также возвести к суффиксам письменного монгольского языка =*yar/ =*ger =yar/=bar.

Орудный падеж обозначает:

1) предмет или лицо как орудие или средство действия: Alčuyudai=yi sūke=ber čokiju alaba [AT П., с.179] ‘Алчугудая зарубили топором’; ... čisun=i amayar simejü... [AT I, с.93] ‘Ртом отсасывая кровь...’; ... boyda Činggis qayan=dur elči ilegejüqü. Abirq=a Darbai qoyer el-čin=iyer öčeju ilegerün [AT I, с.20] ‘... послал к святейшему Чингис-хагану послов. Через послов Абирха и Дарбая [он] передал’;

2) материал, из которого что - либо делается: Qara bug=a=yin arasun=iyar bürigsen bürkiren büküi dayu=tu kenggerge=ben deledbe bi [AT I, с.56] ‘Я ударил в свой рычащий барабан, обтянутый кожей черного быка’; Gegen qa-

yan inu erketü јuu Sikemüni burgan=u bey=e erdeni altan mönggүn= iyer bayiyulbai [AT П., с.184] ‘Гэгэн-хаган воздвигнул статую великого Дзу Шикэмуни (Шакъямуни) из драгоценностей, золота и серебра’; Qubilai Sečen qayan Pagsba ylvania=dur erdeni=ber kil-gegsen orkimži ... ergübei [AT П., с.114] ‘Хубилай Сэчэн-хаган преподнес Пагба-ламе ... сделанную из драгоценной ткани (драгоценностей) повязку через плечо – орхимджи’;

3) лицо или предмет, вместе с которым осуществляется действие: Jurčidai=yi uruyud=iyar ilegerün [AT I, с.137] ‘Отрядил /к ним/ Джурчидая с уругудами’; Basa taulai ѡil=e јuci=yi barayun uar=un čerig=üd= iyer oi=yin irgen=dür morilayulbai [AT П., с.21] ‘А также в год зайца послал Джучи с правым крылом войска к лесным народам’; Teyin kemeged Jurčidai Quyčidai qoyer uruyud mangyud=iyar=iyar Činggis qayan=u emüne јasaju bayiba [AT I, с.132] ‘Тогда выстроились перед Чингис-хаганом Джурчидай и Хайлдар со своими уругудами и мангудами’;

4) нахождение или передвижение предмета в том или ином пространстве: Atar Altai=yin belčer=iyer ködeljü ... [AT I, с.121] ‘двигаясь по пастбищам ... Атар Алтая’; Uyiyud=un tangyud=un yaʃar= =iyar biduʃu yaburun yadarču... [AT I, с. 114] ‘Измучились, скитаюсь по уйгурским и тангутским землям...’; Belgütei eke=yügen abur=a odju ger=tür inu barayun egüde=ber oruqui=lu=j=a eke inu nabtarqai nekei debel=tei jegün egüde=ber yaruşad... [AT I, с.62] ‘Бэлгутэй отправился, чтобы забрать мать, но когда он вошел через правую дверь ее юрты, мать его в понощенном овчинном тулупе вышла через левую дверь...’;

5) предмет, являющийся средством передвижения: ... injetei=ber ongyuča=bar abču irebei [AT П., с.47] ‘Привезли на лодках в качестве приданого ...’; Tedüi Jen tolbatu boru morin=iyar=iyar arulan dobtulun güyicejü ... [AT I, с.97] ‘Тогда государь погнался за ним на своем пятнистом коне ...’;

6) период или отрезок времени, в котором совершается действие: Ede yurban merked ekilen yurban јayun aran [kümün] edür=iyer... odči... [AT I, с. 60] ‘Эти три меркита и еще триста человек отправились днем...’; Tayičiyud noyad bide, gegen čayan edür=iyer köbčin kümün=i aldaba [AT I, с. 41] ‘Мы, тайчигулы-нойоны, /при луне, словно/ ясным селым днем, упустили целого человека’;

7) предмет, являющийся причиной какого-либо действия: Tere sibayun=u dayun yaruysan siltayan=iyar Činggis qayan kemen nereyitdügsen teyi-mi böläge /AT I, c.26/ 'По тому, как кричала (букв. по причине крика) та птица, нарекли Чингис-хаганом'; Amayar qayan, Qadayan, Qutula qoyer=i nereyitdügsen=ber qatuu mongyol tayičiyud Onan=u Qor-qoy ſigur=tur Qutala=yi qayan bolgaba /AT I, c.23/ 'Так как Амагар-хаган назвал имена Хадагана и Хутулы, все монголы и тайчигуды, собравшись на Ононском урочище Хорхог Джигур, избрали хаганом Хутулу';

8) цель действия:... egüdüğsen=ber Jobaysan tan=u tusa ene boluu /AT II, c.30/ '... вам, пострадавшим ради создания, от этого будет польза';

9) предмет как объект действия:... erdenis=ün ayayan=i eldeb üres=iyer dügürgejü qayan=dur soyurgaba /AT II, c.183/ '... преподнес хагану драгоценную чашу, наполненную разными дарами'; ... yoysi manggir=iyar tejiyegsen köve-güd inu /AT I, c.35/ '... сыновья, вскормленные диким луком-попреем';

10) предмет, являющийся стоимостью другого предмета: Blam=a=dur ... Jayun tabun lang=iyar egüdüğsen mönggün mandali... ergüjü mörgübei /AT II, c.183/ 'Ламе преподнес серебряное блюдо-мандал ценой в сто пять лан';

II) орудный образ действия - самый распространенный в количественном отношении и разнообразный по оттенкам значений в зависимости от лексического содержания того или иного слова: Morin inu yurban köl=iyar yeke modun qarayiň yarbai /AT II, c.178/ 'Конь его перепрыгнул через то большое дерево тремя ногами'; Tömučin Jamuqa=yin ene üge=yi uqan yadaň señ=iyer bayiň qoçurču... /AT I, c.65/ 'Тэмучин не мог понять этих слов Джамухи и незаметно отстал...'; Tere aldaysan kümün yeke dayu=bar bariy=a=tu /ginjitu/ kümün=i aldaba kemen qayilaqui=dur /AT I, c.40/ 'Тот упавший /Тэмучина/ человек плакал во весь голос, что упустил человека с колодкой ...'; Naqu bayan... nisun nilbüüsün=bar aju sayuqui=dur genetde Boyorči kürbe /AT I, c.46/ 'Когда Наху Баян ... сидел в слезах, неожиданно прибыл Богорчи'.

Любопытно в смысловом отношении следующее предложение: Činggis qayan ögülerun: eke=yi genetde ireküi=lüge ayiqu=bar ayuba. Ičeküi=ber ičebe bi kemejü /AT II, c. 38/ 'Чингис-хаган сказал: "Когда внезапно вошла матушка, я очень испугался. Я

очень устыдился (букв. страхом испугался. Стыдом устыдился)". Орудным падежом здесь оформлены причастия будущего времени, что могло бы означать "испугался, чтобы испугаться", "устыдился, чтобы устыдиться". В переводе на современный язык это сочетание передается словом ихээр 'очень, сильно' с родительным падежом причастия будущего времени, что выражает высшую степень действия;

12) субъект или реальный исполнитель действия при побудительном залоге: Qasar=i dörben kümün=iyer sakiyulju ... /AT II, c.95/ 'Четырех человек заставили сторожить Хасара...'; Yerü yeke ulus=Jüge Buq=a qoyer=iyar medegülbe /AT II, c. 120/ 'Вообще всем великим государством велел управлять Джугэ и Буха';

13) действие, вместо которого жертвально другое: ... ner=e=ben quyayayar yasu=ben quyura kele gejü ... /AT II, c.121/ '... вместо того чтобы портить (букв. ломать) свое имя, сломай свою кость (т.е. чем позорить свое имя, лучше сломай свою кость)'.

Многие имена в орудном падеже, обозначая орудие или способ действия, превратились в наречия, а затем и в послелоги типа: ači=bar (совр. ачаар) 'благодаря'; qamtu=bar (совр. хамтаар) 'вместе' (об этом см. подробно в соответствующих разделах).

Исходный падеж

Показателем исходного падежа является =ača/=eče, который рассматривается как сочетание местного падежа =a=е с древнемонгольским суффиксом =ča/=če /69, с. 40; 74, с. 170/.

В письменных памятниках XIII-XIV вв. и даже XVII в. еще можно встретить форму =ča /II2, с. 55/, которая в сочетании с местным и дательно-местным падежами образовывала формы =ača и =dača. Кроме того, в памятниках XIII-XIV вв. изредка встречается форма =nača/=neče, которая присоединяется только к основам на =n, при этом =n окончания является как бы повтором конечного =n основы /95, с. 51/.

Основными значениями данного падежа являются:

I) исходный пункт отправления: ... qatquldıysan yačar=ača qarin ničubai kemebe /AT I, c.136/ 'вернулся с места сражения'; Dalan Nemürgen=eče Qalq=a uruyu kö-deler=ün ... /AT I, c.136/ 'Двинулся из Далан-Нэмургэна по течению Халхи ...'; Jebe tayičiyud=ača iregsen yosun teyimü /AT I, c.96/ 'Вот так и пришел Джэбэ от тайчигудов';

2) лицо или место, у которого или откуда что-либо изымается: *Börte üjin=iyen jolyalduju merked=eče abuysan yosu eyimü buyu* /AT I, c.60/ 'Вот так он встретил свою Бортэ-уджин и отобрал /ее/ у меркитов'; ... *sang=ača dung büriy=e=yi abubai* /AT II, c.182/ '... из сокровищницы взяли трубу из раковины - дунг бурэ';

3) лицо, у которого о чем-либо спрашивают: *Činggis qayan Quyildar Sečen=eče asayur=un* ... /AT II, c.60/ 'Чингис-хаган спросил у Хайлдар Сэчэна ...'; *Yisügei bayatur Tömüčin=i yisun nasutu bukui=dur Ögelen üjin=ü törküd olqonud ir-gen=eče ökin yuyisu kemeyü*, *Tömüčin abuyad Jorčibai* /AT I, c.28/ 'Когда Тэмучину было девять лет, Есугэй-багатур отправился /с ним/ к родичам (букв.циальному племени) Огэлэн-уджин олхонутам просить у них девушку /для Тэмучина/'; *Tede Tünggelig yoruqan=a bükü irgen=eče teyimü nigen kümün teyimü mori=tu böläge keme-surabasu tede irgen ögülerüm...* /AT I, c. 14/ 'Когда спросил у людей, находящихся на речке Тунгэлиг: "Был ли /там/ такой-то человек с таким-то конем?" - те люди сказали...';

4) лицо как источник чего-либо: *qad=un ijajur anu tegün=eče bolbai* /AT I, c.2/ 'От него пошел ханский род'; *Qayan=ača ekilen čom bügüde Kiyud yasutai* /AT II, c.190/ 'Начиная с хагана все до единого были кости Хигуд';

5) целое, от которого берется часть: *Sartayul=un oljan=ača Qubilai köbegün=dür yeke=yi inu ögbe* /AT II, c.86/ 'Из сартагульской добычи большую часть отдал мальчику Хубилю'; *Edür bariyulaysan nuyusun=ača ögčü ösüg içiň ...* /AT I, c.14/ 'Отдавал им часть /из/ уток, пойманных днем, и пил кумыс ...'; *Kebtegül=eče qoyar kümün oruju tüsürge barituyai nemebesi* /AT I, c.159/ 'Пусть войдут два человека от кэйтэголов и держат чан с вином';

6) отставание, удаление от кого (чего)-либо: *Jamıq=ača qayačaju Činggis qayan=dur irebei* /AT I, c.76/ 'Отделились от Джамухи и пришли к Чингис-хагану'; *Uruy eligen=eče qayačabasu ...* /AT II, c.39/ 'Если отдалившись от родни...'; *Ögelen üjin ... idegen=eče qoýdayulbasu ...* /AT I, c.32/ 'Когда Огэлэн-уджин ... заставили опоздать к трапезе (букв. от трапезы)...';

7) перед глаголами *ayuqu* 'боиться', *čočimdaqu* 'испугаться', *uyidaqu* 'скучать': *Qamtu=dar yabubasu dayisun=ača yaquin=du ayuqu bile* /AT I, c.106/ 'Если идти всем вместе, чего же бояться врага?'; ... *noqai=ača čočimdaqai bui* /AT I, c.30/ '... боится собак'; *Edüge biden=eče uyidaqu čay inu bolba* /AT I, c.66/

'Теперь настало время скучать с нами (букв. от нас)'; *Oruju keb-teyü üjegdekü=eče ayuju usun=u qarki=dur gederkü kebteyü...* /AT I, c.40/ 'Он лежал в заводи на спине, боясь, чтобы /его/ не увидели';

8) лицо или предмет, с которым сравниваются другие: *Ayil=dur=iyan alay biru=yun=ača nomuqan yabuyad...* /AT II, c.67/ 'В своих аилах будьте тише пегих телят ...'; *Tömüčin=eče inu nigen nasun eke ečegen ilegü arban nasutu ajuju* /AT I, c.30/ 'Возрастом она была десяти лет, на год старше Тэмучина'; *Barilduy=a Bartan bayatur=un köbegün=eče alus* /AT I, c.87/ 'В борьбе превосходнее сыновей Бартан-багатура';

9) значение "кrome": *Segünden=eče busu nökür ügei segül=eče busu čočige ügei böläge* /AT I, c.36/ 'Нет друга, кроме тени, нет кнута, кроме хвоста'; *Muluči bayatur ayurlayad boyos gegüü unuysan=ače qoyosun yayakju qariy=a gejü kelejükü* /AT II, c.177/ 'Мулучи-багатур рассердился: на чем же ехать, кроме жеребой кобылицы, как же вернуться ни с чем';

10) причина: *Aryali uyulja=yin miqan=i qubilan qubiyaqui=ača ulam, alaldun teskildün qayaçam ta* /AT I, c.24/ 'Из-за деже мяса самок и самцов архаров, учиняя /между собой/ драки и убийства, разъединяется вы'; *Köbegüd=i minu yeke ülü bolqui=ača yekes=ün kesig bilegür sarqud=ača yakin qoýidayulmum ta* /AT I, c.32/ 'Сыновья мои еще не стали большими (букв. из-за того, что не стали), /и поэтому/ вы лишаете меня части приносимых в жертву кушаний';

II) начальный момент действия: *Erte ödür=eče tatar irgen ečiges ebüges=i biden=ü baraysan böläge* /AT I, c.116/ 'С давних пор татары истребляли наших отцов и дедов'; *Tere qayan=ača yurban üy=ebolusun=dur...* /AT I, c.6/ 'Со временем того хана сменилось три поколения ...'; *Qoyina Toyun Temür=eče inaysi sajin tasuraju onča kilińe ber yabuju böläge* /AT II, c.183/ 'Затем, начиная с Тогун Тэмура и до сих пор вера прервалась и /монголы/ пребывали только в грехе';

12) место приложения действия: *Borte üjin Qonyorčin qoyar Tömüčin jiluy=a čulbuyur=ača barijuqui* /AT I, c.59/ 'Бортэ-уджин и Хоногчин ухватились за поводья /коня/ Тэмучина'; *Qulan qatun=a yar=ača baribai* /AT II, c.95/ 'Брал за руки Хулан-хатун';

13) субъект: *Erkitu Qormusta tngri=eče ejen boyuda=dur erten=ü bayan=u kütün=ber erdeni qas ayayan=dur rasiyan araki dügürken soyurqabai* /AT II, c.1/ 'Всесильный Хормуста-тэнгри за

прежние добродетели пожаловал государю владыке драгоценную яшмо-
вую чашу, полную вина рашияны'; Kebtegül=eče čirbi=lu=a ayurasu
tügegeldütügei keməbei /АТ I, с.160/ 'Кэбтэгулы вместе с чэрби
пусть распределяют товары'.

Совместный падеж

Показателем совместного падежа является =tai (а также =tu), распространенный (с небольшими фонетическими отклонениями) почти во всех монгольских языках. В монголоведении существует мнение, что этот падеж возник относительно недавно (XII-XIII вв.)¹⁰ по сравнению с другими падежами /74, с.174/.

В АТ совместный падеж встречается довольно редко, так как в комитативном значении употребляется еще один – соединительный падеж.

Совместный падеж обозначает:

1) лицо или предмет, вместе с которым осуществляется действие: Tegün=dur Sigüsidei yucin nükür=tei ečibe /АТ II, с.144/ 'Шигушидэй отправил-
ся к ним с тридцатью товарищами'; Bodi Alay qayan=dur qorčin tü-
men=ü bayatur Muluči boyos qulayči gögütei irejü üge ayilat-
uya ... /АТ II, с.177/ 'Боди Алаг-хагану прибыл Мулучи-багатур
из хорчинских тумэнов на [с] саврасой жеребой кобылице (букв. с
кобылицей) и доложил ...';

2) лицо или предмет, которым обладает другое лицо или предмет: Erte edür=
eče bide qongkirat irgen qačar you=a qatud=tai öngge sayin
ökin=tü bölüge /АТ I, с.29/ 'Мы, хонхираты, с давних времен славимся (букв. были с) прекраснощекими женами и красивыми дочерьми';
Boyda ejen jarliy bolbai. Üge=tei bolbasu öčijü, qosing=tai bol-
basu qolbuju yarayıui gele gebe /АТ II, с.7/ 'Святейший владыка пове-
левал: "Если есть слова, изложи. Если есть шутка, посмеши" (букв.
соедини, свяжи)'.

В первом предложении два слова, выполняющих одну и ту же функцию (qatun=tai, ökid=tü), имеют разные показатели =tai и =tü. Примеров, где =tu выполняет функцию совместного падежа, довольно много. Приведем некоторые из них:... irgen idegetü ulus umda-

¹⁰ В "Комментариях" к "Jirüken=ü tolту" данный падеж еще не описывался как самостоятельный, хотя упоминался уже в перечне падежных показателей /57, с.15/.

tu bolyažu /АТ II, с.90/ букв. 'Сделав народ с пищей, людей с пи-
тьем'; ... örügelen ebür=iyen quʃuražu solʃir ebər=tü bolju ...
/АТ I, с.68/ '... сломала один рог и стала однорогой...'; Borʃigi-
dai mergen Mongolʃin ʃou=a gergei=tü bölüge /АТ I, с.7/ 'Боржи-
гидай-мэргэн был с женой Монголджин-гоя'; Tümčin köbegün=i Seng-
gün ag=a bolʃaju qoyar köbegün=tü bolju ... /АТ I, с.123/ 'Маль-
чика Тэмучина сделал старшим братом Сэнгума и обрел двух сыновей
(букв. стал с ...)'.

По-видимому, Г.И.Рамстедт не случайно отождествлял формы =tu и =tai, считая =tai < =tu + адъективное =ai /71, с.58, 205/, ко-
торое и дает возможность широкого употребления имен на =tai в
определительной функции¹¹, например: ... itegeltei, Boroqul
Boyorči qoyar... /АТ I, с. 133/ '...два надежных [друга] Борохул
и Боворчи...'; ... emegel=tei Jaŋin mori... /АТ II, с. 183/ '...
сто оседланных коней...?'.

Формой множественного числа этих показателей Г.И.Рамстедт
считает суффикс =tan как закономерное множественное число на
=n от = tai /69, с. 206/. Г.Д.Санжеев видит в =tan целый и не-
разложимый суффикс, обозначающий социальную множественность
/74, с. 133-134/ (подробно о =tan см. в разделе "Множественное
число").

Соединительный падеж

Показатель соединительного падежа =lu=a/lüge является
составным. В него входят элемент =lu /=lü, встречающийся в тюрк-
ских и тунгусо-маньчжурских языках, и =ja=ge, показатель мест-
ного падежа /69, с. 47; 74, с. 174/. Этот падеж имеется только
в монгольском классическом языке, ордосском, ойратских и некото-
рых других диалектах, но отсутствует в халхаском и бурятских
диалектах /74, с. 174/.

Основное значение соединительного падежа комитативное.
Кроме того, он обозначает:

1) лицо или предмет, вместе с которыми осуществляется действие: ... öte-
küa yekes=lüge ulus=un üyile ögüleldeşügei kemen ... /АТ II, с.56/
'... побеседую о государственных делах со старейшими и великими
(людьми)'; Menglig ečige doluyan köbegün=lüge=ben irejü ... /АТ II,
с.43/ 'Мэнлик-Эчигэ пришел со своими семью сыновьями'; Ger=te

11 В современном монгольском языке =tai превратился в омо-
нимичный падежному окончанию суффикс образования имен прилага-
тельных.

erüke totay=a=yin ger=e=lüge oruju... /AT I, с. II/ 'Проникал в юрту вместе со светом из дымника';

2) лицо, находящееся с другим в разных отношениях: *Kebtegül qorčin=luy=a qojar kū mingyan bolba* /AT I, с. 153/ 'Кэйтэгулы с хорчинами составили всего две тысячи'; *Kereyid=ün Ong qayan ... Yisügei bayatur=luy=a anda ke-meldügsen ajuu* /AT I, с. II2/ 'Керейтский Онг-хаган с Есугэй-багатуром стали побратимами'; *Ong qayan gür qayan abaya=luy=a=ban buly=a/dayisun/ bolulčažu...* /AT I, с. II2/ 'Онг-хаган со своим дядей гур-хаганом стали врагами'; *Qad=luy=a sačayu bui kemen* /AT II, с. 58/ 'Думает, что [она] наравне с ханами';

3) предмет как чья-либо принадлежность: *Eke=de ötcigen=ü gubi=luy=a tümen=i ... ögbe* /AT II, с. 26/ 'Матери вместе с долей Отчигина дал десять тысяч человек (подданных)...'; *Yeke auy=a küčün=lüge čoytu törügsen ... boyda Činggis qayan minu* /AT II, с. II/ 'Блистательнорожденный с великой силой ... святейший Чингис-хаган мой'; *Eldeb jarar jigür=lüge tegüsügsen yeke kücüti Garudi minu* /AT II, с. 14/ 'С многими крыльями сильная [птица] Гаруди (Гаруда) моя';

4) время действия со значением "когда" при сочетании с причастием будущего времени: *Ger=tur inu oruqui=luy=a Töryan Sira ögülerun* /AT I, с. 42/ 'Когда [он] вошел в его юрту, Торган Шира сказал'; *Naran uryuqui=luy=a kürbezü ...* /AT II, с. 37/ 'Достигла с восходом солнца...';

5) локальное значение, встречающееся в единичных примерах: ... *nayadu čayadu=luy=a qatqulduqui=dur, način songqur metü doyolin dob tulun oruči külüg Boyorči minu* /AT I, с. 195/ '... когда сражаясь [с врагом, находящемся] по эту и по ту сторону, то нападаешь подобно кречету, доблестный (кулук), Богорчи мой!'.

Двойные падежные формы

Двойные падежные формы встречаются во всех монгольских языках и диалектах. Так еще А.Боровников указывал, что "при одном имени бывают окончания двух различных падежей" /16, с. 100/.

Ученые отмечали наличие двойных падежных форм в бурятском, калмыцком, дунсянском, монгольском языках /73, с. 95-96; 72, с. 53; 90, с. 59, 76; 91, с. 22-23/ и "почти во всех монгольских диалектах" /74, с. 177/.

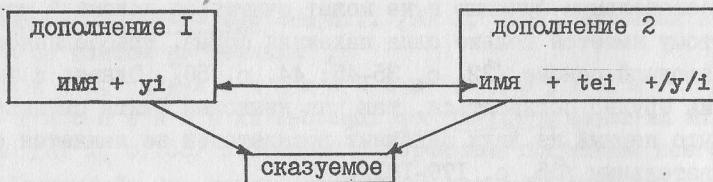
В монголоведении имеется и другая точка зрения, согласно которой первый из двойных падежных показателей выполняет слово-

образовательную функцию и не может считаться падежной морфемой, а потому имеется только одна падежная форма, присоединяемая к производной основе /32, с. 35-45; 44, с. 56/. Однако с этой точкой зрения трудно согласиться, так как языковые факты свидетельствуют, что первый из двух падежных показателей не является словообразовательным /55, с. 179-181/.

Двойные падежные формы зафиксированы в "Алтан тобчи". К ним относится употребление совместного и винительного падежей: *Sigüsidei ong=yi ekilen Olqui mergen arban nökürtei=yi alaba* /AT II, с. 144-145/ 'убил Шигушидэй-онга (букв. начиная с Шигушидэй-онга) вместе с десятью товарищами [среди которых был и] Олхуй-мэргэн'; ... *degü ner kegüked=tei=i doluyula=yi alabai* /AT II, с. 156/ '... убил младших братьев с детьми [всего] семерых'; *Guyilinci bayatur Sigüsidei=yin emegel=ün uridu bürgürge dabqur quyej kürjetei=yi nebte qoyitu bürgürge degere seyutala qarbubai* /AT II, с. 131/ 'Гуйлинчи-багатур пробил насеквозду у Шигушидэя переднюю луку седла и двойной панцирь со щитом (букв. лопатой), так что тот осёл на заднюю луку'; *Toj=a asaqun kümün=i kebtegül tere edür unuysan aytu emegel qačayar=tu=yi emesügsen qubcisun selte=yi kebtegül abtuai* /AT I, с. 157/ 'Кэйтэгулы пусть отбирают верхового коня, седло с уздечкой, одежду и все прочее у людей, которые будут интересоваться числом кэйтэгулов'.

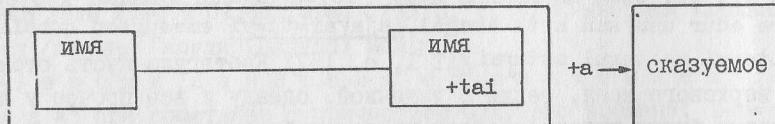
В приведенных примерах слова *nökür* 'друг, товарищ', *kegüked* 'дети', *kürjetei* 'лопата' (здесь 'щит'), *qačayar* 'уздечка' оформлены двумя показателями: =tei/=tu и =yi=i. Формант =i/=yi – это показатель винительного падежа, употребляемого для обозначения объекта действия – прямого дополнения; =tei (=tu) тоже не является словообразовательным суффиксом, так как словоформы *nökür=tei* 'с товарищем', *kegüked=tei* 'с детьми', *kürjetei* 'со щитом', *qačayar* 'с уздечкой' не могут быть прилагательными ни по своему вещественному значению, ни по той функции, которую они выполняют в предложении. Эти словоформы имеют лишь конкретное вещественное значение имени существительного.

В таких случаях в одной словоформе содержится два синтаксических значения, а само имя-дополнение обладает двусторонними связями. Показатель винительного падежа служит признаком того, что данная словоформа является прямым дополнением, объектом действия, выраженного глагольным сказуемым. Совместный же падеж обозначает, что данное дополнение является в то же время лицом или предметом, совместно с которым осуществляется действие. Схематически это можно представить следующим образом:

Совместный падеж встречается также в сочетании с местным на =a: naran=u yaltai=a хэбтэгүл=е jayilaJu yadan=a ярчүү донутын /АТ I, с. 156/ 'Как только солнце зайдет (букв. при наличии огня солнца), [они] пусть уступают место кэбтэгулам и ночуют во дворе'.

В этом случае в одной словоформе выражаются объектно-обстоятельственные отношения. Показатель совместного падежа указывает, что данное имя является принадлежностью другого имени в родительном падеже, показатель местного падежа – на время, когда надлежит совершившись глагольному действию. Схематически это выглядит так:

Несколько иначе дело обстоит с составной дательно-местно-исходной падежной формой. Она интересна тем, что в современных монгольских языках сохранилась практически в одной словоформе: монг. гэртээс; бур. гэртэнээ; калм. гертэс; дунс. гіэдэсэ 'из юрты, из дома'. В классическом монгольском она употреблялась значительно чаще. Что же касается "Алтан тобчи", то здесь это одна из самых распространенных составных падежных форм.

Форма =dača/=deče, =tača/=teče образована из сочетания показателей дательно-местного падежа =da/=de, =ta/=te и исходного падежа =ča/=če. Такая форма служит для обозначения места (реже лица), откуда (или от кого) совершается то или иное действие; Altan qayan Čondu=deče yarču ... /АТ II, с. 73/ 'Алтан-хаган ушел из Чонду(Чэнду)'; Botuqan Boqurči=deče küdeljü Kilyu mören=e kürçü... /АТ I, с. 58/ 'Отправились из [местечка] Ботухан-Бохурчи и дошли до реки Хилту'; Altan bosuy=a=dača činu anggida odbasu amin inu tasulju kidkün /АТ I, с. 85/ 'Если далеко отйдут от своего золотого порога, жизнь их прерви и убей!'; Erdem=tü bilig=tü kümün=i olbasu ta öber=ün bey=e=dečeegen gola ülü bolaydaqui /АТ II, с. 29/ 'Если найдете человека ученого и мудрого, не отпускайте

его далеко от себя'; Jamuqa=dača šilü qayačaqun bölägei bi /АТ I, с. 68/ 'Я не разлучался с Джамухой'.

Эта форма также обозначает лицо, которое совершает или может совершить действие: Boročin you=a=dača törügsen Duw=a soqor Dobu=mergen qoyar böläge /АТ I, с. 7/ 'Были Дува-сохор и Добу-мэргэн, родившиеся от Борогчин-гоа'; Teqün=ü köbegün Ögelen=ü eke=deče törügsen boyda Činggis qayan böläge /АТ II, с. 186/ 'Его сыном был святейший Чингис-хаган, родившийся от Огалэн-экэ'; Ene keuken tngri=deče Žayaγatu bıuu /АТ I, с. 4-5/ 'Этот мальчик (букв. ребенок) ниспослан Небом (букв. с судьбой от неба)'; Binden=ü bolJay=a Jamuq=a degüü=deče boluyai kemeye /АТ I, с. 54/ 'Место нашей встречи пусть назначит младший брат Джамуха'.

Рассматриваемая двойная форма, как и простой исходный падеж, употребляется перед глаголом со значением "испугаться, устрашиться кого (чего)-либо": Boyda Činggis qayan sočin geyegējü eke=deče emiyebə /АТ II, с. 37/ 'Святейший Чингис-хаган вздрогнул, испугавшись матери'.

Из примеров видно, что показатель двойного падежа =deča/=deče, =tača/=teče в любом случае передает одно аблативное значение. Но ведь первый элемент =da=de, =ta=té в монгольских языках, как известно, имеет локативное значение. Чем же в таком случае вызвано употребление двойного падежа для передачи одного конкретного аблативного значения?

Комбинирование падежных показателей в пределах одной словоформы свойственно не только монгольским, но и другим языкам, например, тюркским, уральским, тунгусо-маньчжурским, японскому, корейскому и ряду других /15, с. 60-82/.

Сочетание местного и исходного падежей встречается уже в языке древнеуйгурских текстов /15, с. 66/, так что наличие дательно-местно-исходного в монгольском не является чем-то специфическим и указывает на типологическое сходство грамматических моделей.

Способность падежных показателей в агглютинативных языках сочетаться друг с другом дает возможность уточнять значение того или иного полисемантического показателя при отдельном употреблении. Отличительной особенностью агглютинативных языков по сравнению с языками флексивными, по словам Б.А. Серебренникова, является то, что "агглютинативные языки обладают удивительной способностью к образованию суффиксов ... В агглютинативных языках в целях уточнения одного суффикса к последнему прибавляется новый

суффикс, в результате чего могут образовываться целые гирианды суффиксов" /81, с. 107.

Но обладал ли полисемантичностью монгольский падежный показатель =da? Как известно, в монгольских языках показатель дательно-местного падежа =da/=ta существовал наряду с =dur/=tur, du/=tu, не содержащими в себе аблативного значения.

Однако если взять для сравнения древнетюркские языки, в них ученые находят полифункциональный местно-исходный падежный показатель =da/=de. Отражением полифункционального значения этого падежа в памятниках рунической письменности является употребление его в качестве исходного в языке некоторых средневековых тюркских памятников /51, с. 104–110; 87, с. 25–26/.

В текстах орхоно-енисейских памятников нет "аффиксального различия для выражения локативного и аблативного понятий". Там существует один местно-исходный падеж, образуемый от основы имени посредством показателя =да/=дэ. Конкретное падежное значение имени выявляется только в контексте /50, с. 29/.

Можно предположить, что в древности и в монгольских языках (не без влияния тюркских) падежный показатель =da/=ta был полифункционален, а поэтому в своем аблативном значении требовал уточнения путем присоединения показателя исходного падежа¹³. Со временем за показателем =da/=ta закрепилось только локативное значение и он перестал употребляться при передаче аблативных значений¹⁴.

¹³ В тюркских языках форма исходного падежа считается относительно новым образованием, так как "она отсутствует в рунических надписях Орхона и Енисея, где свойственные ей значения ... передаются формой местного падежа" /106, с. 82/.

¹⁴ В этом отношении небезынтересным представляется факт, отмеченный Б.Х.Тодаевой в дунсянском языке. Как и в других монгольских языках, в нем сохранилась форма дательно-местного падежа с исходным от слова гіэ дом – гіэдэсэ (кідесэ) 'из дома'. Однако, когда к основе в дательно-местном падежа присоединяются показатели остальных падежей, между показателем дательно-местного падежа и присоединяемым к нему показателем другого падежа вставляется суффикс =ду, например: гіэ 'дом' – гіэдэ 'в доме' – гіэдэду 'находящийся в доме' – гіэдэдусэ 'от находящегося в доме' – гіэдэдулэ 'с находящимся в доме' – гіэдэдула 'находящимся в доме' и т.д.... /91, с. 22–23/. Не употреблялся ли суффикс =ду, указывавший на местонахождение предмета, для уточнения значения показателя дательно-местного падежа =дэ?

Процесс этот происходил постепенно и потому в письменных памятниках в течение длительного времени использовались две формы (двойная дательно-местно-исходная и простая исходная) для передачи абсолютно одних и тех же значений, о чем могут свидетельствовать следующие пары примеров из текста АТ: Conqdu=dača γarču buruγud-un Nangking (Nanužing) balayasun=dur oružuqui /АТ II, с. 73/ 'Бежал из Чонду (Чэнду) и вошел в город Нанкин' – Altan münggün ayurasun ed tavar... Conqdu=ača γaruyaň... /АТ II, с. 70/ 'Вывез из Чонду (Чэнду)... золото, серебро и всякие товары'; Tegün=ü köbegün Ögelen=ü eke=deče törügsen boyda Činggis qajan bölige /АТ II, с. 186/ 'Его сыном был августейший Чингис-хаган, родившийся от Огэлэн-экэ' – Način bayatur=un ubalin gergei=eče törügsen Sisiγudai Doqulqudai qoyer bölige /АТ I, с. 18/ 'Шишигудай и Дохулхудай родились от первой жены Начин-багатура'; Biden=ü boljaj=a Jamuq=a degüü=deče boltuyai kemebi /АТ I, с. 54/ 'Место нашей встречи пусть назначит младший брат Джамуха' – Kebtegül=eče čirbi=luy=a ayurasu tügegeldütügei kemebi /АТ II, с. 60/ 'Пусть кэктэгулы вместе с чэрби распределяют товары'.

Множественное число

Суффиксы множественного числа

Множественное число в "Алтан тобчи" образуется посредством суффиксов =s, =d, =ud/=üd, =yud, =n, =nar, =tan.

1. Суффикс =s – один из древнейших суффиксов множественного числа /71, с. 57/. В современном языке он употребляется редко /74, с. 132/. В "Алтан Тобчи" он встречается довольно часто, присоединяясь к основам имен, оканчивающимся на гласные и дифтонги, конечный неслоговой элемент которого =i отбрасывается: ege 'мужчина' – мн.ч. eres; degü 'младший' – degüs; üge 'слово' – üges; aytä 'мерин' – aytas (это слово встречается и с суффиксом =d: aytad); erdeni 'драгоценность' – erdenis; beriy=e 'посох' – beriyes; noqai 'собака' – noqas; metu 'подобный' – metüs.

2. Суффикс =d, встречающийся почти во всех монгольских языках и относящийся наряду с =s к древнейшим суффиксам образования множественного числа в этих языках /71, с. 57/, в "Алтан тобчи" самый продуктивный суффикс. Употребляется после основ имен, оканчивающихся на:

a) =n, который при этом выпадает: qan 'хан' – мн.ч. qad; on 'год' – od; yalayun 'гусь' – yalayud; bergen 'невестка' – bergen; kümün 'человек' – kümüd; noyan 'князь' – noyad; temegen 'верблюд' –

temeged; bulyan 'соболь' - bulyad; čečen 'мудрый, мудрец' - čečed; ökin 'девушка, дочь' - ökid; morin 'конь' - morid.

Причастная форма на =-san /-gsen также может иметь форму множественного числа в любой синтаксической функции¹⁵. Конечный =n суффикса и здесь выпадает: iregsed 'пришедшие', 'те, кто пришел'; sayuysad 'севшие', 'те, кто сел'; ülegsed 'оставшиеся', 'те, кто остался' ('то, что осталось'); abuysad-i bügüde=yi abqayulba /AT I, c. 153/ 'Отобрали все, что успели захватить';

б) =sun, который также выпадает, и наращивается =d к именной основе: niqisun 'утка' - мн.ч. niqyud; qubčisun 'одежда' - qubčid; narasun 'сосна' - narad; balyasun 'город' - balyad; buryasun 'ива, ивняк' - buryad 'заросли ивняка'.

Этот вид образования множественного числа не характерен для современного языка, в котором имена существительные на =sun сохраняют в основе элемент данного суффикса =s, к которому уже присоединяется окончание множественного числа: нарс(ан) 'сосна' - мн.ч. нарсууд; нугас(ан) 'утка' - нугасууд.

в) =r, который выпадает и взамен наращивается суффикс множественного числа =d: mör 'след' - мн.ч. möd; jar 'рука' - jarad; edür 'день' - edüd; jaʃar 'земля' - jaʃad; öndür 'высота' - öndüd; uyiʃur 'уйгур' - uyiʃud; ə baʃatur 'герой, богатырь', - baʃatud; nökür 'друг, товарищ' - nöküd.

Этот способ образования множественного числа также не характерен для современного языка, в котором, пожалуй, только слово nökür сохраняет старую форму nöküd (в современной орографии нөхөд). Что же касается всех остальных слов на =r, то в них этот согласный является уже не отъемлемой частью основы и не выпадает;

г) в некоторых случаях множественное число на =d образуется путем прибавления данного суффикса к основам с конечным гласным, а также к основам на =či: ödü 'перо' - мн.ч. ödüd; qota 'город' - qotad; aytä 'мерин' - aytad; busu 'другой, иной' - busud; teyimü 'такой' - teyimüd; kelemerči 'переводчик' - kelemerčid;

д) в единичном случае встретилось множественное число на =d от основы на =s: ös 'месть', 'злоба', 'ненависть' - мн.ч. ösüd.

Случай этот довольно редкий и в том смысле, что именам с

15 В современном монгольском языке имена прилагательные и причастия могут иметь форму множественного числа только в субстантивном употреблении.

подобным лексическим значением не свойственна форма множественного числа.

3. Суффикс =ud=/üd присоединяется к основам, оканчивающимся на согласные кроме =n: čerig 'войско' - мн.ч. čerigüd; yal 'огонь' - yalud; külüg 'конь', 'рысак' - külügüd; kerem 'белка' - keremüd; mös 'прут, хворостина' - mösüd; tiib 'материк' - tiibüd nom 'книга' - nomüd.

Распространенный в монгольских языках и присоединяемый к самым различным основам /74, с. 130/ суффикс =nuʃud в "Алтан тобчи" зафиксирован в одном случае; ötegüs=nuʃud 'старейшины'. (В печатном издании /AT II, 29/ он оказался пропущенным, но есть в рукописи.)

4. В "Алтан тобчи" встретился суффикс =jud, употребляемый ныне в бурятском /74, с. 132/, а также и в современном монгольском языке /53, с. 14/ после основ с исконным заднеязычным. Суффикс =jud следует после основ на =či/=jči, например: qarayčiyud qonid 'черные овцы'; alajčiyud qonid 'пестрые овцы'; qongqoγčiyud qonid 'желтые овцы'.

5. Суффикс =n. В монголоведении уже не раз отмечалось, что в древнейших памятниках письменности имена на =i, =ai, =ui, =qui, =küi, =či, =jči имеют часто во множественном числе суффикс =n /16, с. 389; II6, с. 5-12; 69, с. 58; 74, с. 133/.

Форму множественного числа на =n имеют имена: qančui 'рукав' - мн.ч. qančun; borbi 'пяточное сухожилие' - borbin; elči 'посол, гонец' - elčin; adayči 'табунщик' - adayučin; qoniči 'пастух овец, чабан' - qoničin; qurjači 'пастух ягнят' - qurjačin; kedüi 'сколько' - kedün; tedüi 'столько' - tedüm.

Причастная форма на =qun /=küm также представляет собой форму множественного числа от причастия на =qui /II6, с. 9; 52; с. II2/, например: aqni (причастная форма от глагола бытия a= "быть") - мн.ч. aqun; nöküčeküi (причастная форма от глагольной основы nöküče= "подружиться") - nöküčeküi.

Интересно отметить употребление слова kele'язык' в форме множественного числа на =n. В "Алтан тобчи" это слово в сочетании с глаголами kürge=/kür= 'доставить' или ire= 'приходить' означает 'передать известие устно (т.е. на словах)', например: Ene kelen kürčü ireged... /AT I, 88/ 'Доставив это известие (букв. эти слова)...'; Tere kelen ireged ülü əayün... uabuγulju körül-đejü... /AT I, 89/ 'Получив такие вести (букв. такие слова), они/, не останавливаясь, двинулись дальше, говоря...'.

6. Суффикс nar, как известно, употребляется в монголь-

ских языках для обозначения множества лиц, состоящих в родственных отношениях, или людей в собирательном значении: degүү 'младший брат (сестра)' - мн.ч. degүү ner ; aq=a 'старший брат' - aq=a nañ; blam=a 'лама' - blam=a nar ; nañasči 'дядя по матери' - nañasči nar . Этот суффикс имеет ограниченную сферу употребления.

7. Суффикс =tan определяется в монголоведении как суффикс, образующий имена с собирательным значением (наименования социальных групп людей и видов животных). Его происхождению и значению уделялось особое внимание в научных грамматиках и специальных статьях [74, с. 133-134; 10, с. 106]. Признавая за этим суффиксом общее значение собирательной множественности и совокупности, учёные, однако, расходятся в вопросе о его происхождении.

Одни считают =tan формой множественного числа на =n от имен на =tai [116, с. 5-6] или =tu (=tü), =tai (=tei) [64, с. 112]; другие отрицают это, считая =tan исторически "цельным и неразложимым", производными разновидностями которого являются =tu, =tai [74, с. 134; 10, с. 106]. На наш взгляд, =tan действительно существовал первоначально как единый и неделимый суффикс, обозначавший некогда племенную принадлежность лиц, а впоследствии совокупность лиц и других живых существ, обладавших каким-то общим признаком.

Любопытно, что, например, в нивхском языке имеется суффикс =тан~ =ран~ =дан с собирательным значением, полностью совпадающий с монгольским =тан, при этом в нивхском языке этот суффикс восходит к слову тан 'домочадцы', 'совокупность членов того или иного объединения людей' [59, с. 3-12].

Являясь весьма продуктивным в современном монгольском языке, этот суффикс употребляется не как показатель множественного числа, а как суффикс, образующий имена существительные со значением множественности, совокупности лиц, занимающихся определенной деятельностью, или живых существ, обладающих каким-то свойством, например: ажилтан 'работник/и' (от ажил 'работа'); холбоотон 'союзники' (от холбоо 'союз'); сэхээтэн 'интеллигенция' (от сэхээ 'ум, интеллект'); сээртэн ' позвоночные' (от сээр ' позвоночник') [53, с. 42-43].

В современном языке имена на =тан нередко имеют значение единственного числа, принимая во множественном соответствующие суффиксы, например: эрдэмтэн 'ученый' - мн.ч. эрдэмтнүүд; хөрөнгөтөн 'капиталист' - хөрөнгөтнүүд; ажилтан 'работник' - ажилтнүүд.

Поэтому рассматривать его в числе суффиксов множественного

числа в современном монгольском языке можно лишь условно, принимая во внимание его историческое значение совокупности-множественности.

Однако в языке ХУП в. этот суффикс имел более широкий круг значений от указания коллективной совокупности до простого количественного множества предметов.

В "Алтан тобчи" =tan обозначает:

I) Принадлежность к роду, племени, клану: Börte Činu=a... er=e ügei Gou=a Maral neretü ökin=i abči... mongol obuytan bolba [AT I, с. 6] 'Бортэ Чинуа... взял [в жены] незамужнюю Гоа Марал, ... и образовался род монголов'; Buqu Qatagi=yin köbegün qatagin omuγ=tan bolba [AT I, с. 17] 'Сыновья Буху Хатаги образовали род хатагин'; Tömučin=ten köbegüd ödterlen=kü bosuyad morin=lyan bariju [AT I, с. 50] 'Тэмучинцы (т.е. Тэмучин и его братья) тотчас встали и схватили своих коней'; Qutuy=tan törügsen köbegüd=iyen težiyer=üm [AT I, с. 34] 'Чтобы накормить сыновей своих, рожденных святыми (хутугтами, т.е. принадлежащими к высшему духовному сану)';

2) названия лиц, обладающих каким-либо предметом: ...qaraγciyud alayciyud tuγ=tan bui [AT I, с. 130] '...знаменосцы чернопестрых знамен (букв. "обладающие черными-пестрыми знаменами")'; ...yisüm keleter irgen [AT II, с. 41] '...люди девяти языков';

3) качество или признак, присущий группе людей: Tede serelten irgen bui [AT I, с. 130] 'Они-осторожные (т.е. осторожные) люди'; Tus qayan=iyanyartaju iregseñ uayun itegel=ügei=ten arad ede [AT I, с. 110] 'Это люди, наложившие руки на своего государя, не имеют (букв. те, кто не имеют) никакого доверия'; ...itegelten kebtegül minu [AT I, с. 158] '... верная стража моя'; qurdun yabudal=tan kebtegül minu [AT I, с. 158] 'быстроходная стража моя'; Erte edür=eče tatar irgen ebüges ečiges=i baraysan östen kisten irgen bölüge [AT I, с. 80] 'С древних времен татары были ненавистниками, погубившими наших дедов и отцов';

4) союз 'и' или сочетание 'и другие': Alun you=a Dobu=mergen=dür irejü [Bekünütéi] Belkünütéi ner=e=ten qoyar köbegün törübei [AT I, с. 9] 'Алун-гуя, прибыв к Добу-мэргэну, родила двух сыновей по имени [Бекунутэй] и Балкунутэй'; Tömučin Qasar tan... ödbai [AT I, с. 37] 'Тэмучин и Хасар...шли'; Biden=ü manglai Altan, Qučar Senggüm=ten Edükü=e kürčü... [AT I, с. 89] 'Как только идущие впереди нас Алтан, Хачар, Сэнгум и другие дошли до урочища Эдукуй...'; Jelm=e=yin köbegün Yisütüge aqalaju, Tüdei=yin köbegün Bükedei=ten=lüge eyetüldüjü atuya kembe [AT I, с. 152] 'Командую-

шими были назначены сын Джэлмэ Есугутгэ и сын Тудэя Бухэдэй во главе с Есугутгэем'; *Tölüi=ten=lüge töblen sajtuai kemen sayurin* 'Вы садитесь с Тулуем и с другими [помощниками] в центре', - сказал он и указал им место';

5) значения множественности, как другие показатели множественного числа: ...*oyotur terki qongqor=i unju sirya aytan=i ebessüm-i alurqai=bar möskijü yurba qonoy yabuji...* /AT I, c. 44/ '...сел на короткохвостого саврасого [бегунца] и поехал по следу, оставленному на траве соловыми меринами...'; ...*qamtu dobtulji orugrad sirya aytan=i üldejü yarbai* /AT I, c. 45/ '... поехали вместе и угнали соловых меринов'.

В единичных случаях =tan образует имена от основ во множественном числе, например: *erdem* 'наука' - *erdem=üd* 'науки' - *erdem=üd=ten* 'обладающие науками (т.е. учёные)'.

Особенности употребления множественного числа

В языке ХУП в. уже произошел сдвиг в употреблении форм множественного числа в сторону современных языковых норм, о чём в свое время писал С.А. Козин, сравнивая параллельные места "Сокровенного сказания" и "Алтан тобчи" /37, с. 120–135/. И все же употребление множественного числа в "Алтан тобчи" довольно существенно отличается от того, что мы находим в современном языке.

Во-первых, форму множественного числа в "Алтан тобчи" имели имена, которые в современном языке, как правило, употребляются только в единственном числе: *Mön küüm bey=e yad ebečin ügei kesig=üm noyad=ača ey=e ügegü yučin doluyan beriyes süyitügei* /AT I, c. 154/ 'Если этот человек, будучи здоров (букв. тело, руки не болны), без согласия нойонов в третий раз пропустит смену, то [его] следует наказать 37 розгами'; *Tömučin köbegüm=dür qatqulduqun metüs ken bui* /AT I, c. 130/ 'Кто есть у сынка Тэмучина подобный тем, кто примет бой?'; *Ösöd gem ülü talbiyči jögelen yongqor metü Toryon Sira minu či nige üge ögüle gebe* /AT II, c. 17/ 'Говори ты, Торгон Шира, подобный мягкому шелку, не таящий ненависти (мн.ч.) и коварства'; *Möd=iyer=iyen yabujiad yajad=iyen jegütgen bederižü...* /AT I, c. 41/ 'Идя по следам, тщательно осмотрим местность (мн.ч.)...'; *Teyimü teyimüd eyimü eyimü omoytan irgen=i* Činggis qayan er=e=yin er=e törüjü doroyita yulju... /AT I, c. 86/ 'Родившись мужем из мужей, Чингис-хаган усмирил таких-то и таких-то возгордившихся людей'.

Во-вторых, и при наличии количественного определения оп-

ределяемое сравнительно часто оформляется суффиксом множественного числа: *Cinggis qayan arban yurban kürüyed bölige* /AT I, c. 75/ 'У Чингис-хагана было тринацать куреней'; *Tabun köbegüd minu ta jača kebeli=eče törübei* /AT I, c. 12/ 'Вы, пять сыновей моих, родились ведь из одного чрева'; *Cinggis qayan-i töruküi=yin urida jaambutib=un yirtinöö=dür arban qoyar mayu qad töriyü* /AT I, c. 27/ 'До появления на свет Чингис-хагана на земле родились двенадцать плохих ханов'; *Eldeb erdenis=iyer şoşalaysan Sumbur ayla minu* /AT II, c. 12/ 'Гора Сумбер моя, полная всяких драгоценностей'; *Sartayul irgen =dür doluyan od yabujiu* /AT II, c. 85/ 'Семь лет пробы у сартагульского народа.'; *Cinggis qayan Juči Cayadai, Ögedei yurban köbegüm=i čimadču buruyusiyaju/ yurban edüd ese ayuljabasu...* /AT II, c. 82/ 'Чингис-хаган рассердился на трех своих сыновей – Джучи, Чагадая и Угэдэя и три дня не встречался с ними...'.

В-третьих, нередко наблюдается согласование в числе определяемого и определения, отсутствующее в современном языке: *Ede üges ögülegülfü Nilqa Senggüm ečige=dür=iyen Ong qayan=dur tedeger üges Sayiqan Tödüger=iyer ögüležü ilgejükü* /AT I, c. 125/ 'Сказав эти слова, Нилха Сэнгум послал Сайхан Тэдугера передать те слова отцу своему Онг-хагану'; *Bojorči, Taulai Boroqul, Čilayun ede dörben külüg=üd=iyen derge=degen yabubasi...* /AT I, c. 139/ 'Богурчи, Таулая, Борохула, Чилагуна – этих четырех рысаков своих держу возле себя ...'.

В современном языке невозможно употребление причастных форм во множественном числе в качестве определений, так как в этом случае они имеют субстантивное значение. В "Алтан тобчи" же они нередко служат определениями, согласуясь в числе со своим определяемым: *Tus qayan=iyen gardasad arad mön=e qoyina ker itegegdekün ede kemeküi bolüge* /AT I, c. 149/ 'Как после этого можно верить аратам, посягнувшим на своего хагана?'; *Ülegased cerig=üd=i inu turažu ükürüm* /AT II, c. 74/ 'Отставшие воины его гибли от истощения'; *Čabčiyal-i bariysad cerig=üd=i ködelgejü irežü* Činggis qayan=dur neyilebe /AT I, c. 74/ 'Отстеснил войска, державшие Чавчал, и присоединился к Чингис-хагану'.

Если в современном языке при наличии однородных членов предложения суффиксом множественного числа, как правило, оформляется в зависимости от контекста только последний из однородных членов, то в "Алтан тобчи" часто каждый из однородных членов имел показатель множественного числа, например: ... *nayud galayud=i*

baryulju iden bükü=dür... /АТ I, с. 14/ '...когда ловил и ел уток и гусей...'; *Nuyudyalayud-un ööd buryalıq čisun metü butaraju keyisöö iremü* /АТ I, с. 15/ 'Перья уток и гусей летают повсюду, точно снег'; *Eke=yügen ügei boluysan=u doyina aq=a nar degüü ner aduyun -iyan qubiyaJu abulčaba* /АТ I, с. 12/ 'Когда не стало матери, старшие и младшие братья поделили табунн'; *Qorildai mergen tümed=ün jaʃar=tur=iyan bulayad, kerem=üd görökü jaʃad qorilaJu fesergü*, *qorilaldiJu fesergü* /АТ I, с. 9/ 'Хорилдай-мэргэн запретил охотиться на соболей, белок и других зверей в своих тумэдских землях'; *Eng yekə ulus=tu ökid emes olan genem* /АТ I, с. 50/ 'Товорят, в этой великой стране много девушки (букв. девушек и женщин)'.

Следует отметить и то обстоятельство, что большинство имён, способных иметь форму множественного числа как в языке ХУП в., так и в современном, сейчас, однако, употребляются с другими суффиксами множественности, например: *on* 'год' – *od* 'годы' (в современном языке редко онууд); *edür* 'день' – *edüd* 'дни' (в современном языке эдрууд); *bayatur* 'герой, богатырь' – *bayatud* 'герои, богатыри' (в современном языке баатрууд); *nujsun* 'утка' – *nujud* 'утки' (в современном языке нугасууд); *balayasun* 'город' – *balayad* 'города' (в современном языке балгасууд).

К случаям употребления двойных суффиксов множественного числа, встречающихся во всех монгольских языках, в языке АТ относятся следующие: *ene* 'этот' – *ede*, *edüd* 'эти'; *köbegüm* 'сын, мальчик' – *köbegüd*, *köbegüd ner* 'сыновья'; *qan* 'хан' – *qad*, *qadud* 'ханы'.

Ц.Б. Цыдендамбаев высказывает предположение, что появление составных суффиксов множественного числа вызвано, по-видимому, ослаблением значения множественности у имен и в связи с этим необходимостью усиления его путем удвоения суффиксов. Это предположение вытекает из того, что, судя по материалам бурятских хроник, добавочный суффикс присоединяется к простым суффиксам множественности, например: *=s*, *=d*, *nar* или *tan*, тогда как к составным *nujud* или *nud* обычно ничего не добавляется. По наблюдению Ц.Б. Цыдендамбаева, простые суффиксы множественности *=s*, *=d* "выражают ограниченное (или незначительное) множество, а *nar* и *tan* – собирательное (или неопределенное) множество", в то время как "*nujud* (или *nud*) и *ud* обозначают более значительное (или неограниченное) множество" и потому "они могут быть приняты словами в дополнение к предыдущим" /98, с. 337/.

Двойных суффиксов множественности в тексте АТ не так мно-

го, из-за чего трудно судить, насколько подтверждается здесь это предположение, хотя, на наш взгляд, оно не лишено оснований.

Как отмечают исследователи индоевропейских и других языков, отличие в употреблении единственного и множественного числа сводится к тому, что единственное число имеет развернутую систему падежей, а множественное получает выражение только в сфере субъектно-объектных падежей /96, с. 66/.

В древнегрузинском языке, например, единственное число имеет семь падежей, а множественное только два – прямой и косвенный /19, с. 213/, а в мордовском множественное число выражается только в номинативе, а в других падежах только в некоторых местоимениях, да еще в определенном роде склонения с участием этих местоимений /17, с. 113/.

Факты монгольского языка ХУП в. в какой-то мере подтверждают эти наблюдения. Наибольшее число примеров употребления множественного числа приходится здесь на именительный и винительный падежи, т.е. на сферу субъектно-объектных отношений, тогда как с другими падежами встретились лишь единичные примеры: пять – с родительным падежом, пять – с дательно-местным, четыре – с орудийным, два – с местным и один – с исходным.

Прилагательные

В языке "Алтан тобчи" имена прилагательные представлены качественными прилагательными и относительными.

К качественным прилагательным относятся непроизводные прилагательные, например: *qara* 'черный', *gegen* 'ясный', *qula* 'саврасый', *qaγičin* 'старый', *tag'ın* 'толстый, жирный', *turqan* 'тонкий, тощий', *sine* 'новый', *soqır* 'слепой', *qełjan* 'лысый'; и производные, образованные посредством некоторых суффиксов, например: *yadanggi* 'слабый, маломощный', *qabtagai* 'плоский', *nabtarqai* 'ветхий, изношенный', *qarangqui* 'темный', *qaʃaqai* 'рванный, разорванный'.

Качественные прилагательные, обозначающие цвет и ряд других качеств, могут иметь показатели степеней качества и формы интенсива, например: *sine* 'новый' – *sineken* 'новенький'; *Jalayu* 'молодой' – *Jalayuqan* 'молодавый'; *čegeñ* 'светлый' – *ßegeken* 'светленый, светловатый'; *qara* 'черный' – *qarabtur* 'черноватый', *qarangqui* 'темный' – *qab* *qarangqui* 'совершенно темный'. Они также участвуют в образовании сравнительной конструкции для указания качественного различия однородного при-

знака, присущего двум или более предметам. Наличие качества в каком-либо предмете в большей мере, чем в другом, передается конструкцией, где имя существительное (или другая часть речи), с которым сравнивается качество или свойство какого-либо предмета, ставится в форме исходного падежа, а имя прилагательное остается без всякого изменения, например: *Alay biruyun=ača* поми-
кан... /АТ II, с. 67/ 'Тише пегих телях...' ; *Köbegün=eče alus*
/АТ I, с. 87/ 'Превосходнее сыновей'.

Конструкцией со словом *qamu-un* 'самый' передается наличие качества в предмете высшей степени: *qamu-un mongke* /АТ II, с. 104/ 'Самый вечный'.

Относительные прилагательные образуются от именных и глагольных основ посредством определенных суффиксов. В АТ – это прилагательные, производные от имен путем добавления суффиксов =tu, реже =ki и =kei: например: *uqačam* 'ум' – *uqačantu* 'умный'; *erke* 'власть' – *erketü* 'могущественный, властный'; *cilayu* 'ка-
мень' – *cilayu=tu* 'каменистый'; *čisu(n)* 'кровь' – *čisutu* 'кро-
вавый'; *amta* 'вкус' – *amtatu* 'вкусный'; *gem* 'вина' – *gem=tü* 'ви-
новный'; *aldar* 'слава' – *aldar=tu* 'славный'; *urida* 'раньше,
прежде' – *uridaki* 'прежний'; *Tömüčin=ü* 'Тэмучина' (форма род.
пад. от *Tömüčin*) – *Tömüčin=ükei* 'Тэмучиновский, т.е. принадле-
жащий Тэмучину'.

В монгольских языках отсутствуют прилагательные, обозна-
чающие вещество или материал, из которого состоит или сделан
предмет, поэтому предметные определения передаются сочетанием
двух стоящих рядом существительных, например: *tömir kürje* 'желез-
ная лопата', *modun bayising* 'деревянный дом'. Наряду с этим в
"Алтан тобчи" существительное в функции определения встречает-
ся и в форме родительного падежа: *kerem=üm degel* /АТ I, с.
106/ 'белочья шуба'; *zubud-un kerse debel* /АТ II, с. 114/
'жемчужная одежда священнослужителей'.

Вместо притяжательных прилагательных, нередко выделяемых
в грамматиках индоевропейских языков, в монгольских языках, в
том числе и в языке "Алтан тобчи", употребляются имена сущест-
вительные в форме родительного падежа: *ükər=üm mör* 'бычий след';
ünege=yin segül 'лисий хвост'.

Как известно, имена прилагательные в монгольских языках
не изменяются ни по падежам, ни по числам. Это связано с тем,
что в функции определения они не согласуются с определяемым
именем ни в падеже, ни (как правило) в числе. Любое падежное
оформление прилагательного ведет к его субстантивации.

Отличительная особенность употребления прилагательных в
"Алтан тобчи" состоит в том, что в ряде случаев прилагатель-
ное, выступающее в качестве определения, согласуется с опре-
деляемым существительным в числе, например: *kōkegüd nyud*
/АТ II, с. 57/ 'серые утки'; *alayačiyud nyud* /АТ II, с. 57/
'пестрые утки'; *alay=ud külüg=üd* /АТ II, с. 57/ 'пегие аргама-
ки'.

Функциональной особенностью прилагательных является их
атрибутивное употребление. Обозначая признаки и качества пред-
метов, прилагательные выступают в предложении прежде всего в
функции определения имен существительных. Прилагательное как
определение в монгольских языках всегда стоит в позиции перед
своим определяемым. Определительные отношения выражаются толь-
ко порядком слов, например: ...*ulayan degel=tü kümün igr=a=bar-*
=iyan dokiju bayiju qočurba /АТ I, с. 46/ '...человек в красном
халате подал знак своим укрюком и отстал'; *Qayucin on...odqu*
kemen, sine on... irebe gejü... /АТ II, с. 27/ 'Говорят, старый
год... уходит, новый год... пришел'; *Qayiratu Boroqul=dur=iyan*
eyin Jarlıq bolurun... /АТ II, с. 13/ 'Своему любимому Борохулу
так соизволил сказать...' .

Предикативная функция для прилагательных не характерна.
Но иногда в целях эмоционального выделения или подчеркивания
признака предмета они употребляются и в качестве сказуемого,
например: *Aduyun biden=ü turqan* /АТ I, с. 127/ 'Табуну наши
топы'; *či kenukei bui kemen aseyaba...* *Bi Tömüčin=ükei bui* /АТ I,
с. 50/ 'Ты чья будешь? – спросили ее... Я – Тэмучиновская'.

В контексте качественные прилагательные могут получать
субстантивное значение, обозначая отвлеченное понятие качества
или признака. В таких случаях они принимают тот или иной падеж-
ный показатель: *Er=e=yügen sayin=i em=e ülü medeyü*. *Er=e=*
decegen qayačan barafsan=dur, *er=e=yügen sayin=i tende medeyü*
/АТ II, с. 32/ 'Жена не знает хороших качеств своего мужа (букв.
хорошее своего мужа), но когда расстанется с ним, тогда-то
и узнает /все/ хорошее своего мужа'.

(Подробнее вопрос о субстантивации имен прилагательных в
монгольском языке см. /53, с. 105–110/).

Местоимения

1. Личные местоимения: *bi* 'я', *bide* 'мы', *či*
'ты', *ta* 'вы'.

Особый интерес представляет местоимение 1-го л. мн. ч.

bide, состоящее из *bi* 'я' и морфемы =de, о происхождении и этимологии которой среди монголоведов нет единого мнения. Так, Г.Д. Санжеев считает, что данные современного монгольского языкоznания пока не дают точной опоры для того или иного решения затронутой проблемы [74, с. 148]. Иного мнения придерживается Ц.Б. Цыдендамбаев, который, развивая выдвинутую еще О.Бётлингом гипотезу об образовании местоимения 1-го л. мн. ч. путем слияния его формы единственного числа с местоимением 2-го л. ед.ч., приходит к выводу, что монгольское *bide* состоит из *bi*'я' + *ta*'вы' с переходом *t>d*, основанном на известном в монгольских языках чередовании *t/d*, *d/t* [98а, с. 15-22].

Аргументация в пользу данной гипотезы представляется убедительной, хотя некоторые сомнения, высказанные по этому поводу Г.Д. Санжеевым [74, с. 148], остаются в силе.

Личные местоимения, несмотря на строгий порядок членов предложения в монгольских языках, могут находиться в предложении как перед сказуемым, так и после сказуемого, например: *Bi uriyangqan=p kümün bui kemeged...* [AT I, с. 10] 'Я - урянхаэц' (букв. 'урянхайский человек'); *Eriku kereg=i.yen olba bi* [AT I, с. 60] 'То, что искал, нашел я'; *Bide ende buu bəxuu=a* [AT I, с. 66] 'Мы здесь не остановимся'; *Ösil=iyen ker ösikü bide* [AT I, с. 55] 'Как исполним мы свою месть?'; *Či uayun kümün kemebešü* [AT I, с. 10] 'Ты что за человек?..'; *Tıxar=un yurban arad=i uqabai či* [AT I, с. 22] 'Ты понял [намерение] тех недавних трех людей?'; *Ta namayi jakırču jandažu...* [AT I, с. 98] 'Вы браните меня, распоряжаясь мною...'; *Budang=tu ayula=yi abalam ta. Buju saju alam ta* [AT I, с. 24] 'В покрытых туманом горах охотитесь вы, оленей-изюбрей убиваете вы'.

Эти местоимения являются общими почти для всех монгольских языков и диалектов. Что же касается местоимения 3 л., то до недавнего времени считалось, что в монгольских языках оно отсутствует, сохранившись лишь в формах родительного падежа, употребляемых в качестве лично-притяжательных частиц [74, с. 15].

Г.И.Рамстедт отмечал, что "местоимение третьего лица (им. п. 1, основа *in=*) как самостоятельно воспринимаемое склоняемое слово сохранилось только в маньчжурском языке" [69, с. 69; 60, с. 30].

Материалы по мало исследованным ранее языкам свидетельствуют о наличии местоимения 3-го л. в ряде монгольских языков, причем в дагурском в формах *in* 'он', *an* 'они', имеющих полную падежную парадигму [92, с. 45].

В старописьменном монгольском языке кроме широко используемых форм родительного падежа *inu*, али зарегистрированы некоторые другие падежные формы: вин. *imaji*, дат.-местн. *imada*, *imadur*, орудн. *imaar* [69, с. 69].

В китайско-монгольской надписи 1335 г. отмечена форма *imaluy=a* [111, с. 72] - соединительный падеж от основы косвенного падежа *ima=*. В надписи 1338 г. встречается форма *imadača* - двойной дательно-местный с исходным падежом той же основы [112, с. 55].

В "Алтан тобчи" сохранились только формы родительного падежа *inu*, али (реже *ni*) как орфографические варианты одной и той же притяжательной частицы 3-го л. со значением 'её', 'его', 'их'. Употребление *inu* или *ani* имеет случайный характер, т.е. не зависит от сингармонического ряда предшествующего слова или его числа, хотя в количественном отношении чаще используется *inu*, например: *Ayuski=tu Jüyil=tü arasun inu abči ylvania bügüde miqan=i* али *Dobu=mərgen=e ögbe* [AT I, с. 10] 'Себе взял легкие, голову с сердцем и кожу [его]', а все остальное мясо [его] отдал Добу-мэргэну'; *Bi kedüi=yi inu abqu bui. Či kedüi=yi anu abçamat kemebešü* [AT I, с. 46] 'Сколько из них возьму я? Сколько из них возьмешь ты?'; ...*em=e=yi ni qafan bey=e=degen abuba* [AT II, с. 131] '...же-ну его хаган взял себе'.

Эти притяжательные формы местоимений можно встретить только в постпозиции, тогда как в XIУ в. али еще употреблялось и в пре-позиции, как и всякое другое личное местоимение, например: *ani ordu=dur* 'в их дворце', *anu ordur dotur=a* 'внутри их дворца', *ani balayasun=u yadana* 'за пределами их города' [112, с. 53-54].

Иногда *ani*(*inu*) утрачивает свое значение соотнесенности с 3-м л. и употребляется лишь для выделения того или иного члена предложения, например: *Söni qonju tanaqarsı anu Jüvibasi Dei Beben ögülerün...* [AT I, с. 30] 'Есугэй' переночевал, а когда наутро стал сватать, Дэй Сэчэн сказал...'

Эксклюзивное местоимение *ba* 'мы' в "Алтан тобчи" уже не встречается, но от его косвенной основы *man* образуется ряд падежных форм: вин. *man=i*, род. *man=u*, мест. *man=a*, дат.-местн. *man=dur*. Примеры: *Edüge man=i tarqayuluyad eke degüü ner=iyen erir od kemen* [AT I, с. 41] 'Теперь, когда мы разойдемся, отправляйся искать свою мать и младших братьев'; *Yesügei bayatur, Nekün bayisi qoyer=i ügei=yin tula eyin=kü askiyadagu man=u uayun kemeqed yeke dayun uylađuqui* [AT I, с. 77] 'Не потому ли меня и бьют так, что нет в живых ни Есугэй-багатура, ни Нэкун-тайши,- сказал и

Таблица 1

Формы личных местоимений в "Алтан тобчи"

Местоимения Падежи	bi 'я'	či 'ты'	* i 'он'	bide 'мы' (ин- клозивное)	ba'my' (эк- клозивное)	ta 'вы'	* a 'они'
Родительный	minuu-n	čimuu-n	inu-n	biden=a	man=a	tan=a	
Винительный	namey-i	čimay-i		biden=i	man=i	tan=i	
Местный					man=a	tan=a	
Дательно- местный	nada nama=dur	čima=dur čima=da		biden=dur	man=dur	tan=dur	
Исходный	nadača	čimača		biden=eče			
Орудный							
Совместный							
Соединительный				biden=luγ=a			

Примечание. 1. Любопытные данные о косвенной основе личного местоимения 1 л. приводит Ц.Дамдинсүрэн. В одной из рукописей, оказавшейся переводом с тибетского известного сочинения "Море приятъ", наряду с формами minu, namau, nadadur, nima=aca падежи, nada=aca, nama=luγa зафиксированы формы: minu, nimau, nima=dur, nima=aca nima=luγa. Это дает основание предполагать, что в древности во всех косвенных основах личных местоимений в единственном числе был гласный i, а во множественном — гласный a. Что же касается возникновения формы namau и др., то, по мнению Ц.Дамдинсүрэна, она либо обозначала в древности местоимение 1-го л. мн. ч., либо namau образовалось из nimau вследствие перелома гласного i /29, с. 29-36/.

громко зашлакал'; Qorižin qatun Qojučin qatun qoyar man-a ūlū terigülen ker tüsürüy kemen /AT I, 77/ 'Хориджин-хатун и Хогучин-хатун сказали: "Как ты смел начинать не с нас (букв. не начиная для нас)"; Edür buri man=dur irejü nufusun=ečegeñ öögü ümdayan uuju odumu /AT I, 14/ 'Каждый день заходит к нам, отдает часть уток, пьет кумыс и уходит'.

Личные местоимения изменяются по падежам. Формы личных местоимений, встречающихся в "Алтан тобчи", см. в табл. 1.

2. Указательные местоимения: e-ne 'этот', tere ' тот', ede 'эти', tede 'те'.

Структура и значение этих местоимений описаны довольно подробно, хотя объяснения порой расходятся. Так, Г.И.Рамстедт, считая указательные местоимения наиболее древними в силу их широкого распространения, членит их по составу на e-ne, tere-ne, где -ne относил к дейктическому элементу, встречающемуся и в других языках, например, в гольдском eje наряду с ej, teje наряду с tej /69, с. 74/.

Г.Д. Санжеев предлагает иное членение, а именно: e-ne 'этот', te=re ' тот' для единственного числа, e=de 'эти', te=de 'те' для множественного числа, исходя из того, что форма множественного числа образовалась здесь с таким же элементом =de, как и инклозивное личное местоимение 1-го л. bi=de~bi=da 'мы' при bi 'я' /74, с. 153/.

Кроме того, Г.Д. Санжеев членит основу косвенных падежей egün на e=gün=, полагая, "что некогда в монгольских языках и диалектах первоначально образовались два падежа: прямой с показателем =ne~=na... и косвенный с показателем =gun, на основе которого (косвенного падежа) образовались после все падежи, кроме именительного" /74, с. 154/. Остается неясным, что же собой представляет элемент =gün, каково его происхождение и назначение.

Новые данные по ранее не исследованным монгольским языкам дали возможность Б.Х.Тодаевой сделать интересные наблюдения об употреблении этого местоимения. Материалы бараньского, дагурского и дунсянского языков свидетельствуют, что местоимение e-ne первоначально использовалось только как указательное местоимение единственного числа и поэтому все косвенные падежи в этих языках сохраняют его без всякого изменения в качестве своей основы. Как считает Б.Х.Тодаева, это стало возможным благодаря наличию в этих языках личного местоимения 3-го л., присутствие которого "не требовало прибавления дополнительного элемента =gün в роли усилителя, уточнителя форм 3-го лица" /92, с. 51-52/.

Можно допустить, следовательно, что элемент =güm появился в тех языках, в которых уже исчезло местоимение 3-го л. в качестве усиливателя, уточнителя значения указательного местоимения еле, лишенного значения лица. Ведь еле, будучи в форме именительного падежа, как правило, определяет какой-либо предмет или живое существо, т.е. за ним всегда следует определяемое слово: еле күмүн 'этот человек', еле пом 'эта книга', еле пом=dur 'в этой книге', еле күмүн=i 'этого человека'. А для того чтобы придать этому местоимению конкретность, определенность, соотнесенность с лицом, потребовался дополнительный указатель лица, роль которого и взял на себя элемент =güm. Таким образом, указательные по происхождению местоимения еле и тере в косвенных падежах приобретают основы со значением лица egün=, tegün=, например: Egün=ü ilede üsüben samalju... /АТ II, с. 132/ 'Около него волосы свои расчесывая...'; Tegün=ü köbegün Buyan=tu qayan /АТ I, с. 27/ 'Его сын Баянту-хаган'; Qad=un iʃayur anu tegün=eče bolbai /АТ I, с. 27/ 'От него произошел род ханов'; Tegün=lüge tusiyaysan blam=a inu saske=yin Gündge Basningbo bölüge /АТ I, с. 27/ 'Встретившийся с ним лама был сакьянский Гунгэ Нинбо'.

Каково же происхождение форманта =güm? Оставляя этот вопрос открытым, Г.Д. Санжэев тем не менее отмечает, что в ряде ранних монгольских диалектов посредством этого элемента или суффикса производилась какая-то субстантивация ранних местоимений (?) е=, те= и ja=, в результате чего и получились егүн, тегүн и јагун /74, с. 155/.

Б.Х. Тодаева высказывает предположение, что элемент gün восходит "к некоему местоименно-субстантивному слову со значением 'сам', 'человек', превратившемуся впоследствии в формально-грамматическую морфему" /92, с. 53/. Это предположение представляется реальным с точки зрения семантики и употребления основ egün= и tegün=. В этой связи любопытно данное в сноске примечание Б.Х. Тодаевой о том, что у калмыцких женщин существовал обычай, по которому запрещалось произносить имя мужа, и они называли его словом бий (beye 'человек', 'тело', 'сам'), кун (kümün 'человек') /92, с. 53/.

Нам кажется правомерным допущение, что элемент =güm восходит к kün<kümün 'человек': e<(ene) + kümün>küm//gün= egün>совр. уун=; te<(tere) + kümün>küm//gün=tegün>совр. туун=. О том, что этот элемент восходит к слову, обозначавшему одушевленный предмет (лицо), могут, пожалуй, свидетельствовать и случаи иногда необязательного употребления косвенной основы местоимения перед

послелогом, когда речь идет о неодушевленном предмете, ср. совр. монг. энэ тухай (ун) 'об этом' вместо /t/уний тухай 'об этом', 'о нем'.

Множественное число местоимений еле и тере: ede~eden 'эти' tede~teden 'те', употребляется также в формах edege, tedege без какого-либо изменения в значении, ср. tede čerig=üd /АТ I, с. 51/ 'те солдаты' и tedege irgen /АТ I, с. 27/ 'те люди'.

Прибавляемый к основе суффикс =jar/~ger имеет, по мнению В.Л. Котвича, то же происхождение, что и окончание творительного (в современной терминологии орудного) падежа, который "первоначально имел значение совместности (комитатива) и только с течением времени утратил это значение..." /41, с. 315/.

Г.И. Рамстедт видел в =ger формы множественного числа *mer *wer, к которым восходит возвратно-притяжательный суффикс =iyan/~ban=~gan=~yugan со значением 'сам', например, в словах edege 'эти сами', tedege 'те сами' /69, с. 73/.

По-видимому, здесь прав В.Л. Котвич, возводя =ger к орудному падежу. Это подтверждает и употребление таких местоимений, как bügüdeger и bultu=bar 'все', 'все целиком', 'полнотью', при bügüde и bultu 'все' (ср. в совр. яз. бугд=бугдээр, булт=бултаар). Кроме того, оба эти местоимения могут иметь притяжательную частицу =iyan~iyen, которая вряд ли присоединялась бы, если бы суффикс =ger был сам притяжательным по происхождению.

К указательным местоимениям относятся также eyimü 'такой' (как этот), teyimü 'такой' (как тот), например: ..merked=eče abuʃsan yosu eyimü buyu /АТ I, с. 60/ '... вот так забрали у маркитов'; ...teyimü nigen kümün teyimü moritu bölüge /АТ I, 14/ '... был такой человек с таким конем'.

В роли указательного местоимения встречается слово mön ' тот ', 'этот самый', например: ..mön səni böged öğüleʃü ilege-rün /АТ I, с. 60/ 'в ту же ночь отправил с вестью'. В.Л. Котвич называет mön определительным местоимением, которое выступает иногда в значении прилагательного (' тот самый ', ' выше упомянутый '), иногда - наречия (' действительно ', ' также '), а иногда и связки с оттенком подтверждения (' действительно есть ', ' именно ') /41, с. 172/.

3. Вопросительные местоимения: ken 'кто?', yayın 'что?', yambar 'какой?', ali 'какой? (всякий)', kedüi~kedün 'сколько?'. Примеры: Ken=ü yayın=u köbegün bui kemen /АТ I, с. 11/ 'Кого, чей сын?'; Yambar ele sayin=i üjeyü hemelüge bui /АТ I, с. 29/ букв. 'Какое же хорошее видел я?' ;

ali irđen kemēbesü ... /AT I, c.84/ 'Если говорить, какой народ ...'; ... *kedün nöküd* /AT II, c.140/ '... сколько товарищей?' Местоимение *ali* употребляется также в форме *ali=bar* со значением 'каждый', 'всякий', например: *ali=bar yusu=ban* /AT II, c.31/ 'всякий свой закон'.

В тексте довольно часто встречается препозиционное вопросительное слово *ker* со значением 'как?', 'каким образом?', например: *Činggis qayan... ögülerün, ker eyin kigden bölüge* /AT I, c. 78/ 'Чингис-хаган ... сказал: "Как это случилось (букв. было сделано)?"; *Bi čim=a-ača anggida morid ker abqui bölüge* /AT I, c. 46/ 'Без тебя как бы я поймал коней?'; *Qarangqul sōni ker olqu* /AT I, c. 41/ 'Как найти [его] темной ночью?'; *Tus qayan=iyan ker tebčijü bariju odqu bide kemejü...* /AT I, c. 148/ 'Как мы [можем] лишить жизни своего собственного хагана?', - сказали [они]...'.

В современном монгольском языке *ker* отсутствует и ему соответствует *kerkin* (хэрхэн) в том же значении. Однако в бурятском языке имеется вопросительное местоимение *хэр* 'какой?', 'каков?' /28, c. 144-145/.

4. Обобщительные местоимения указывают на совокупность лиц, предметов: *bügüde~bügüdeger* 'все', 'все полностью', *čom* 'все', *büri* 'каждый', *bükü~bükün* 'каждый', 'всякий', *qamuy* 'все', 'весь'. Примеры: ... *busu bügüde miqan=i anu Dobu=mergen=e ögbe* /AT I, c.10/ '... все остальное мясо отдал Добу-мэргэну'; *Qayan=ača ekilen čom bügüde kiyud yasutai* /AT II, c.90/ 'Начиная с хагана все были хигуды'; ... *gegen uqayatu čečed merged bügüdeger* ... /AT II, c.19/ '... все со светлым умом и мудрые ...'; ... *ösiy=a=tu kümün=i, edügen büri Jaruy=a* /AT II, c.175/ '... враждебных людей у каждой двери сделаем слугами'; *Altan Qučir Sečen beki bükün eyetüleldüjü Tömüčin = /e/ ögülerün* /AT I, c.70/ 'Алтан, Хучир и Сэчэн-бэки - все, посовещавшись, сказали Тэмучину ...'; *Tere nüke=ber qan orun=iyan gegejü qamuy ulus=iyan orkiju yarum gejü* ... /AT II, c.120/ 'Через это отверстие вышел, оставив свой ханский трон и бросив весь свой народ ...'.

5. Притяжательные местоимения: *yaayuqiqai* 'чей?', *kemükei* 'чей?', 'кого?', *teđünükei* 'его'; образованы от формы родительного падежа указательных и вопросительных местоимений с помощью суффикса *=qai=/kei*. Примеры: *Tede irgen Bodančar=i kemükei bui, yayanuqai bui kemen asaqu ügei* /AT I, c.14/

'Те люди не спрашивали Боданчара, кого и чей /сын/'; *Yayun kümün, či kemükei, bui kemen asayaba* /AT I, c.50/ 'Что за люди? Ты чья/будешь?/-спросили [они]'; *Ede köbegüd kemükei bolba. Ene Mayaliy Bayayudai kümün ger=ün däruy=a bölüge. Tegün=ükei bui J=a kemen* /AT I, c.11/ 'Это чьи сыновья? Хозяин этой юрты Магалик Баягульдай. Должно быть, его'.

6. Возвратные местоимения. По словам В.Л.Котвича, "из трудного положения, создавшегося в связи с отсутствием возвратных местоимений, монголы вышли, использовав особую частицу *ban/ben*, *yan/yen* (*iyan/iyen*), а иногда *yan/gen* (= 'an = 'en), которая присоединяется к концу слова" /41, c. 160/. Происхождение этой частицы связывается со словом *þeye* 'тело', 'человек', 'сам'.

Действительно, данная частица широко используется как в памятниках XIII-XIV вв., так и в позднейших, в том числе и в AT, со значением 'свой', например: *Aduyu=ban abuyad irejüküi* /AT I, c. 75/ 'Пригнал свой табун'; *Eyimü=yin tula qaračin=u noyad ulus=iyan abču Tayičing ulus=tu oruba* /AT II, c. 92/ 'Поэтому харчинские князья, взяяв свой народ, вошли в государство Тай-цзуна'.

Однако наряду с возвратно-притяжательной частицей употребляются и возвратные местоимения с основой *über=*, *öbesü=* 'сам', т.е. *über=ün*, *über=iyen*, *öbesüben*, например: *Über Jayuraban mayulaldujü...* /AT I, c. 67/ 'Сами между собой поссорились...'; *Über=ün amin=ača qayiran ügei* /AT II, c.20/ 'Ничего нет дороже [милее] своей жизни'; ...*über=iyen ber ideged qarčayai=yuwan ber tejiyeged...* /AT I, c. 13/ '...и сам ел, и ястреба своего кормил...'; *Boýda, Činggis qayan kilinglejü öbesüben morilan toyuribasu...* /AT II, c. 24/ 'Чингис-хаган разгневался и намеревался самолично отправиться...'; ...*öbesüben öklin=iyen üde=kü bolun...* /AT I, c. 21/ '...самолично провожал свою дочь...'; ...*kesig orur=un kesig=ün noyan über=tür=iyen kesiglegsen kesig=ten, bütügejü...* /AT I, c. 154/ 'Нойону отряда, вступившего на стражу, самому надлежит делать перекличку воинов очередной стражи'.

Как известно, в качестве возвратного местоимения в монгольских языках с давних пор употребляется слово *þeye* 'тело', 'человек' в значении 'сам', например: ...*þeye anu toyulaju oruju iretügei* /AT I, c. 156/ '... пусть входят, пересчитав себя (букв. тело их)'; *Bide beyes=iyen Činggis qayan=a küčün ögür=se irebe* /AT I, c. 111/ 'Мы сами (букв. своими телами) пришли отдать [свою] силу Чингис-хагану'; *Egün=ü ilede üsüben samalju beyeben mayajiqui=yi niyultai gebe* /AT II, c.132/ 'При нем грешно расчесывать свои волосы, почесывать себя (букв. свое тело)'.

Числительные

Числительные образуют особую группу имен, обозначающих названия абсолютных чисел, количества и порядка при исчислении предметов. В отличие от других имен числительные не имеют формы множественного числа, за исключением тех случаев, когда они исторически являются названиями племен; ср., например, ...dörben köbegün inu, ...qayaJu (orkiyad) negübe. Dörben otuqtan bolba. Dörben (dörbed)=ü efüges teken bölige /AT I, c. 97/ 'Четыре сына его ...отделились. Образовался род дэрбэн (букв. четырех). Это и были предки дэрбэнов (дэрбэтов)'.

К формам множественного числа относятся также племенные названия mingyad 'мингаты', tümed 'туметы' соответственно от mingyan 'тысяча', tümen 'десять тысяч'.

По морфологическому оформлению и значению числительные делятся на несколько разрядов.

1. Количествоные числительные противопоставляются другим отсутствием словообразовательных аффиксов и тем, что от их основ образуются при помощи суффиксов все прочие разряды числительных.

Количествоные числительные первого десятка: nigen 'один', qoyar 'два', yurban 'три', dörben 'четыре', tabun 'пять', Jiruyan 'шесть', doluyan 'семь', naiman 'восемь', yisüm 'девять', arban 'десять'.

Десятки, сотни и тысячи обозначаются следующим образом: arban 'десять', qorin 'двадцать', Juciin 'тридцать', döčin 'сорок', tabin 'пятьдесят', Jiran 'шестьдесят', dalan 'семьдесят', nayan 'восемьдесят', yeren 'девяносто', Jayip 'сто', mingyan 'тысяча', tümen 'десять тысяч'.

Числительные II-19, 2I-29, 3I-39, 4I-49 и т.д. сложные. Они образуются сочетанием названия десятков и соответствующих единиц: arban nigen 'одиннадцать', qorin tabun 'двадцать пять', Juciin doluyan 'тридцать семь', döčin dörben 'сорок четыре', tabin qoyar 'пятьдесят два' и т.д.

Этот разряд числительных употребляется в качестве:

1) количественного определения: ...ede yurban köbegüd=i törübei /AT I, c. 11/ '... родила этих трех сыновей'; ...döčin dörben nasun=dur=iyan tngri bolba /AT II, c. 176/ '...в сорок четыре года скончался';

2) обобщающего слова после перечисления однородных членов, главным образом имен собственных, реже нарицательных: Duw-a

soqur, Dobu mergri qojar bölige /AT I, c. 77/ 'Были Дува-сохор и Добу-мэргэн' (букв. 'Дува-сохор Добу-мэргэн два'); ...Küçü, Kökeçü, Jongqur, Qorqasad dörben-i tüsibe /ogbe/ /AT II, c. 27/ '... отдал четырех: Кучу, Кокечу, Джонхура и Хорхасата'; Tere noyan ber ünen qadal qojar=i ilyaju Jasyalay-san=iyar /AT I, c. 27/ 'В результате того, что тот нойон различал правду и ложь';

3) компонента глагольного словосочетания: yurban qonugu 'проводить трое суток' (букв. 'три переносят'); Tömüçin siyui dotura yurban qonubasu... /AT I, c. 138/ 'Когда Тэмучин провел в роще трое суток...'.

Иногда конечный =n числительного yurban опускается, например: Basa yurba qonuba /AT I, c. 39/ 'Провел еще трое суток'.

2. Порядковые числительные отвечают на вопрос 'который?' и образуются с помощью суффикса =duyar/ =düger, присоединяемого к основе с утратой конечного =r в числительном qojar 'два' и =an в числительных Jiryuyan 'шесть', doluyan 'семь'; например: Jiryuduyar Üced ür=e ügei buyu /AT II, c. 190/ 'Шестой [сын] Учэд детей не имел'.

Числительные yurban 'три', dörben 'четыре', tabun 'пять' сохраняют в AT древние формы этих порядковых числительных yutayar, dötüger, tabtayar²⁰; например, ...yutayar edür čerig=iyen Jıfulyaju... /AT I, c. 87/ '... на третий день собрал свои войска...'; yutayar edür tayıxjud irejü /AT I, c. 42/ 'На третий день пришли тайчигуды'; Dötüger Bingdu ür=e ügei /AT II, c. 190/ 'Четвертый [сын] Бингду детей не имел'; Tabtayar Otqun Șögür=ün köbegün Buyan aqai /AT II, c. 190/ 'У пятого [сына] Отгон-чохура сын Буян-ахай'.

3. Разделительные числительные отвечают на вопрос "по сколько?" и образуются посредством суффикса =yad/=ged: tabuyad 'по пять', arbayad 'по десять', qoriyad 'по двадцать' и т.д.; например: Basa Jici tabuyad mösün qamtu çuylaJu ögbesü ese quylbai /AT I, c. 11/ 'И когда снова дала [им] по пять собранных вместе прутьев, [они] не сломали'; čerig=ün kümün toluyai=yin arbayad yal sitayaytun gejü Jarlaju sitayalyaba /AT II, c. 138/ 'Распорядился, чтобы каждый воин зажег по десять огней (т.е. костров) и по приказу зажги [огни]'; ... qoriyad büküli čayan, sira, ulayan, noyuan toryan ... örgüjü

²⁰ В текстах XIУ в. эти числительные употреблялись в формах yutayar, tabtayar /110, c. 65-66; 111, c. 74-75; 112, c. 54/.

mörgübei /AT I, c. 183/ '... преподнес по двадцать целых/кусков/ белого, желтого, красного, зеленого шелка'.

От числительного *nigen* 'один' разделительное числительное имеет форму *niʃeged* 'по одному', например: Tömüčin-i ayil tutum=dur =iyan niʃeged qonuylju, bıdüğülüm/kesüm/ yabuqui dur... /AT I, c. 39/ 'Чтобы/ в каждом аиле Тэмучин ночевал по одному разу и просил милостыню скитаясь...'; ...niʃeged mösün=i bariyulju... /AT I, c. II/ '...дала по одному прутику...'.

От числительного *qoayag* 'два' разделительная форма будет *qosiyad*-*qosiyad* вместо ожидаемой *qoayad*.

4. Собирательные числительные отвечают на вопрос "сколько вместе?" и образуются, как правило, от единиц первого десятка при помощи суффикса =yula/-güle; например: Nigen edür aq=a degü qoayula görügeled Burqan Qaldun=a degere yarbasu /AT I, c. 8/ 'Однажды старший и младший (братья) охотились вдвоем и взобрались на Бурхан Халдун'; Tömöčin, Qasar, Belgütei yurbayula kereyid=ün Ong qayän=dur Tuyulan mören=ü qara tün=e /Siyui/ bükü=dür odču ögülerün ... /AT I, c. 53/ 'Тэмучин, Хасар и Бэлгутэй отправились втроем в темный бор на реке Тугула (Тола) к керейтскому Онг-хагану и сказали...'; Tede dörbegüle qosiyulaJu ükübei /AT I, c. 178/ 'Те четверо командовали /отрядами/ и погибли'; Ta tabuyula ey=e öber=e=ten bolbasu tujar=un jača mösün metü kildar ilaydaqun ta /AT I, c. 12/ 'Если вы впятером будете /выступать/ каждый за себя, то будете легко сломлены /всяким/, как одна та самая хворостина'; Biyin aq=a degüü yisügüle aysan ajuu /AT I, c. 150/ 'Бугун с братьями были вдвоеятром'.

Числительные с суффиксом =ta/te отвечают на вопрос "сколько раз?": yurban=ta 'трижды', 'три раза', yisün=te 'девять раз', 'девятикратно'; например: yurban=ta amuju uuju qayan ögülerün /AT I, c. 92/ 'Трижды отпив, хаган сказал'; Qaldun=a jüg yisün=tə söküdju öčin sačuli sačuba /AT I, c. 53/ 'Девятикратно поклонился в сторону /горы/ Халдун и побрызгал во все стороны'.

Впрочем этот разряд числительных можно рассматривать и в виде наречий, соотносительных с числительными, например: ni-gen=te 'уже', 'однажды': ...amin minu nigen=te abču yarulujači /AT I, c. 93/ 'Ты уже /однажды/ спас мне жизнь'.

ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ

Повелительно-желательные формы

Повелительно-желательные формы глагола выражают приказание, просьбу, пожелание, обращение к какому-либо лицу, а также намерение, призыв самого лица (лиц) совершить действие. Все эти формы являются финитными глагольными формами и синтаксически функционируют как сказуемые законченного предложения. Обшим для них является то, что они имеют одну и ту же свойственную только им запретительную препозиционную частицу, которая становится перед соответствующей глагольной формой, когда нужно выразить запрещение. В языке "Алтан тобчи" такой частицей является үни 'не'.

Большинство повелительно-желательных форм соотносится с определенным лицом. Различие между формами состоит в степени настойчивости, категоричности приказания и обязательности выполнения действия соответствующим лицом.

Повелительная форма 2-го лица

Эта форма обозначает прямое, настойчивое и категорическое приказание субъекту, обозначененному 2-м лицом обоих чисел¹, совершить действие. Морфологического показателя она не имеет, т.е. совпадает с основой глагола: či teyin=kü kebte, bi ülü jiyaJu ögkü kemen nögčibe /onggergülbe/ /AT I, c. 40/ 'Ты так и лежи, я не выдам тебя, - сказал /он/ и уехал'; ...j=a, edüge či nada mörgü /AT I, c. 176/ '...ну, теперь ты поклонись мне'; Tömüčin Jamuq=a=dur Qasar, Belgütei qoyar=i ileger=ün, Jamuq=a anda=dur kürčü ögüle kemen ögüleJu ileger=ün ... /AT I, c. 54/ 'Тэмучин послал к Джамухе Хасара и Бэлгутэй, сказав им: "/Вы,

¹ Некоторые исследователи определяют эту форму как форму 2 л. ед. ч. /16, c. 130; 129, c. 157/. Однако примеры свидетельствуют, что и в "Сокровенном сказании" и в "Алтан тобчи" она используется и для 2-го л. мн. ч.

приехав к побратиму Джамухе, скажите *[ему]* (букв. достигнув, скажите)..."; *Tayičiŋ ud daγudaŋu ögüler=üm aq=a-uγan Tömöčin=i ilege* /АТ I, с. 38/ 'Тогда тайчигуды стали кричать: "Выдайте [попшите] своего старшего брата Тэмучина!"' Эта же форма встречается с отрицательной частицей: *Namayi ǖje=lüge kemen kümün=še buu ögüle* /АТ I, с. 41/ 'Что видел меня, никому не говори!'

Повелительно-наставительная форма 2-го лица

Эта форма образуется путем присоединения суффикса *=yarai/ =gerei*. Считается, что она появилась в классическом языке под влиянием устной речи [74, с. 98, 172]. Эта форма широко распространена в современном монгольском и бурятском языках, но в классическом языке она употреблялась редко, особенно в его ранний период, о чем может свидетельствовать и текст "Алтан тобчи", в котором она встретилась всего один раз.

Эта форма обозначает более вежливый характер действия по сравнению с повелительной формой 2 л., например: *Ene üge=yi minu qudal geju sanaqu boluysan čimadur tursiŋul elči ilegekü bui medegerei gebe* /АТ II, с. 154/ 'К тебе, посчитавшему эти слова мои ложью, [хан] отправляет разведчика-гонца, знай [это]!'.

Повелительная форма 2-го лица множественного числа

Эта форма образуется путем прибавления к глагольной основе суффикса *=dqun/-dkün* и передает обращение, призыв совершиТЬ действие, причем обращение или призыв имеют различную степень категоричности – от требования безоговорочно совершиТЬ действие до более вежливой просьбы. Если в языке более раннего периода эта форма выражала преимущественно категорическое приказание совершиТЬ действие [77, с. 173], то в тексте "Алтан тобчи" встречаются примеры со значением как категорического приказания, так и обращения-просьбы: ...*degiyü=ner köbegüd uyačju ǖjedkün kemebə* /АТ I, с. 51/ '...сойдите-ка, младшие сыны, да посмотрите!'; *uyačja Belgütei=yi minu buu tebčidkün* /АТ I, с. 37/ 'Только Балгутэя моего не лишайте жизни [не губите]!'; ...*qoyar jałayus bui ta nöküčeldüdkün mön qoyina buu tebčileldüdkün kemebə* /АТ I, с. 47/ '...вы оба молоды, дружите же и впредь никогда не покидайте [друг друга]!'

В единичных случаях эта форма выражает намерение или приглашение от первого лица совершиТЬ действие: *Ede ekes köbegüd=i nutuŋ=tur gegejü negüdkün, buu böged abču yabudqun kemen* /АТ I,

с. 337 'Эту мать с сыновьями оставим в кочевье и откочуем, уйдем и не возьмем [с собой]'.

Форма *=dqun* заинтересовала исследователей своей структурой, которая до сих пор остается не совсем ясной. Дело в том, что в более позднем классическом языке наряду с этой формой употреблялась аналогичная по значению форма *=ytun=/gtün*, впоследствии вытеснившая первую. Она встречается в "Алтан тобчи", но значительно реже, чем форма *=dqun=/dkün*. Примеры: *Bey=e inu quriyatala setkil=i inu quriyaŋtun* /АТ II, с. 46/ 'Овладевайте их душами, пока не овладеете их телами'; *Qaril bučal ügei yabučju qataγučjin setkigütün ta* /АТ II, с. 101-102/ 'Без колебаний живите и твердо (букв. закаляясь) мыслите!'; ...*nijeged mösün=i bariγučju köbegüd quγuluγtun kemen...* /АТ I, с. 11/ '...дала по одному прутику и сказала: «Сыновья, сломайте!»'.

Возникает вопрос, это одна или разные формы по происхождению? Г.Д. Санжеев высказывает предположение, что *=ytun* вряд ли могла возникнуть из *=dqun* путем метатезы [77, с. 102]; другие исследователи считают наличие этих форм результатом метатезы [130, с. 124].

Г.И. Рамстедт полагал, что древнемонгольское *=dqun* возникло из вторичной глагольной основы на *=tu= / =t=, a =χun* – окончание, употреблявшееся для множественного числа, тогда как для единственного числа могла быть форма *=dqui* [69, с. 90]. Н.Н. Поппо считает, что эта форма произошла от производной основы (пассива) на *=d= / =da* [123, с. 195]. Однако венгерский языковед Л.Бэшэ замечает, что в среднемонгольском пассив имел три алломорфа (*=Gda=*, *=da* и *tA=*) и что, следовательно, *=d* в *dkün* не мог быть выделен таким путем. Л.Бэшэ предлагает еще одно объяснение происхождения формы *=dkün*, а именно то, что в ней присутствует *=d* – показатель настоящего времени, свойственный древнемонгольскому языку, а *=ki* – показатель будущего времени во множественном числе [109, с. 257].

И все же, как бы ни были интересны предложенные объяснения, вопрос о морфологической структуре данной формы еще нуждается в дополнительном исследовании. Сам факт наличия разных точек зрения свидетельствует о ее сложности. Отметим также, что в "Алтан тобчи" наряду с *=dkün* встречается и форма *=dekün*, например: *Edüge Ünggür Boroqul qoyer morilačju yabučju olan kümün=še tügegdekün kemen Jarlıq bolba* /АТ I, с. 142/ 'Издал указ: "Теперь Унгур и Борохул распределяйте [пишу] во время походов, когда будет много людей". По-видимому, *=d= / =de* в *=dkün*, *=dekün*

все же нельзя возводить к глагольной форме на =d, которая рано исчезла из монгольского языка [41, с. 274].

Пропозитивная форма 1-го лица

Морфологическим показателем пропозитивной формы является суффикс =su/-sü. Эта весьма распространенная форма передает намерение, желание, готовность совершить действие. Как правило, она употребляется с 1-м лицом единственного, в редких случаях множественного числа, например: Ene köbegüm-iyen čimada ögsü [АТ I, с. 107] 'Отдам тебе этого своего мальчика'; Barayun jar činu bolju kükü ögsü kemen... [АТ II, с. 71] 'Стану правой рукой твоей, поддержу тебя... (букв. силу отдаю)'; Ene, sönü erte morilasü kemejükü [АТ I, с. 128] 'Этой ночью пораньше отправлюсь в поход'; Qatum Börte-i činu garıfulju abčü iresü bide [АТ I, с. 54] 'Мы вернем и отдадим тебе твою ханшу Бортэ'.

Наряду с su с тем же значением употребляется (хотя и не сколько реже) форма на =suŋai, =sügei; Dayi Sečen ögülerün: ökin-iyen ögsügei bi [АТ I, с. 307] 'Дай Сэчэн сказал: "Я отдаю свою dochь"'; Tegün=dür bi ayalasuyai kemen [АТ II, с. 84] 'Я отправляюсь на него походом'; Aduyin biden=ü turaqan bui. Aduyin-iyan tejegesügei kemen [АТ I, с. 127] 'Наш табун отошел, откормим свой табун!'; Bi...ötegüs yekes=lüge ulus-un üyle ögüleldesügei kemen... [АТ II, с. 56] 'Я же... побеседую со старшими о делах государства...' .

Повелительно-пригласительная форма 1-го лица

Эта форма употребляется в 1-м лице обоих чисел, обозначает намерение, желание совершить действие, а также призыв, приглашение к другим лицам совершить действие, в котором принимает участие и сам субъект, обозначенный в форме 1-го лица. Показателем этой формы является =y=a. Эта форма также очень часто встречается, но в отличие от предыдущей, которая употребляется преимущественно с 1-м лицом ед. ч., она встречается преимущественно в 1-м лице множественного числа²: Činggis qayan Ong qayan qoyar=tur morilay=a kemeldübei [АТ I, с. 88] 'Отправимся-ка мы в поход на Чингис-хагана и Онг-хагана'; Činggis qayan Ong qayan qoyar qatqulduy=a kemen [АТ I, с. 120] 'Чингис-хаган и Онг-хаган сказали: "Сразимся-ка" ; Qatum Börtegeljin=dur činu üjügülüy=ni [АТ II, с. 104] 'Ханше Бортэгэлжин твоей покажем'.

И гораздо реже она зафиксирована с 1-м лицом единственного числа, например: ...činu öngge gerel-i üjey=e gejü namayi ile-gabe [АТ II, с. 128] '...посмотрю-ка на твою красоту, - сказал [он], - меня [за этим] и прислали'; Eke-deče asayu=a kemen [АТ I, с. 66] 'Спроси-ка я у матушки', - сказал [я]'.

Повелительно-желательная форма 3-го лица

Эта форма выражает просьбу, приказание совершить действие субъекту, выраженному 3-м лицом обоих чисел. В качестве показателя выступает суффикс =tuŋai/-tügei; Toyoril qayan ečige üdter iretügei kemen [АТ I, с. 81] 'Сказал: "Пусть немедленно придет отец Тогорил-хаган"'; Altan bosuŋ=a-yi činu sakiju atuyai kemen [АТ I, с. 84] 'Пусть хранят твой священный порог!'; Jamuq=a degüü tendeče qoyar tümen bolju barayun jar bolun mori-latuyai [АТ I, с. 54] 'Младший брат Джамуха пусть выступит оттуда с двумя туменами, образуя правое крыло'; Ükübesü abasu Jayayun minu medetügei kemen Onan mören igituji odba [АТ I, с. 13] 'Пусть судьба решит умереть или живу быть', - сказал [он] и отправился вниз по реке Онон'.

Кроме того, этой формой выражается также приказ, повеление безотносительно к какому-либо лицу, например: Kebtegül oruqun-i buu idayatuzai kemen Jarlyy bolba [АТ I, с. 152] 'Издал указ: "Не запрещать [не задерживать] вступление в кэйтэгулы"'; Dotuna biden=ü dergede yabužu suralčasu kemejü irekün arad=i buu ityatuŋai kemebe [АТ I, с. 152] 'Не задерживать аратов, направляющихся к нам, которые хотят обучаться при нас во дворце'.

В одном случае обращение к 3-му лицу выражено формой на =ʃ, например: ...qaʃan=ača žinong asay genem gebe [АТ II, с. 136] '...пусть джинонг спросит у хагана', - сказал [он]. По имеющимся примерам нельзя проследить разницу в значении форм на =tuŋai и =ʃ, хотя, по мнению некоторых исследователей, этимологической связи между этими формами нет и в монгольских языках существует не одна повелительно-желательная форма 3-го лица с разными показателями, а разные формы [77, с. 106].

Если учесть различие в значении и употреблении этих форм в современном языке: первая употребляется только в призывах, воззваниях (БНМАУЛС мандтугай! 'Да здравствует МНР!'), вторая - в пожеланиях (Өвөл яваг бид бэлэн байна [үү] 'Пусть приходит зима, мы готовы'), то можно, пожалуй, говорить о двух формах 3-го лица.

² А.Бобровников описывает ее как форму 1-го л. ед.ч. [16, с. 339].

Пожелательная форма

Пожелательная форма употребляется со всеми тремя лицами и указывает на пожелание какому-либо лицу совершить действие, причем это пожелание может быть высказано без особой надежды на его осуществление. Эта форма образуется показателями =*yasai*/=*gəse*/=*gsei* и =*sai*/=*sei*/=*sa*/=*se*³, например: *Ejen ober=iyen medegesei* /АТ II, с. 95/ 'Хорошо бы государь сам узнал'; *Gegen yoke ſarliy=yan ögčü taryasai* /АТ II, с. 51/ 'Хорошо бы обнародовал свой светлый великий указ'; *Maži ču bolba köbčilejū medegsei gebe* /АТ I, с. 79/ 'Хотя и плох [лук], хорошо бы [вам] натянуть тетиву'; *Ger=te=kı ökid köbegüd=iyen siregülesei* /АТ II, с. 51/ 'Хорошо, если бы разбудили в юрте своих дочерей и сыновей'; *Tegün=i abasai kemen* /АТ II, с. 93/ 'Хорошо бы получить ее'; *Yekes=ün jerge=dür oruysan bolusa bi, yere üge kelese bi, sayid=un jerge=dür oruysan bolusa bi, sanaysan sanayaban kelese bi gejū bayiba* /АТ II, с. 67/ 'Войти бы мне в ряды знати, сказать бы мне простые слова, войти бы мне в ряды вельмож, сказать бы то, что в мыслях (свое задуманное)'.

Форма опасения

Эта форма образуется посредством суффикса =*yujai*/*gүүjai* и выражает предостережение или опасение, как бы не совершилось действие, которое является нежелательным: *Er=e=yi inu biden=ü čerig=üd urida alaqu boluwyjai* /АТ I, с. 94/ 'Как бы наши воины уже не убили ее мужа'; ...*nökür minu tulada či erüsdegüjei* /АТ I, с. 45/ '...друг, как бы ты не погиб из-за меня'; ...*aqu töru minu aldryj ujai...* *burin ulus minu samdurayjai* /АТ II, с. 64/ 'Как бы не стали подражать [тебе] многочисленные подданные'.

Иногда встречается раздельное написание компонентов суффикса =*yujai*, например: *Busu boluysan aq=a degün=degen ičirig boluwyjai* /АТ II, с. 33/ 'Как бы не было стыдно [тогда] старшим братьям и младшим за все это'. В качестве прототипа суффикса =*yujai*/*gүүjai* предполагается =*будж~*гүдж*, разложимый на два компонента: 1) **бу*=~**гү*=и 2) **дж*, причем последний, как считает Г.Д. Санжеев, в старописьменном монгольском, ойратском и совре-

³ Ср. =*cā~cā* в ойратском, =*cā* в монгольском, =*cā* в монгольском, =*cā* в дунсянском и баоаньском языках /77, с. 108/.

монном монгольском языках сопровождается усиливательной частицей *=*ai~*eiy=ā~ē* /77, с. 112/.

Некоторые ученые считают первый компонент =*jū*= суффикса =*yujai* вариантом показателя причастия будущего времени =*qu*/*kü*, а второй =*ja*, в свою очередь состоящий из двух компонентов =*ja* и =*i*, - эмфатической частицей со значением вероятности /109, с. 30-31/. Такое предположение, на наш взгляд, не лишено основания. Как уже отмечалось выше, все повелительно-желательные формы имеют одну общую запретительную частицу *buu* 'не'. Данная форма является исключением, так как при ней употребляется не *buu*, а *ülü* 'не', частица, предшествующая другим глагольным формам (см. раздел "Частицы"), в том числе и причастным, например: ...*qamuy ulus=i ülü medegüjei kemen* /АТ I, с. 27/ '... как бы [это] не осталось неизвестным всем народам'. Следовательно, =*jū* в =*yujai* вполне мог быть вариантом суффикса причастия будущего времени =*qu*/*kü*.

Частица отрицания при этой форме встречается весьма редко, в связи со значением, выражаемым данной формой. В таком случае получается конструкция, похожая на двойное отрицание "как бы не не узнали", т.е. не оказались не осведомленными.

Изъявительные глагольные формы

Формы настояще-будущего времени

Показателей настояще-будущего времени несколько, и все они, обладая общим значением непрошедшего времени, имеют некоторые отличия в своем значении и употреблении.

Форма на =*u*

Форма на =*u*/*ü*, отсутствующая в современном монгольском языке, но употреблявшаяся в памятниках монгольского языка XIII-XIV вв. /69, с. 98; 77, с. 119/, часто встречается в "Алтан тобчи". Ей присуще модальное значение достоверности, убежденности в совершении обозначенного в глагольной основе действия, поэтому ее, как правило, можно встретить в разного рода изречениях, поучениях, наставлениях, когда совершение действия в настоящем или будущем не подлежит сомнению. Такое значение этой формы подкрепляется и тем фактом, что после нее практически не употребляется частица сомнения =*a*, которая вполне возможна при других изъявительных формах (см. раздел "Частицы").

Действие, передаваемое этой глагольной формой, может относиться к так называемому расширенному настоящему времени, т.е. оно совершается не в данный момент, а присуще предмету или явлению как таковому; *Naran urjubasu sayin ba mayu=dur amidu ba ükügsen=dür tegsi qala=yun gegen=iyen kürge=yü* /АТ II, с. 357/ 'Когда солнце всходит, оно посылает одинаково теплый свет для хороших и плохих, живых и мертвых'; ...idegen-i tügegen čidaqu ba=jurči kümün, qaraçsan irgen-i ülü qoʃidayulu=yu Qurim dotura ülü dutayulu=yu. öber=iyen ber olju idegeyü /АТ II, с. 89/ '... повар, умеющий распределять кушанья, не заставляет ждать сбравшихся, не допускает на пиру недостатка в пище и сам бывает сыт'. Относится оно также и к будущему времени, особенно в предложениях с условными и временными деепричастными оборотами наставительно-поучительного характера: *Uqa=j-a ügei mayu kümün=iyan elči ýarubasu ulus=iyan ebdeyü* /АТ II, с. 66/ 'Если направить по словом неумного, плохого человека, /он/ погубит свое государство'; *Qan kümün qaraču kümün=ü aburi aburilabasu qamuy ulus=iyan aldayu* /АТ II, с. 327/ 'Если хан поведет себя как простолюдин, /он/ потеряет все свое государство' ;

В предложениях с прямой речью действие, которое передается глаголом в форме =уи, может быть будущим по отношению к моменту речи, хотя предложение в целом относится к прошедшему времени, значение которого передается формой заключительного сказуемого: *kübegüüd=tegen edür üjekü=yin nidun, sönü sonusqu=yin čiken bolgau=kem ger dotur=a tejiyebet* /АТ I, с. 85/ "Стану для сыновей глазами, чтобы видеть днем, и ушами, чтобы слышать ночью", - сказала /она/ и - воспитала /их/ в юрте'.

Иногда действие, передаваемое глаголам в форме =уи, относится к прошедшему времени, например: *Erte tere čay=tur ýambutüü=un kümün amu qubilju törgüü diyan=u idegen ideyü, öber=üm bey=e=eče gerel badarayu ridi qubilyan=iyar oytaryui=bar yavu=ci=üçü lasi ügei nasutu buyu* /АТ I, с. 17/ 'В те далекие времена люди переродились, /они/ питались пищей созерцания, излучали своим телами свет, благодаря чудесным превращениям ходили по небу годы их были бесконечны (букв. были непостижимого возраста)'. Однако такие случаи единичны. В целом же эта форма употребляется для обозначения действий настоящего расширенного и будущего времени, несомненность совершения которых очевидна.

Наряду с суффиксом =уи встречается (хотя и довольно редко) суффикс =и после гласного и, например: *bui, ayisui*, причем гласный и появляется с присоединением суффикса =уи к основам, оканчиваю-

щимся на согласные. Ср. примеры: *ide=yü, aburi=yu, bolga=yu, a=yu* и *dutayul=u=yu, ab=u=yu, qoʃidayul=u=yu*.

В более ранних текстах (например, в "Сокровенном сказании") можно встретить, кроме того, суффикс =ү после гласного, например: *ol=u=yi* (§ 55), а также суффиксы =и или и после согласного, например: *ayis=i* (§ 100), *ayis=u* (§ 92). Таким образом, выявлено четыре разновидности этого показателя: =уи и =үи после основ, оканчивающихся на гласный, или после соединительного гласного =и и =и и =и после основ на согласные. Все эти разновидности показателя употребляются в качестве финитных предикативных форм и =у= в них появляется только в положении между гласными. Поэтому можно предположить, что =у= это следствие хиатуса между двумя гласными, а сам глагольный суффикс представлен гласными и и =и /130, с. 139/. Возникает вопрос, однозначны ли формы на =и (=үи) и =и (=уи)? Б.Я. Владимиров считал окончание =и в словах типа *yabui, bui, ýarui* суффиксом бывшего причастия настоящего времени /23, с. 55/. Г.И. Рамстедт же полагал, что это суффикс отглагольных имен типа *bui, darui, murgi, ayisui*, не продуктивный в современном монгольском языке, но распространенный в корейском, тунгусских и тюркских языках /69, с. 96/. По его мнению, помимо отдельных слов такого рода в монгольском более древнего периода существовала, как продуктивная, еще одна форма настоящего или, скорее, настояще-будущего времени, окончанием которой являлось =и (=j) и =ju (=jü), например: *bolui, boluju становится*; *irejü* 'приходит'; *yavuji* 'идет' и т.д. /69, с. 98/.

И, по-видимому, Г.И.Рамстедт был прав. В отличие от глагольно-именных форм на =и изъявительная глагольная форма образовалась путем присоединения к основам на гласный глагольного суффикса =и (=i), или =уи (=үи) + у + и (=i), где =у= является следствием хиатуса между двумя гласными /ср. *ide=yü, bolga=yu*/. В тех же случаях, когда он следовал сразу после согласного основы, в качестве окончания оставалось =и (=i) (*ayis=u, ayis=i*).

Сохранившиеся с древних времен некоторые такие имена на =и, например: *ýarui* 'свыше' (*ýar=выходить*), *darui* 'немедленно' (*daru=давать*), *murgi* 'кривой' (*muri=идти в сторону*), *bayurai* 'слабый', 'бедный', 'разорившийся' (*bayura= снижаться*, 'приходить в упадок'), являются в современном языке наречиями и прилагательными. И только, пожалуй, одно слово *ayisui* от основы *ayis=* 'приближаться' (в современной орфографии айсуй) употребляется в качестве глагольно-именной финитной формы, обозначая действие, совершающееся в настоящий момент, например: *нэг машин айсуй* /Цэв.,

27] 'приближается машина'; Тэд айсий /МС, с. 287 'Они идут' (т.е. приближаются). В современном монгольском языке эта архаичная форма имеет узкую сферу употребления.

В языке же "Алтан тобчи" основа *ayis-* часто встречается в различных причастных и деепричастных формах, например: ...tere Tüngqi leg ḡoruqan igitu negüjü ayisuqui irgen=dü dotura... /АТ I, с. 87/ '...среди людей, приближающихся [сюда] вниз по реке Тунгилэк...' (*ayisuqui* форма причастия будущего времени на =qui в сочетании с деепричастием *negüjü* 'кочуя' выполняет функцию определения); Dayin /dayisin/ ayisuqui kemen kelen kürgen irebe /АТ I, с. 89/ 'Прибыл вестовой со словами: "Приближается враг" (та же форма в функции сказуемого); ...nigen bülüge negüjü ayisuqui=i Bodančar üjeyü... /АТ I, с. 147/ '...Боданчар увидел, что приближается группа людей...' (та же причастная форма в винительном падеже в функции сказуемого дополнительного причастного оборота); Činggis qaṣan Toγoril qaṣan qoyar... ayisuqui=dur... /АТ I, с. 81/ 'Когда Чингис-хаган и Тогорил-хаган... приблизились...' (та же форма в дательно-местном падеже в функции сказуемого временного причастного оборота); ...dörbüjü ayisuqun /iregsen/ irgen=dür... yabiuchi=dur... /АТ I, с. 59/ '...когда подъехал к бежавшим людям...' (*ayisuqun* - форма будущего причастия на =qun в функции определения); Tedüi atala Tünggelig ḡoruqan ögede nigen kümün ayisun irebesü Bodančar mōn ajuju /АТ I, с. 15/ 'Тем временем вверх по реке Тунгилэк приближался человек (букв. когда приближаясь подходил), это был Боданчар' (*ayisun* - форма слитного деепричастия, которая в сочетании с формой условного деепричастия образует деепричастный оборот с временным значением); Nigen yadangki kümün öçüken köbegün=iyen köteljü ayisun ajuju /АТ I, с. 10/ 'Приблизился один бедный человек, ведя за собой своего маленького сына' (*ayisun* - форма слитного деепричастия в сочетании с глагольной связкой *ajuju* в функции финитного сказуемого); Egüsgen ayisur=un Deyi Sečen Kerülen=ü Jol Ujuta=ača mariyan qalayun bolju Kerülen ögede qariba /АТ I, с. 47/ 'Сопровождая их, Дэй Сэчэн вернулся в верховья Кэрулэна, так как начиная от Джол-Угута на Кэрулэне была сильная жара' (*ayisur=un* - форма так называемого цитатного или приготовительного деепричастия). Встретилась еще одна форма *ayisulali*: Tarγutai=yi bariju ayisulali /АТ I, с. 111/ 'Прибыли, схватив Таргутая', где в написании глагольного окончания допущена, по всей видимости, ошибка: =lali вместо =laai< *layai~luyai* - изъявительная форма прошедшего времени (ср. в "Сокровенном сказании": *ayisula'a*).

Основа *ayis-* употреблялась и в залоговой форме, например: Jamuq=a Ong qaṣan=luy-a qamtu ayisulcan ajuju /АТ I, с. 130/ 'Оказалось, что приблизились Джамуха вместе с Онг-хаганом' (*ayisulcan* - форма слитного деепричастия от основы в совместном залоге).

Форма на =m

Форма на =m, отмеченная исследователями в памятниках монгольского языка XIII-XIV вв., часто употребляется и в "Алтан тобчи". В зависимости от контекста она обозначает действие, относящееся к настоящему или будущему времени. При этом действие настоящего времени - это чаще всего действие, совершающееся обычно, часто, регулярно; например: Adary=a=tu aṣula=yi abalam ta. Aryali uyljin=i alam ta /АТ I, с. 24/ 'В изрезанных складками горах охотитесь вы, самок и самцов архаров убиваете вы'; Cilayu=tu cöl=yi abalam ta. Čikitei Ūgeri=yi alam ta /АТ I, с. 24/ 'В каменистых пустынях охотитесь вы, куланов и дзеренов... убиваете вы'; Monγol-un Arujta tayisi öteljü ali ba čüile uṣyal metü sanaydam... Jebe=yin morin=iyan ger deger=e unum. Öcükən medekü kümün=i öürü=dür yabuṣulam. Üriy=e morin=i Jebelem. Bosqayul kümün=i öürü medegülüm /АТ II, с. 133-134/ 'Монгольский Аргуттай-тайши, оостарившись, ко всем делам стал равнодушен: босового коня для ближних поездок седляет, малознающих людей назначает вправление государством; на молодом коне в бой отправляется, перебежчикам власть доверяет'.

Форма на =m употребляется также и для обозначения действия настоящего времени, соотнесенного с моментом прошлого. Отнесенность к прошлому в этих случаях определяется контекстом и наличием глагола в форме прошедшего времени в ближайшем предложении. Такое употребление данной формы нередко встречается при описании событий нереального характера, например сновидений, благодаря чему события эти предстают перед читателем с большей образностью и наглядностью, как бы происходящими в настоящем, например: Ene jegüdün=dür minu boru ūrügen minu bol bol gebe... ūrurban köteri=yin čayadu sira dabsang deger=e ūrurban qara tuy=tai ūrurban ūayun dayisun ūolyam /АТ I, с. 97-98/ 'При этом сне бедное сердце мое тревожно билось... И встречаю я за тремя грядами холмов, на выложенном (букв. желтой) возвышенности триста врагов с тремя черными знаменами'.

В равной степени эта форма может передавать действия, отно-

сящиеся к будущему времени, что определяется контекстом и ситуацией, например: *Uyilaqu činu usun olan getülbé*. *Qayilabasu ülü sonusqu, qarabasu ülü üjegdem* /АТ I, с. 23/ ‘Оплакиваемый тобой многое вод переплыл. Если и заплачешь, не услышит, если и будешь глядеть, не увидит (букв. не будешь увидена)’; *Ene bey=e urid üküjü ülü üjem j=a bi* /АТ II, с. 156/ ‘Я раньше сама умру и не увижу ведь /этого’; *Qorin kümün=dür deyildem j=a bi. Qoyar kümün=dür ülü deyildekü, či uya=j=a bi yarsu gebe* /АТ II, с. 178/ ‘Меня ведь победят двадцать человек, двое не победят. Ты подожди, я выйду!’.

Со служебным глаголом *ge=* в форме соединительного деепричастия (*gejü*) форма на =*m* обозначает намерение действующего лица совершить действие; *Borulajsan Ebecei bi ülü ködelüm gejü uya=jü* /АТ II, с. 177/ ‘Я, поседевший Эбечей, не сдвинусь /с места/’, – сказал и слез /с коня/...’; *Tere öriben abum gejü eçiged...* /АТ II, с. 170/ ‘Он отправился взять (букв. сказал: возьму) свой долг...’.

С этим же служебным глаголом в форме предельного деепричастия (*getele*) форма на =*m* выражает намерение совершить действие, передаваемое по-русски словами ‘намеревался было’, ‘хотел было’: *Tendeče erkijü yarum getele Toğun tayisi=jin qabar aman=ača čisum yarču...* /АТ II, с. 146/ ‘Повернувшись, хотел было уже выйти оттуда, как из носа и изо рта Тогун-тайши пошла кровь’; ...*qan=u altan ordu=yi küriyem getele qayan medejü, yučin tümen mongyol=iyan orkiju uridu üjegsen nüke=ber qatud köbegüd=iyen abun od=um bölige* /АТ II, с. 121/ ‘...уже намеревались окружить ханский дворец, но хаган, узнав об этом, покинул тридцать тумено-своих монголов, бежал, захватив с собой своих жен и сыновей, через обнаруженную раньше дыру /в стене/’.

Форма на =*m* употребляется и с глаголами-связками прошедшего времени *aju=aju* и *böluge*. Со связкой *aju=aju* она обозначает действие настоящего времени, соотнесенное с прошлым, с модальным оттенком неожиданности, непредвиденности всего случившегося: *Tegüm=ü qoyina qayan üjegüdülbe. Olan čerig=tü dayisun bolju qota=i minu dabqurlan bayim aju. Tere dayisun=ača ayu=ju, qota dotura togoriju güyijü yabun atala yarqu cölöge ülü olum aju. Baraqun qoyisi güyijü yabutala nigen nüke üjegdem aju* /АТ II, с. 120/ ‘После того хагану приснилось: появляется /неожиданно/ большое вражеское войско и окружает город. Испугавшись врагов, гает /он/ по городу, но не находит выхода, чтобы уйти. Еще раз бежит /он/ к западной стене и /вдруг/ видит отверстие’.

Кроме того, сочетание =*m* + *aju* в предложениях с условными деепричастными оборотами (иногда в конструкциях с усиливательной частицей *ele*) передает действие, которое, в зависимости от условия деепричастного оборота, осуществляется (или не осуществляется) в будущем. При этом в значении такого действия выражена уверенность и категоричность. Подобное употребление этой формы особенно распространено в диалогах и речах назидательно-поучительного характера, например: *Qurča bolud moqubasu bileyü ügei ülü dayam aju*. *Qurdun külög eçibesü miq-a ügei ülü güyim aju* /АТ II, с. 58–59/ ‘Если острая сталь затупится, без оселка резать не будет. Если резвый конь утомится, то с тела спадет и не побежит’; *Boljiyal sayin ele tutum sayin bolum aju* /АТ II, с. 65/ ‘Если хорошо уговорить /исполнить/, то и будет все хорошо’.

Со связкой *böluge* форма на =*m* обозначает действие настоящего времени, соотнесенное с прошлым и передаваемое по-русски словом “бывало”: *Tegüber uqabasu temdeg inu tngri-yin köbegün bül j=a kemen sanam bölige bi* /АТ I, с. 12/ ‘Думаю, бывало, я: по виду, наверное, сын Неба’; ...*naran saran gilbaran. mandun yarqu cay=tur, sira noqai bolju silmalçıju yarçu odum bölige* /АТ I, с. 11–12/ ‘...перед рассветом (букв. когда солнце с луной сходится, т.е. луна закатилась, а солнце еще не взошло), превратившись в желтую собаку, поспешно выходит, бывало’; *Duwa soqor manglai dumda yajča nidutu bögetele, yurban negüri* /negüdel/ *yajara üjem bölige* /АТ I, с. 7/ ‘У Дува-сохора один глаз посреди лба, а видит, бывало, на расстоянии трех перекочевок’.

В некоторых, сравнительно редких случаях форма на =*m* указывает на действие, относящееся к прошедшему времени. Обычно это определяется сложившейся ситуацией и значением контекста, например: *Tere üge=dür mongyol=un kegük en egirčü uyilam. Adıjun=iyan qaskırču quriyam. Noqai inu uli ju qučam. Eyimü mayu iru=a inu Toğum Tayisi medejü Tngri=dür mörgüle* /АТ II, с. 133/ ‘При этих словах дети монголов залились плачем, криком собрали свои табуны, завывая лаяли собаки. Тогун-тайши, узнав о такой дурной примете, совершил поклонение Небу’; *Tere nüke=ber qan orun=iyan gegejü qamış ulus=iyan orkiju yarum gejü üjegüdülbe* /АТ II, с. 120/ ‘Приснилось, что он выбрался через ту лазейку, потеряв свой ханский трон и покинув весь свой народ’.

Форма на =*mi*

Форма на =*mi*/=*mü* употребляется для обозначения действия совершающегося повседневно, постоянно, часто, регулярно в течение ка-

кого-то отрезка времени, например: *Bařir buri man=dur irežü niyuzin=ačayan ögčü ösüg umdayan uju odumu. Söni may=a /manayur/ qamü=a qonumu* /AT I, c. 15/ 'Каждый день приходит к нам, отдает [часть] своих уток, пьет кумыс и уходит. Ноует, где придется'; *Aq=a nar degüü ner yakin teyin kildemü ta* /AT I, c. 36/ 'Старшие и младшие братья, почему вы так скоритесь?'; *Öröne umara=ača kei bolbasu tere qarčayai=yujsan bariyu ulujsan nojud jalayud=un ödüd buryalıy čisun metu butaraju keyisü iremü* /AT I, c. 15/ 'Если дует северо-западный ветер, тогда словно снег летают и сыплются перья пойманных тем ястребом уток и гусей'.

Она выражает также действие настоящего времени, относящееся к моменту речи, например: ...*nigen qarqu=dai /sekür/ tergen=ü ölüjigede /ködegei aral=dur/ sayujsan nigen ökin=ü ger=gerel/ endeče üjegdemü* /AT I, c. 8/ '...отсюда видна красота девушки, сидящей на передке крытой повозки'; *Yisügei quda qamü=a odumu či kemebeşü Yisügei ögülerün, ene köbegüm=degen naşači nar olqonud irgen=męče ökin yuyisu kemen irelüge bi kemebe* /AT I, c. 28-29/ 'Когда спросили: "Куда ты отправляешься, сват Есугэй?" - он отвечал: "Еду просить для своего сына девушку у родни по матери олхонутов". Эта же форма употребляется и для обозначения действия, которое осуществляется в будущем, например: *Ene köbegüm=iyen čimada ögsü, tere miqan=ačayan nada ögküü či* /AT I, c. 10/ 'Я отдам тебе своего мальчика, а ты дашь мне [кусок] из этого своего мяса'.

Форма на =mui

Форма на =mui/=müi, так же как и на =mi, указывает на действие настоящего времени, происходящее в момент речи; *Eke eke üdter bos bos, jařar delberimüi, töberige sonusdamui* /AT I, c. 49/ 'Матушка, матушка, скорей вставай, земля дрожит, слышится конский топот'; *Činggis qayan ögülerün, čisun anaju masi berke umdasumui bi kemebe* /AT I, c. 91/ 'Чингис-хаган сказал: "Кровь засохла, очень хочется пить"'; ...*jařar ködelümüi yaçın bolba gežü kelebe* /AT II, c. 167/ '...земля дрожит, что бы это случилось?'.

Кроме того, эта форма употребляется и для обозначения действия, настоящего расширенного или совершающегося повседневно, постоянно; *Qamü bügüde jirčar=un, ey=e eb=ben sayin=dur jirčamui ja* /AT II, c. 32/ 'При всеобщем блаженстве радуются согласию и миру'; *Ken=ü yaçın=u köbegüm bui kemen seremüi ja=a* /AT I, c. 11/ 'Подозреваете, наверное, чьи и кого /они/ сыновья?'.

В контексте форма на =mui обозначает и действие, которое произойдет в будущем; *Bořda ejen tere üge=yi inu sonusuyad, bolul=ügei öcükən köbegün yaçın ögülemüi či gebe* /AT II, c. 6-7/ 'Услышав те слова, святейший владыка сказал: "Что скажешь ты, ничтожный малыш /не достигший совершенства?"; *Sibayula abalan yabuqui=dur jobaldumui. Ordu ger qatayalalduju negükü=dür örög=tür ger tergen asaramui* /AT I, c. 159-160/ 'Когда отправимся на охоту и ловлю птиц, будем вместе испытывать лишения. Йэбтэгүль будет охранять дворцовые юрты во время кочевок, будут заботиться об очаге и повозках'.

Из трех рассмотренных форм /=m, =mi, =mui/ форма на =m признается в монголоведении исходной. Г.И. Рамстедт писал, что =mui является формой настоящего времени изъявительного наклонения и "представляет собой специфическую форму имени на =m с удлинением гласного, существовавшую еще в древнем языке и употреблявшуюся в тех случаях, когда имя выполняло в предложении функцию сказуемого" /69, c. 104/.

По наблюдениям Б.Х.Тодаевой бааньский и монгорский языки сохранили суффикс =m в первоначально "чистом" виде. Признавая общность происхождения вышеуказанных форм, Б.Х. Тодаева полагает, что в процессе развития они "дифференцировались": =mui продолжала функционировать как суффикс глаголов настоящего-будущего времени изъявительного наклонения в монгольском письменном и в языке памятников XIII-XIV вв., а =m стала употребляться как показатель глаголов будущего времени в монгорском и бааньском языках" /92, c. 84/.

Текст "Алтан тобчи" подтверждает, что все три формы употреблялись в классическом монгольском языке со значением как настоящего, так и будущего времени.

Форма на =m, в зависимости от контекста, могла выражать и действие, совершившееся в прошлом. Наблюдаются также употребление этой формы с глаголами-связками aju=aju и böläge для обозначения действия настоящего времени в плане прошедшего с модальным оттенком неожиданности, непредвиденности действия (=m+aju~aju) или со значением "бывало" (=m + böläge).

Следует отметить, что глаголы с окончанием на =m употребительны и в современном монгольском языке, причем значение их имеет модальный оттенок вероятности действия, например: хүрэм 'пожалуй, достигнет', түлэм 'пожалуй, обожжет' /26, c. 219/.

Форма на =nam

Кроме трех рассмотренных форм в "Алтан тобчи" употребляется еще одна форма настояще-будущего времени на =nam. По мнению одних ученых исследователей, она представляла собой глаголообразующий суффикс в разговорном языке ХУП-ХҮШ вв. /97, с.567/. По мнению других, она зарегистрирована в памятниках монгольского языка ранних периодов и встречается только в монгольском старописьменном языке /77, с. 123/.

Хотя =nam и признается всеми учеными составным суффиксом, но единого мнения о происхождении его компонентов нет. Большинство исследователей полагают, что =nam – это сочетание слитного деепричастия на =n со служебным глаголом ами<ами. (форма настояще-будущего времени изъявительного наклонения от ныне омертвелого глагола а= 'быть') /69, с. 105; 123, с. 205, 261; 130, с. 137/. Однако против такой точки зрения имеется возражение, суть которого состоит в том, что сочетание =n + ами "не имеет такого распространения, какое характерно для сочетания соединительного деепричастия со вспомогательными глаголами , и, кроме того, такого рода деепричастно-глагольные сочетания характеризуются определенными значениями, близкими к значениям русского несовершенного вида и отсутствующими в форме на =нам" /77, с. 124/.

Если говорить о форме слитного деепричастия со служебным глаголом ами, которая могла бы привести к сращению компонентов и образованию формы на =нам, то подобные случаи в тексте "Алтан тобчи" встречаются, например: Bi yadangqi kütüm bii nimi qodalduju yabun ami kemebei /АТ I, с. 79/ 'Я бедный человек, иду и продаю лук'; Jalqamsiy=tan tayičiyud ayisun ayy /ireni ами/. /АТ I, с. 49/ 'Приближаются опасные тайчигуды'; Eyiin yadaju yabun ami /АТ I, с. 10/ 'Вот так и мучаюсь (букв. так, не будучи в состоянии, иду)'.

По наблюдениям Б.Х.Тодаевой в диалекте хуцзу монгольского языка слитное деепричастие на =н сочетается с глаголами-связками а или i, в результате чего образуется глагольная форма на =na=/ni со значением настоящего времени /93, с. 111/.

Что же касается видового значения, то при сращении форм оно могло несколько и измениться; более того, сама форма на =нам не всегда передает значение только совершенного вида.

В "Алтан тобчи" форма на =nam употребляется для обозначения действия настоящего времени по отношению к моменту речи: Qourci ögüler=ün, qatun köbegün činu mendü bayinam /АТ II, с. 47-48/ 'Хурчи сказал: "Госпожа и сыновья твои здоровы /есть/"; Esen

tayisi ger=tegen iregsen=ü qoyina tayisi=yin eke inu olja ügei, mendülen bayinam geju kelebe, či yaγun=dur niyünam. Yele olja oljilaju. Dayiming Jingtei qayan-i bariba geju sonusba geju kelebe /АТ II, с. 148/ 'После возвращения Эсэн-тайши домой мать его сказала: „Вернулся без добычи и в полном здравии. Что же ты окрываешь? Я слышала ты захватил большую добычу и пленил дайминского Джингтэй-хагана". Встречается эта форма также и при обозначении действия, которое произойдет в будущем, например: Namayı qatun bolγaba či, köbegün=i minu Toγun=i kütüm=dü yakıl ḡoruyulnam či /АТ II, с. 133/ 'Ты сделал меня госпожой, как же ты велишь отдать в услужение людям сына моего Тогуна?'; Yosutu eγen mön=ü tula ese mörgübesü dayisuldanam bi siruyun üge=ber dongyudbai /АТ II, с. 176/ "Так как /он/ законный государь, то если не поклонишься, я буду враждовать /с тобой/"; – сказал он сурово'.

Форма на =nam употребляется и в современном языке, но исключительно в книжном /26, с. 219/, например: Bidnii təmčal Chiongšan uul šig bat bəx gəz Vyetnamchuud cətgal duurən eγuulnəm /узу/ 'Наша борьба крепка как горы Чионг шан, – спокойно говорят вьетнамцы'; Эрдэмтэн мэргэдийн энэ хүч чармайтын ур дун олон зуун жил тайллагаагүй байгаа асуудалд үнэн бодит хариулт өгнө гэдэгт бат итгэнэм /узу/ 'Твердо верим, что результаты усилий ученых дадут правильный ответ на этот еще не разгаданный за столетия вопрос'.

Формы прошедшего времени

В старописьменном монгольском языке существуют три формы прошедшего времени, и все они встречаются в "Алтан тобчи".

Форма на =ba/=bai

Форма на =ba/=bai (перфектный претерит) – одна из самых распространенных форм в языке данного памятника. Она часто встречается во всех других монгольских языках /77, с. 129/. Эта форма употребляется для обозначения действия, совершившегося сравнительно недавно по отношению к моменту речи, а также действия, совершившегося в прошлом, в связи с чем и называется иногда формой настояще-прошедшего времени /77, с. 129/. Приведем некоторые примеры: Yesügei bayatur qariju ireküi ḡayura ḡegber Sira kegere tatar irgen=dur umdayasur=un, qurim=dur inu bayubasu tende erte dayisun ajuγu, Yisügei keved /östen/ irebe kemen... qour=a goliju ögjeküi /АТ I, с. 31/ 'Когда Есугэй-

багатур возвращался обратно, он остановился в степи Чэгчэр-Шара у татар, чтобы утолить жажду. Там были /его/ старые враги. "Прибыл ненавистный Есугэй", - сказали они, - и, подмешав яду, дали /напиться/. В целом описываемые здесь события относятся к отдаленному от момента повествования времени и отрывок заканчивается глагольной формой на =jükü, употребляемой для описания событий, имевших место в прошлом. Однако в данном отрывке текста в предложении: *Yisügei keved /östen/ irebe* 'Прибыл ненавистный Есугэй' форма на =ba/=be обозначает только что совершившееся действие. Оно произошло в присутствии действующих лиц, которые и сообщают о нем, как об уже совершившемся.

В другом отрывке, в котором представлен рассказ самого действующего лица, форма на =ba употребляется наряду с другими формами прошедшего времени, причем каждая из них указывает на определенную последовательность событий: *Bi köbegün=iyen Tömučin=i kürged=te talbiju qariju ayisuqui=dur /ireküi/ jaýura tatar irgen qurimlan ajuju, umdayasur=un bayuluy=a bi ösiyelegdebe, dotura minu maýui bui* [АТ I, с. 31] 'Я отвез сына своего Тэмучина в зятья и возвращался обратно, по пути, /оказалось/, пировали татары. Я остановился, чтобы утолить жажду. И вот мне отомстили (букв. я был отомщен), внутри у меня болит /плохо/. Вернувшись домой, Есугэй рассказывает о том, что на пути домой ему повстречалась группа пировавших татар: здесь использовано сочетание слитного деепричастия *qurimlan* и глагола-связки *ajuju*, обозначающей действие, имевшее место в прошлом с долей некоторой неожиданности (оказывается, уже пировали). Есугэй останавливается, чтобы утолить жажду. Здесь употреблена форма на =lu=j=a, служащая для обозначения действия недавно прошедшего. Он чувствует, что ему отомстили: в этом случае взята форма на =ba, обозначающая действие, недавно совершившееся, закончившееся к моменту речи.

Иногда форма на =ba передает действие, относящееся к настоящему моменту, и тем самым как бы заменяет собой изъявительную форму настояще-будущего времени, например: *Tendeče tede cerig=ud ögülerün, Tomüčin ger=tür buyu uu, ügei uu ger kejige /kedüi keri/ bui kemebesü, Qonojčin emegen ögüler=ün, ger či oyir=a bui, Tömučin=i bui, ügei=yi ese medebe bi* [АТ I, с.50] Тогда те воины спросили: "Тэмучин дома или нет? Далеко ли отсюда его юрта?" - Старуха Хоногчин ответила: "Юрта-то поблизости есть. А здесь ли Тэмучин или нет, я не знаю"; ... *ede köbegüd kenükei bolba* [АТ I, с.11] '... Чьи эти сыновья? (букв. эти

сыновья чьи стали?)'; *Ariyun Idegetü qaýan=u ijaýur tasuraba gekü. Olan sudur=ud=tur tasuraýsan ügei keman nomlabai* [АТ I, с.4] 'Говорят, род Аригун-Идэгэту-хагана прервался, но во многих сутрах проповедуется, что не прервался.'

Но чаще всего эта форма обозначает действие, закончившееся в прошлом, безотносительно к какому-нибудь моменту, например: *Nigen edür Tömučin, Qasar, Begter, Belgetei dörbegülen qamtu saýuju qubi tataqu=dur, nigen gegeken soqosun oruju, Tömučin Qasar qoyar=aça Begter, Belgütei qoyar buliyaju yabuba* [АТ I, с.35] 'Однажды, когда Тэмучин, Хасар, Бэгтэр и Бэлгэтэй сидели четвером и ловили на крючки рыбу, попалась одна светленькая рыбка-сохосун, и Бэгтэр с Бэлгэтэем отбрали ее (букв. отобрали ушли) у Тэмучина и Хасара'; *Tömučin tedü odju kürban sóni edür Jorči Ju Sengkür ūruqan=a ger=tür=iyen kürbe. Ögelen eke Qasar kiged degüü ner inu erüjü saýun ajuju. Üjeju bayasba* [АТ I, с.47] 'Тэмучин тотчас же отправился в путь, ехал три дня и три ночи и добрался до своей юрты на реке Сэнкур. Матушка Огэлэн, Хасар и младшие братья уже разыскивали его. Увидев его, обрадовались'; *Eke=de Ötcigen=c tümen irgen ögcü noyad=aça Kücü Kökeçü Jungqur Qarqasad dörben=i tüsibe /ögbe/* [АТ II, с.27] 'Матери и Отчигину он дал десять тысяч человек и назначил к ним из числа нойанов четверых: Кучу, Кокечу, Джунгхура и Хорхасада.'

Лишняя сама по себе каких-либо модальных оттенков [77, с.193] форма на =ba/=bai сопровождается усиленными и другими модальными частицами, например: *Jaýura edür=ün irged kümün=eñese üjegdebe j=a. Tngri kü üjegdebe i=j-a* [АТ I, с.92]. По пути не был замечен дневальными. Само Небо, видать, хранило его; ... *Jirüken=i minu amuýulbai j=a ta* [АТ I, с.73]... Вы ведь успокоили мысли мои; *Barlas=aça Qubilai, Qutu aga nar degüü ner irebei kü Mangyud=aça Jedei, Doqulqu čerbi* /Türgüküй-поуд/ *aq=a degüü qoyar irebei kü* [АТ I, с.67] 'От барласов пришли Хубилай, Хутуг, старшие и младшие братья. От мангутов также пришли братья Жэдэй и Дохулху-чэрби /Туруку-нойан/.'

Форма на =lu=j=a

Форма =lu=j=a, /иногда =la/ (перфектный презенс), обладая абсолютным значением прошедшего времени, передает при этом различную степень соотнесенности с прошлым. Это может быть прошедшее, закончившееся в момент речи, относительно недавно, а также и некоторое время тому назад. Например, действие еще не закончилось, хотя уже началось, действующее лицо находится в процес-

се этого действия: Yisügei quda qamiy=a odumu či kemebesu Yisügei bayatur ögüler=ün; ene köbegün=degen nayaču nar olqonud irgen=eče ökin yuyisu kemen irelüge bi kemebi /AT I, с.28-29/ 'Когда спросили: «Куда ты едешь, сват Есугэй?» - Есугэй багатур ответил: «Я еду просить у родственников по матери олхонутов девушку для своего сына»; Tendeče tede čerig=üd ögülerün, Tömüčin ger=tür buyu uuu, ügei üü ... kemebesü Qonojčin emegen ögüler=ün ... Tömüčin=i qui ügei=yi ese medebe bi, qoyina=aca bosuyad irelüge bi /AT I, с.51/ 'Тогда те воины спросили: «Дома Тэмучин или нет?»... - Старуха Хоногчин ответила: «Дома Тэмучин или нет, я не знаю. Я еду (выехала) с заднего (двора)». Действие, закончившееся сравнительно недавно, перед моментом речи, например: Boyorči ögülerün nökös-sü kemen irelüge bi /AT I, с.45/ 'Богорчи сказал: «Я приехал, чтобы подружиться (с тобой)»; Namayi üje=lüge kemen kümün=e buu ögüle /AT I, с.41/ 'Людям не говори, что видел меня'; Tömüčin köbegün ögüler=ün, erte edür ečige=lüge minu anda kemeldügsen ajuči. Ečige kii buyu kemen, gergei bayuljaču irelüge /AT I, с.48/ 'Тэмучин ответил: «Прежде с отцом моим вы назывались побратимами. Вы как отец [мне], женившись приехал [я]». Действие, совершившееся в отдаленном прошлом, например: ... Tömüčin čimayi törükü=dür, bulyan öligei öggülüge bi. Ene köbegün=iyen Čelem=e=yi öggülüge bi /AT I, с.49/ 'Когда ты родился, Тэмучин, я подарил тебе соболью колыбель (т.е.льчуку). Я отдал этого сына, своего Джэлмэ'; Ede yurban merked erten=ü Ögelen eke=yi Yeke Čiledü=eče buliyaju abuluy=a kemen edüge ösil ösin iringen ajuči /AT I, с.52/ 'Эти трое меркитов приехали, чтобы отомстить сейчас за то, что прежде отобрали Огэлэн у Екэ Чилэду'.

Перфектный презенс употребляется иногда и в форме на =la, возникшей под влиянием разговорного языка, например: Eremekei sayin=iyar ejen ese bolula bi. Ečige tngri=deče įayayatai bolula bi /AT I, с.103/ 'Я стал владыкой не благодаря своей храбости, я стал им судьбой от Отца-Неба; įayay=a=tu ejen inu bi bolbau geju sanala /AT II, с.1/ 'Разве я не стал предопределенным судьбой владыкой?' - подумал он'.

Форма на =Juqui

Форма на =Juqui / =Jükü / =Jükü / =či qui (имперфектный претерит) - третья форма прошедшего времени, обычно называемая в монголистике формой неожиданного, нечаянного действия.

Часто (но не всегда) она употребляется для передачи модального значения неожиданности или необычности совершившегося в

прошлом действия: Edür geyin barabasu situlduju qonučan čerig=üd böni böged butarjuqui. Küriyelegsen irgen könngen / tagilun/ čidejad kemen küriyelegsen yačar=ača ese kódeljükü /AT I, с.93-94/ 'Когда рассвело, то оказалось, что войска, оставшиеся ночевать в укреплении, ночью разбежались. Расположившимся же кругом людям нелегко было следовать за войском и они не двинулись с этого места'. Здесь действие, выраженное формой на =Juqui, представляется неожиданным для читателя с точки зрения поведения воинов, готовых сражаться утром, но ночью вдруг покинувших оставшееся на месте население, которое не могло с донесшим скарбом послезавтра бежавшим войском.

В предложениях: Börte=üjin Qonojčin qoyar Tömüčin=i įiliy=bolbıçır=ača barijuqui /AT I, с.59/ 'Бортэ-уджин и Хоногчин (неожиданно) вдвоем ухватились за поводья коня Тэмучина'; Jamuq=a boljajal yačar=a yurban edür urida kürjükü /AT I, с.60/ 'Джамуха, оказывается, прибыл на установленное место три дня тому назад'; ... köbegüd=iyen čirai ker üjekü kemeged güyijü =ižui oi=dur siryujuqui /AT I, с.62/ '...«Как же мне смотреть в лицо моим сыновьям», - сказала она и, неожиданно выбежав, скрылась в густом лесу» - действия, выраженные глагольными формами =Juqui / =Jükü кажутся неожиданными со стороны действующего лица по отношению к другим участвующим в событиях лицам. Наличием в этой форме модального значения непредвиденности действия объясняется, по-видимому, и тот факт, что она не употребляется в I-м лице. (Как отмечает Г.Д.Санжеев, говорящему самому о себе всегда что-либо известно [77, с.191].) Во всяком случае, в тексте "Алтан тобчи" нам таких примеров не встретилось.

Кроме того, эта форма используется для обозначения действий прошедшего времени без ярко выраженных модальных оттенков неожиданности или непредвиденности действия, но с целью подчеркнуть, усилить значение выраженных действий и привлечь внимание читателя к описываемым событиям. В свое время А.Бобровников назвал такое употребление "искусственным" [16, с.363-364], т.е. само событие не заключает в себе ничего нечаянного или необычного, но представляется слушателю как заслуживающее особого внимания, например: Biden=ü čerig=üd įolyajuqui. Er=e inu dutaya-juqui Yisui qatun=i abču irejükü. Tende Yisügeň qatun egeči=yügen įiegđ urida ögülegsen ügen=dür=iyen kürün bosču sajučan sajurin=dür=iyan sajuljaču, mön öbesüben doura sajujuqui /AT I, с.118/ 'Наши воины повстречали их. Муж ее убежал. А Есуй-хатун они привезли. Тогда Есугэн-хатун, увидев старшую сестру, встала, согласно

прежней договоренности, и посадила ее на свое место, а сама села ниже'. В этом отрывке данной формой обозначены действия, имевшие место в прошлом. По своему характеру они не являются чем-то неожиданным для действующих и окружающих лиц. Воины отправляются искать молодую женщину с мужем, о которых известно, что они укрываются в лесу. Факт обнаружения их не является неожиданным. Мужу удается бежать, а жену доставляют к хану. Младшая сестра женщины, как до этого и было условлено с ханом, уступает старшей свое место.

Форма на =juqui употребляется также и при обозначении действий, произошедших давно, задолго до того, как о них сообщается, т.е. выражает действие давнопрошедшее: Mengge=tü Seđen öcirün, erte mingyan terigütü, yača segültü moğai aju. Olan terigün inu jüg jüg tatalaldaqui=dur, tergen=e daruydaju alaydajuqui. Basa mingyan segültü yača terigütü moğai aju. Segül inu yača terigüben qoyina=eča dağaju nigen nüken=dür oruju tergen=e ese daruydajuqui [AT II, с.33] 'Мэнгэту Сэчэн почтительно проговорил: «В старину (т.е. давно) была змея с тысячью головами и одним хвостом. Множество голов полали в разные стороны, и змея была раздавлена повозкой. Была еще одна змея с тысячью хвостами и с единственной головой. Хвости ее, следуя за единственной головой, вползли в одну нору и не были раздавлены повозкой».

Таковы основные значения трех изъявительных форм прошедшего времени. Остается добавить, что в контексте формы порой чередуются (особенно =bai и =juqui), хотя употреблены они бывают в одном и том же плане прошедшего времени, что, вероятно, связано с желанием улучшить стиль, придать однообразию повествования большую живость и легкость, например: Naiman=u Buuiruq qaşan Alta=yin ebür Uluş taf ſorin qaşaçan ködelbei. Merked=ün Toftuq=a beki=yin köbegün Qutu Selengge ſorin yabubai. Oyirad=un Qutuq=a beki oi temčen Sigsig ſorin ködelbei. Tayıcıjud=un Naya bayatur Onan mören ſorin ködeljüküi. Jamuq=a över= iyen gur=sa [qaşan] ergügsen irgen=i doliyad [dayayul=un] Ergün=e mören ſorin ködeljüküi. Ong qaşan Ergün=e ırıyu Jamuq=a=yi nekebei.

Qinggis qaşan Onan jüg tayıciyud=un Nayaču bayatur=i nekebe [AT I, с.90] 'Найманский Буйруг-хаган, отделившись, двинулся в сторону Улуг-тага на юном склоне Алтая. Хуту, сын меркитского Тогга-бэки, пошел по направлению к Селенге. Ойратский Худуга-бэки, пробираясь лесом, двинулся по направлению к Шигшигу. Тайчигудский Нагачу-багатур двинулся в сторону реки Онон. Джамуха, ограбив и

род, возведший его в гур-ханы, двинулся обратно к реке Эргунь. Онгхаган погнал Джамуху по течению Эргуни, Чингис-хаган прогнал тайчигудского Нагачу-багатура в сторону Онона'. В этом отрывке форма на =ba=/bai предшествует форме на =jükü, хотя и та и другая употреблены для обозначения однородных действий, происходивших в одном и том же плане прошедшего времени и несколько предшествовавших по времени действиям, обозначенным той же формой =ba=/bai уже в конце данного текста.

Форма на =t

Об этой форме исследователи уже писали [35, с.28-33; 41, с. 272-276], так как она неоднократно встречается в языке «Сокровенного сказания» и зарегистрирована в памятниках квадратной письменности [130, с. 138].

С.А. Козин определил значение этой формы, сравнив параллельные места «Сокровенного сказания» и «Алтан тобчи». По его наблюдениям, это – форма будущего времени изъявительного наклонения, возможно, с некоторым оттенком сомнения, так как чаще всего она употребляется с частицей сомнения й=a. На наш взгляд, частое употребление частицы сомнения й=a свидетельствует об отсутствии у самой формы модальных оттенков.

В.Л. Котвич, полностью согласившись с выводами С.А.Козина о значении этой формы, считал маловероятной этимологическую связь ее с отлагольными существительными типа монг. sajat (saʃad) 'препятствие', genet (gened) 'неожиданность' и деепричастием на =tala и считал более правильной высказанную мимоходом тем же ученым мысль о происхождении данной формы из тюркских языков. Факт довольно быстрого ее исчезновения из монгольского языка является подтверждением этому.

Автору «Алтан тобчи» Лувсан Данзану форма на =t была чужда, поэтому все параллельные с «Сокровенным сказанием» места хроники, в которых встречалась форма на =t, опускались или заменялись изъявительными формами на =m, =mui, причастием на =qin и даже деепричастием на =n (ср., например, §§ 21, 64, 153, 173, 174 и соответствующие места в AT).

Мы обнаружили единственный случай употребления формы на =t в «Алтан тобчи», да и то с орфографической ошибкой: Basa mön qoyina Bidügün=i nuqud (uqud-) =ta [AT I, с.140] 'Потом вы наставляйте Бидугуна', – [сказал Чингис-хаган]. Ср. то же место в «Сокровенном сказании»: basa mono qoyina Bedü'un=i uqat й=a bida ke'eba (§ 209).

Форма на =m̥ja

Форма на =m̥ja употребляется нечасто в некоторых монгольских языках (халхасский, ойратский, монгорский) [77, с.113]. Г.И.Рамстедт называет ее потенциальной, состоящей из окончания изъявительной формы =m̥i/-=m̥i/-=m и утвердительной частицы ј=a [127, с.75]. Этой же точки зрения придерживается и Г.Д.Санжеев. «В старописьменном монгольском языке, — пишет он, — этой форме соответствует именно сочетание изъявительной формы настоящего времени на =m̥i= mui с утвердительной частицей дж=a дж=e, например: һаруму1 дж=a ‘конечно, выйдет’, ўкүм дж=e ‘пожалуй, умрет’, бобундум дж=a ‘вероятно, укоротится’ [77, с.113].

В «Алтан тобчи» эта форма используется редко и со значением не столько возможности, сколько уверенности в осуществлении действия в будущем, например: Mongol oyirad bayilduqula bide qoqar յарумъя gebe [АТ II, с.130-131] ‘Если монголы и ойраты сразятся, то мы двое выйдем ведь [на поединок]’.

В ряде случаев встречается написание јам вместо m̥ja, видимо, как результат метатезы. Любопытно, однако, что в таких случаях после данной глагольной формы употребляется и частица ј=a, входящая в состав самой формы. Вероятно, слияние частицы ј=a с изъявительной формой на =m привело к ослаблению модального значения самой частицы (см. раздел «Частицы») и частица ј=a стала употребляться повторно в качестве модальной, в результате чего, возможно, и произошла метатеза m̥ja ~ јам . Отметим, что модальное значение в таких случаях выражено ярче, а само действие может относиться к настоящему и (контекстуально) к прошедшему времени, например: Tegün=dür Dayin qayan eyim̥ bayi kei či medeјem ј=a gejü, gara čerig=ün oyirad=un Següse=eče asya [АТ II, с.173] ‘Тогда Даян-хаган спросил у ойратского Сэгусэ из вспомогательного (букв. черного)⁴ войска: “Ты ведь, должно быть, знаешь этот строй (т.е. расположение войск)”; Törü=yi biden=ü jašay=a gejü irejem ј=a [АТ II, с.170] ‘Ведь он приехал, намереваясь управлять державой нашей’.

Более частые примеры употребления формы на =m̥ja в тексте «Шара түджи» подтверждают ее значение как формы, выражющей действие будущего времени с оттенком утверждения и уверенности в его осуществлении: Edüge ese kürtebči, ečeüs=tür üre mini kürtemje kemegsen=i ... [ШГ, с.29] ‘Хотя теперь /я/ не удосто-

ился /награды/, но ведь дети мои удостоются /ее/ ...’; qas bolusban törü činu boyonidumъja, qayiratu Börtügeljin qatun činu belbesüremъje, Qasar Belgetei qoqar degüü činu qoduju qočiqatmъja [ШГ, с.36] ‘Ставшая яшмой держава твоя укоротится ведь (т.е. станет слишком короткой), любимая Бортугулджин-хатун твоя, овдовеет ведь, Хасар и Бэлгэтэй, младшие братья твои, останутся ведь одни’.

Причастные формы

Причастные формы занимают особое место в грамматической системе монгольских языков. Обладая значением глагольности, они выступают в предложении в роли сказуемого; совмещая в себе и именные признаки, могут употребляться как определение и подлежащее; кроме того, получая падежное оформление, становятся различного рода дополнениями и обстоятельствами.

Причастных форм несколько, причем их употребительность, степень предикативности неодинаковы.

Причастие будущего времени

Причастие будущего времени — одна из наиболее распространенных форм в «Алтан тобчи». Окончание этого причастия представлено тремя формами: =qu=/kü, =qui=/küi, =qun=/küñ .

Происхождение =qu /kü Г.И.Рамстедт связывает с тюркским элементом =yu, являющимся древним суффиксом имен действий [127, с.89-91]. Однако, по мнению В.Л.Котвица, этот взгляд не выдерживает критики, так как тюркскому =yu должно было бы соответствовать в монгольских языках =ju или =ü [41, с.299-300]. Сопоставление же тюркского =qu с монгольским =χи , безупречное с фонетической точки зрения, вызывает, по мнению В.Л. Котвица, некоторые оговорки в семантическом плане, поскольку тюркский суффикс =ju имеет больше глагольных признаков, чем =qu или =qun [41, с.300]

Г.Д.Санжеев также подвергает сомнению высказывание Г.И.Рамстедта, считая его недостаточно убедительным и оставляя происхождение будущего причастия и его суффиксов пока что без определенного ответа [77, с.131].

Если говорить о различии в употреблении трех форм будущего причастия (=qu, =qui, =qun), то здесь можно предварительно отметить, что =qui имеет больше именных признаков, определяющих его субстантированное употребление и изменение по падежам.

⁴ Объяснение этого термина см. [45, с.383].

Форма на =qun - это форма множественного числа на =n от имен на =i, =ai, =ui /69, с.58,90 ; II6, с.9/, что подтверждается приводимыми ниже примерами.

Ф о р м а =qu(=kü). Из трех указанных форм наиболее употребительна =qu(kü). Ее можно встретить в различных синтаксических функциях, но чаще она используется в функции сказуемого, главным образом со связками. Примеров на бессвязочное употребление сравнительно немного: Qarangqui söni ker olqu /AT I, с.41/ 'Как найдешь /его/ темной ночью?'; Edüge qay-an namayi ükügeldebesü alayan=a tedüi jařar=a üküjü docurqu /AT I, с.95/ 'Теперь, если хаган прикажет меня умертвить, останусь /я/ на /клочке/ земли величиной с ладонь'. В первом, вопросительном предложении это причастие обозначает действие, которое произойдет в будущем, но выполнение его ставится под сомнение наличием вопросительного слова ker 'как?', 'каким образом?' ; во втором предложении указано действие, которое при определенных условиях, выраженных в условном деепричастном обороте, может совериться в будущем.

После сказуемого, переданного причастием будущего времени, обычно следует подлежащее, если оно является личным местоимением, что представляло собой норму в классическом языке, например: Ösil-iyen ker ösikü bide /AT I, с.55/ 'Как вымстим мы месть свою?'; Ker dabaqu bi /AT П, с.88/ 'Как преодолею я /перевал/?'; Ken=ü ner=e=yi nerelekü ta /AT П, с.27/ 'Чье имя назовете вы?'; ...namayi jiyaşan=u tula kerkijü jiryaşulqu ci kemebe /AT I, с.69/ '... чем порадуешь ты меня за откровение?'

В отрицательных предложениях причастие будущего времени оформляется также отрицательной препозиционной частицей ülü 'не' и только в некоторых случаях ügei, универсальным постпозиционным отрицанием для причастных форм в современном монгольском языке, например: Tömučin namayi ülü alaqu /AT I, с.109/ 'Тэмучин меня не убьет'; Ta qoyar ülü čidaqu bi nekesü kemejü... /AT I, с.44/ 'Вы двое не справитесь (т.е. не сможете), погоняешь=ка я ...'; Qoyar kümün=dür ülü deyildekü ... /AT П, с.178/ 'Двое не победят меня' (букв. 'двумя людьми не буду побежден'); ...söni Jula kereglekü ügei genem /AT, П, с.93/ '... ночью, говорят, светильники не потребуются'.

Причастие на =qu/=kü с отрицанием ügei может обозначать действие, относящееся к настоящему времени. Но такие случаи редки и ограничиваются, вероятно, немногими глаголами типа mede= 'знатъ', čida= 'мочь, уметь', например: Tegün=ü üre

edüge ken=i ber medekü ügei /AT П, с.187/ 'Не знаю, кто ныне является его потомком'; ср. в совр.монг.: Бий угуй хоёрыг мэдэхгүй Цэв., с.613/ 'Есть или нет, не знаю'; Би орсоор ярыж чадахгүй ... /МРС, с.626/ 'Я не могу говорить по-русски ...'.

В единичных случаях действие, обозначаемое причастием будущего времени с ügei, может относиться к прошлому, например: Tede irgen Bodančar=i kenükei bui uaşishiqai bui kemen asaqu ügei /AT I, с.147/ 'Те люди не спрашивали Боданчара, кто он такой и чей'. Но это выявляется только в контексте.

Чаще, однако, причастие будущего времени употребляется с различными глаголами-связками, которые придают действию, выраженному этим причастием, различные дополнительные временные и модальные оттенки.

Причастие в сочетании со связкой böläge ~ bölägei ~ bile может обозначать действие, которому надлежало совершиться, но оно не было реализовано из-за непредвиденных обстоятельств. Действие приобретает модальный оттенок долженствования, возможности, например: Ögedei ögülerün, erte irekü böläge bi. Jayura qurim=ud Jolyaju udaba /AT П, с.37/ 'Угэдэй сказал: «Я должен был прибыть рано. Но по пути встретились пировавшие /люди/, и /я/ задержался».

Сочетание =qu(=kü)+böläge может указывать на гипотетическое действие, которое не произошло, но предполагается как вполне возможное, реальное в прошлом при определенных условиях. В таких случаях решающее значение имеет предшествующее действие, например: Namayi ünen bolyaju qubčasun ögčü asaraqu böläge. Bi morin unuqad üjetele üdter Jayura ülekü /Türgen/ irekü böläge /AT I, с.93/ 'Они поверили бы мне, дали бы одежду и приняли бы к себе. А я нашел бы коня и быстро вернулся бы обратно'.

Такое же значение =qu + böläge имеет в предложениях с условным деепричастным оборотом, когда вероятность или возможность совершения действия в прошлом всецело зависит от условий, выраженных в деепричастном обороте, например: ... ker ber bariyda-basu bi tan-a oruju irekü duritu böläge ... bi kemekü böläge /AT I, с.93/ 'Если бы поймали, я бы сказал, что хотел бежать к ним'. Предложения могут быть и вопросительными. Тогда предшествующее лицо выясняет возможность совершения того или иного действия при сложившихся обстоятельствах, например: Bariyda-basu namayi=yi eyimüi=yi /eyin kigdekü/ ülekü yaşaqu bölägei üü

/AT I, с.92/ 'Если бы /тебя/ схватили, разве бы ты не сказал, что я вот остался /лежать/?'.

В зависимости от наличия вопросительного слова *ker* или вопросительной частицы *uu* сочетание =qu + *bölüge* передает модально-экспрессивные оттенки, когда действующее лицо как бы подвергает сомнению возможность совершения обозначенного действия или размышляет и недоумевает по поводу его совершения, например: Čirqa ebügen-i ker itʃaqu *bölüge* či kemejü ... /AT I, с.33/ 'Как это могла сползти подгрудная шлея?'; Qayan=u minu öbei Qasar=un üre či idekü bilüü. Činu öbei bide idekü bilüü /AT II, с.161/ 'Разве ты, потомок Хасара, присвоил (букв. съел) наследство хагана моего, разве мы присвоили (букв. съели) твоё наследство?'.

Наряду с этим сочетание =qu + *bölüge* может и не содержать в себе явных модальных оттенков и передавать обычное действие, имевшее место в прошлом; например: Belgütei=e ülü ilajdaqu *bölüge* /AT I, с.87/ '/Я/ не был побежден Бэльгутэем'; Cer=ün belge inu gegün=ü sün tüsürügsen ösüg /ayiraj=iyan söni döli boltala bülekü *bölüge* /AT I, с.42/ 'Отличием той юрты было то, что там всю ночь до рассвета сбивали в кумыс кобылье молоко'.

В сочетании с формами условного деепричастия *bögesü* (от глагола-связки *bö*= 'быть'), *bolbasu*, *bolusa* (от глагола *bol*= 'становиться') причастие будущего времени обозначает действие, при возможном совершении или наличии которого предполагается другое действие: Čilaγun čimbai ta qoyar edüge setkil=iyen ögüledkü, ögülekü *bögesü* dutayuban yuuyuq *bögesü* Ĵay-ur=a kümün=e buu kelelegülükün /AT I, с.147-148/ 'Вы, Чилагун и Чимбай, высказывайте сейчас ваши пожелания. Если будет что сказать, если придется просить о чем-либо (т.е. о какой-либо своей нужде), не обращайтесь /ко мне/ через посредника ...'; Quda köbegün=iyen mörgedkü *bolbasu* odtuŋ-ai /AT I, с.32/ 'Если сват так горюет о своем мальчике, пусть отправляется!'; Ene üge=yi minu jöbsiyekü *bolusa* Esi qatun eke minu, dotuŋ-adu engger=tü minu doluŋ-an köbegün törögül ... /AT II, с.16/ 'Если одобряешь эти слова мои, матушка моя Еши-хатун, пусть на внутреннюю полу мою родится семь сыновей...'. С *bolun* (реже *bolju*) и *boluŋ* (формы слитного и соединительного деепричастий от *bol*= 'становиться' и *boluŋ*= 'сделать', 'заставить стать') причастие будущего времени обозначает такое недавно наступившее или ожидаемое действие, которое оказывается невыполненным в связи с наступлением другого последовавшего за ним действия, напри-

мер: Ede dörben külüg=üd=i kürkü=yin urida Ulay-an qud=ta Benggüm bayıldıqu bolun morin=daju yuuyuq *daju* abtaqu bolju bükü=dür ede dörben külüg=üd kürkü aburaŋ-ad ... /AT I, с.122/ 'До того как эти четверо кулюков прибыли, Сэнгум начал сражение в Улаган-хуте, но конь под ним был ранен в бедро и, когда его уже должны были схватить, эти четверо кулюков подошли и спасли /его/ ...'; Jidalaqu bolun jida inu urbaŋ mōn degere jida bolčiqu /kürkü/ ... /AT I, с.90/ 'Принялись они было за волшебство, но оно не удалось (букв. повернулось), и ненастъе разразилось над ними самими ...'.

Предшествующее действие может начаться и вызвать последовавшее за ним действие, например: Qayan=ača ayuŋ adan unaŋju ariyaqu /emiyekü/ bolun amin=dur=iyen kürtegebe bi /AT I, с.87/ 'Испугавшись хагана, я нарочно упал, испугавшись, поплатился своей жизнью'; Görügesün=dür dobtulqu bolun ügderejü nögcibe /AT I, с.136/ 'Поскакал /он/ за зверем, /рана/ открылась, и он скончался'; Tümed irgen=dür ökin abqu kemen odqu bolun ... Qorči noyan=i barijuqu /AT II, с.25/ 'Хорчи-нойан поехал за туметскими девушками, ... но /туметы/ его захватили в плен'; Amaŋar qaŋ-an ökin=iyen ögči öbesüben üdejü odqu bolŋ-an tatar irgen čui=yin irgen kiyad /öste/ Amaŋar qaŋ-an=i bariju ... /AT I, с.20/ 'Амагар-хаган лично отправился провожать свою дочь, и его схватили чуйские люди, враждовавшие с татарами'.

В сочетании с *bolun+aŋju* (имперфектный претерит от глагола *a*= 'быть', 'существовать') причастие будущего времени выражает действие с модальным оттенком неожиданности, непредвиденности, например: Tendeče Činggis qaŋ-an, Ong qaŋ-an qoyar qarıŋju ayisuqui=dur naiman=u qatqulduŋci Könsegü Sabaraŋ Bayidaraŋ Belčir čerig jasaŋju qatqulduqu bolun aŋjuŋ /AT I, с.120/ 'Когда Чингис-хаган с Онг-хаганом тронулся в обратный путь, то /оказалось/, что найманский храбрец (букв. рабака) Конгсэгу Сабарааг собрал войско в урочище Байдарааг-Бэлчир и готов дать им бой'.

В сочетании с *bolba* (перфектный претерит от того же глагола *bol*=) причастие будущего времени обозначает такое действие, осуществление которого оказалось возможным или уже свершилось как результат каких-то предшествующих действий или событий, например: Qara terigün=dür=iyen kürtekü *bolba* /AT I, с.61/ '/Я/ могу поплатиться (букв. стал таким, что удостоюсь) своей черной головой'; здесь действующее лицо размышляет о возможнос-

ти совершения действия: *Amaγai=yi ūkübe kemen Ogelen=e kürtele eyin kemegdekü bolba* /AT I, с.33/ ‘Из-за того, что умер Амагай, даже Огэлэн стала так оговаривать нас (букв. стали оговариваемы)’. В данном случае глагол *bol*=сохраняет свое лексическое и временное значение и указывает на становление действия, переданного причастной формой.

В сочетании со связкой *bui* причастие будущего времени обозначает действие, которое совершится в будущем. Высказывание в целом имеет значение утверждения или (при наличии отрицательной частицы) отрицания действия, например: ... *ćimadur tursiyul elči ilegekü bui* /AT П, с.54/ ‘Хан/ пошлет к тебе разведчикагонца’; *Teb Tngri edüge irekü bui* /AT П, с.42/ ‘Тэб Тэнгри сейчас прибудет’; *Man=u qatun=u gerel=tür inu söni ȳula ūlü kereglekü bui* /AT П, с.92/ ‘При красоте (букв. свете) нашей ханши ночью светильник не потребуется’.

С вопросительным словом *ker* ‘как?’, ‘каким образом?’ данное сочетание передает риторический вопрос – восклицание с большой эмоционально-экспрессивной окраской, например: *Ner=e ügei ȳer ker ūkükü bui* /AT I, с.39/ ‘Неужели довести себя до бесславной смерти?!’ (букв. ‘как умереть без имени ?!’)

В сочетании со связкой *yu*⁵ причастие будущего времени указывает на действие, совершение которого ожидается в будущем. Действие имеет модальное значение достоверности, убежденности в его совершении. Эту модальную окраску придает связка *yu*, например: *Nayaču ireküle alaqu yu* *ći gebe* /AT П, с.143/ ‘Ты говорил, если приедет Нагачу, то /непременно/ убьешь его’.

В контексте сочетания =qu с *yu* обозначает иногда и действие, относящееся к прошлому: *Nidun inu doura aca degeside aniqu yu* /AT I, с.4/ ‘Глаза его закрывались снизу вверх’; *Qay'an ejen=dür ȳe ayilatyaqu yu* /AT П, с.8/ ‘Хагану-владыке ты /такие/ слова доложил’.

В сочетании с *bayinam* (имперфектный презенс от *bayi*=‘быть’) рассматриваемое причастие обозначает действие, которое произойдет в будущем: ... *qaračin menji=luγ=a neyileküle erkebisi yekə gem bolqu bayinam* /AT П, с.191/ ‘Если харачины объединятся с манчурами, непременно случится великая беда’. Форма настояще-будущего времени вспомогательного глагола указы-

вает на отношение действия к моменту высказывания «в данный момент положение таково, что может произойти ...».

В сочетании с деепричастием предела от той же глагольной основы *bayi*=(*bayitala*) причастие будущего времени обозначает такое действие, во время (в течение) которого произойдет или произошло другое действие (событие), т.е. время действия таких сочетаний всецело определяется и зависит от времени конечного оказываемого: *Şabčiyal kürtele önjikü bayitala kiduňu Şabčiyal-un qay'alγ=a Jebe abču dabay=a buliyaňu dabayu* /Chinggis qay'an Sir=a degter=e bayubai/ /AT П, с.68/ ‘До /самого/ Чавчина в течение суток /пока миновали сутки/ шла резня, Джэбэ, взяв ворота Чавчияла, перешел через перевал, Чингис-хан спустился к Шира-дэгтэр’.

Со словом *ažiyatu* ‘не соблаговолите ли?’, ‘не угодно ли?’, ‘пожалуйста’ причастие будущего времени имеет значение русского инфинитива: *Kötöl γaŷar=a ſam ſiŷaŷu ögkü ažiyatu* /AT П, с.101/ ‘Не соблаговолите ли указать дорогу в холмистых местах?’; *Tegin=dür nigen sayin suryal üge kelekü ažiyatu* /AT П, с.101/ ‘Не угодно ли дать им хорошее наставление?’

Причастие будущего времени в функции определения, как правило, характеризует предмет с точки зрения действия или признака, осуществление которых произойдет в будущем: *Amin=dür ćinu dour kürgekü medege ügei irgen* /AT I, с.22/ ‘Неизвестные люди, которые причинили вред твоей жизни’; *Qay'an qan orun=lyan aldaqu eyrbe yu* *gejü tayilba* /AT П, с.120/ ‘Это плохое предзнаменование, что /ты/, хаган, потеряешь свой ханский престол»-разъяснил он’; *Edüge irekü cay inu bolba* /AT I, с.15/ ‘Сейчас настало время ему прийти’.

Кроме того, оно может характеризовать предмет с точки зрения обладания его каким-то признаком, качеством: *Öcüken medekü kümün-i töryü=dür yabuŷulam* /AT П, с.134/ ‘Малосведущего человека назначает на государственные дела’; ... *qadan=tur dabtulqu salbar metü aŷura darun yadaqu arslan metü* /AT I, с.37/ ‘... Вы словно орлы, бросающиеся на скалы, словно львы, не могущие унять свою ярость’.

В качестве определения, характеризующего предмет с точки зрения его назначения, причастие будущего времени могло оформляться и показателем родительного падежа, причем значение его при этом оставалось неизменным: *Köbegüd=tegen edür ūjekü=yin nidun, söni sonusqu=yin ćiken bolyayu* ... /AT I, с.85/

⁵ О значении глагольной формы на = уи см. на с. 83–84.

'Для своих сыновей стану глазами, чтобы видеть днем, ушами, чтобы слышать ночью'.⁶

Контекстуально причастие будущего времени может характеризовать предмет еще и с точки зрения его состояния или действия в прошлом: ... morin ülü čidaqu Tary udai=yi bariju tergen=dür unu ulju /AT I, c.108/ '... Таргудая, который не мог сесть на коня, схватили и усадили в повозку'; ... erikü kereg=iyen olba ыи /AT I, c.60/ '... я нашел то, что искал'

Причастие будущего времени, оформленное показателем винительного падежа, образует преимущественно дополнительные причастные обороты. В таких случаях время действия, обозначенное этим причастием, зависит от времени заключительного сказуемого, а также контекста в целом: оно может соотноситься с настоящим, будущим и прошедшим, что видно из следующих примеров: ... čisun čoburi olju yabuqu=yi Činggis qay an ... üjejü, yarču irejü ögüler=ün /AT I, c.78/ '... Чингис-хаган увидел, что [Бэлгутэй] истекает кровью ... вышел [оттуда], подошел и сказал'; Nigen edür boro γčin qarčay ai qara quru bariju idekü=yi üjejü ... bariju asaraba /qarcay ai=yi tejebə/ /AT I, c.13/ 'Однажды [Бодончар] увидел, как сизая самка ястреба ловит и пожирает черного тетерева ... поймал ее и обучил (букв. вскормил)'; Egün=eče Yele nere jaao tao nere ögkü=yi Altan qay an medetügei /AT I, c.82/ 'Пусть знает Алтан-хаган, что [только] он даст высокий титул чжао-тао [Чингис-хагану]

С безличной притяжательной формой это причастие, будучи дополнением, имеет субстантивное значение, например: Ergi mören=dür qun γalay un olan genem, erkei=ben činatala namalaqu=ban ejen inu medenem ja=a /AT П, c.50/ 'Говорят, в реках и на берегах полно лебедей и гусей, но государь ведь знает, как стрелять (букв. свое стреляние знает), пока не устанет большой пальц'; Oskü ötelkü=ben abun jirγasa /AT П, c.87/ 'Хорошо бы повеселиться, взяв подросших и состарившихся'.

С послелогом tula/tulada 'для', 'так как' причастие будущего времени в родительном падеже выражает целевые и причинные отношения, например: Manju qaračin bide qoyer ulus nigen ey=ee=ber yabuqu=yin tulada tngri=dür, čay an morin, γajar=tur qara üker alaju ... /AT П, c.192/ 'Для того чтобы наши два на-

⁶ Ср. в переводе на совр. монг. яз. в /3, c.53/: хөвүүддээ, өдер узэх нуд. шене сонсох чих болгож өгье...

рода, маньчкуры и харачины, жили в согласии, /мы/ принесли в жертву Небу - белого коня, Земле - черного быка...'; Bide uray=tayar=iyan yeke ey=e barilduγ san=i Belqütei jiγ aqu=yin tulada bidden=ü čerig=üd masi samsiyabai /erüsdebei/ /AT I, c.117/ 'Так как Болгутэй разгласил постановление Великого семейного совета, погибло много наших воинов'.

С послелогом urida 'до', 'раньше' выражаются временные отношения, например: Dalan Nemürgein=e qatquldaqu=yin urida Činggis qaγ an jaasay öguleldürün /AT I, c.115/ 'До выступления в битву при Далан-Нэмургэне Чингис-хаган постановил'; Ede dörben külüg=üd-i kürkü=yin urida Ulaγ an qid=ta Senggün bayilduqu bolun ... /AT I, c.122/ 'До прибытия этих четырех кулюков Сэнгум вступил в битву при Улаган-хуте'.

При субстантивированном употреблении в качестве подлежащего причастие будущего времени приобретает значение отглагольного имени. В этих случаях оно вместе с относящимися к нему словами может образовывать подлежащий оборот, в котором притяжательная форма личного местоимения выполняет роль грамматического показателя подлежащего, например: Tömičin köbegün=i qaγ an bolγ aqu tan=u nai jöb /AT I, c.74/ 'Назначение ваше хаганом [моего] сына Тэмучина совершенно правильное'; Soqor elčin=iyen ilegekü činu jöb üü /buuu/ kemən ... /AT П, c.40-41/ 'Разве правильно твоё назначение (букв. отправление) посланца Сохора?'; ... Otčigin noyan ögülerün, elči ilgekü minükei buruγu keməjükü /AT П, c.41/ '... Отчигин-нойан сказал: «То, что я отправил посланца (букв. мое отправление), неправильно».

Иногда оно может обозначать и действующее лицо, например: ... teberikü činu dabay=a olan dababa, çuilaqu činu usun olan getülbe /AT I, c.23/ '... обнимаемый тобой много перевалов перепалил, оплакиваемый тобой много вод переплыл'.

Нередко причастие будущего времени в функции подлежащего не оформляется как подлежащее; в таких случаях в переводе оно соответствует русскому инфинитиву или отглагольному существительному со значением процесса действия, например: Niγur inu üjekü berke /AT П, c.49/ 'Тяжело [мне] увидеть лицо ее'; ... mayu sedikü ünen bayinam /AT П, c.155/ '... то, что плохо задумал [обо мне]', верно (букв. плохое думание верно)'.

Ф о р м а =qui(=kü). Вторая форма причастия будущего времени на =qui (=kü) также выполняет различные синтаксические функции, но соотношение этих функций у нее несколько иное, чем у формы на =qu(=kü).

Являясь преимущественно именной по своему значению, форма на =qui/=kui/ чаще употребляется в функции определения, гораздо чаще оформляется различными падежными показателями, выражая всевозможные дополнительные и обстоятельственные отношения, и при этом реже используется в функции сказуемого.

В функции определения эта форма практически не отличается от определительной функции формы на =qu/=kui/. Она также характеризует предмет с точки зрения: а) предстоящего действия, например: Mordaļu yabuqui čay=tur ejen Širguyan sayid=iyan maytaļu dayulaba /AT I, c.103/ 'Когда пришло время отправляться в путь, государь произнес хвалу своим шестерым сайдам'; Alalčaqui dayisun=dur amin bey=e=ben buu qayirlalčay=a /AT I, c.106/ 'Для врагов, с которыми сразимся, жизней своих не пожалеем'; б) назначения предмета или функции, выполняемой им, например: Tendeče ideküi idegen ügei bolju ... /AT I, c.13/ 'После того, как не стало пищи, чтобы поесть ...'; Ögelen eke-yin ger dotura ködelküi /šaruqui/ Qonoyčin emeden boscu ögülerün /AT I, c.49/ 'Встала прислуживавшая в юрте Огэлэн-эз старушка Хоногчин и сказала ...'; в) признака, качества, присущего данному предмету, например: Basa sutu Činggis qayan naran ırququi füg Solongy=a ulus=tur ayalaju ečitele... /AT II, c.46/ 'В то время, когда обладающий величием мудрый Чингис-хаган совершил поход в сторону восходящего солнца на государство Солонго ...'; Nigen üy=e=dür Garm=a baysi amu usuna singkeküi oytaryui=dur nisküi čilayun atyaqui terigüten olan ridi qubilyan=i üjügülügsen=dür ... /AT II, c.115/ 'Однажды, когда Гарма-багши показывал чудесные превращения: способность погружаться в воду, летать в небе, сжимать камни и многие другие ...'.

Оформленное показателем винительного падежа, оно выступает как прямое дополнение или образует причастный дополнительный оборот, переводимый на русский язык обычно придаточным предложением с союзом что, например: ... nigen bülüge irgen negüyü ayisuqui /ireküi/ =yi Bodančar üjejü ... /AT I, c.14/ 'Боданчар увидел, что приближается какая-то группа людей...'; Tere noqai ejen=yi mordaqui=yi medeňü jurban on ulin qıčabai /AT II, c.94/ 'Та собака, зная, что владыка отправляется в поход, три года выла'.

В контексте это причастие в винительном падеже нередко имеет субстантивированное значение и употребляется в качестве объекта действия, например: Tere jobaqui=yi erketü Sigemüni bur-

jan medeňü ... /AT II, c.109/ 'О тех страданиях (букв. те страдания) узнал всемогущий Шигэмуну-бурхан (Будда Шакьямуни)'; Yaʃaraju ſalgiqu=yi ſalgij ad azaayaqui=yi azaʃaʃad... /AT I, c. 92/ букв. 'В спешке глотал глотаемое, сплевывал сплевываемое', причем в последнем предложении в одной и той же функции использованы разные формы причастия на =qu и =qui, что свидетельствует об их сходстве.

Обозначая субстантивированный процесс действия, причастие может иметь безличную притяжательную форму со значением 'свой', например: ... qayilaqui=ban usatuʃan ajuʃu /AT I, c.34/ ... 'перестал плакать (букв. свое плакание прекратил)'; ... kükün küküi=ben qataʃuʃisuyai kemen öčiged ... /AT II, c.34/ 'Отдадим (себе) свои силы (букв. свое отдавание силы утвершим)'.

В тексте нередко показатель винительного падежа в дополнительных причастных оборотах оказывается опущенным, что вообще-то не свойственно синтаксическим нормам монгольского языка, например: Sigüsidei mayu sedkiküi medeňü ... /AT II, c.144/ 'Узнал, что Шигүшидэй замышляет недобroе ...'; Qara qosiyutu negen=i qatariju ireküi üjebesü ... /AT II, c.58/ 'Если увидишь, что бежит рысью черномордая лисица...'; Kitad-un čerig ayisuphi üjejü qay an=dur kele kürgebei /AT II, c.165/ 'Увидав, что приближается китайское войско, доставили хагану известие (об этом)'; ... čisun baʃuljaʃu ködel=ün bayiqui bügüdeger üjebesi /AT II, c.147/ '... все увидели, что течет кровь'; Köke qota=ača čerig ſoriju jaʁqui üjebesi /AT II, c.165/ 'Увидели, что из Хохэ-хото вышли войска'.

Причастие на =qui/=kui/ в исходном падеже обозначает действие, которое является причиной другого действия, и переводится на русский язык «из-за того, что», например: Jürken=i iregdeküi=eče /iremü kemen/ ſirguʃan edür külčeňü /küliyen/ yadaju ... /AT I, c.81/ 'Прождали шесть дней из-за того, что джуркэны обещали прибыть, но больше не могли ждать...'; Arʃali uʃulja=yin miqan=i qabilan qubiyaqui=ača ulam alaldun teskildün qay ačam ta /AT I, c.24/ 'Из-за дележа мяса самок и самцов архаров вы еще больше скоритесь и разъединяетесь'.

Причинно-объектное значение имеет это причастие в исходном падеже перед глаголом auci 'боиться', например: Oruju kebteňü üjegdeküi=eče auci ... /AT I, c.40/ 'Боясь быть увiedенным лежавшим (в дубраве)...'; ... qola odbasu čimača alji-yaqui=ača auci... /AT I, c.92/ ... 'боюсь, что ты утомишься, если отойду далеко ...'.

Причастие в исходном падеже указывает на любой исходный момент действия, а также имеет значение наличия какого-то исходного качества, например, способности, умения для осуществления действия, например: ... *törüküi=eče setkijü medel=dür orubasu ...* /AT II, с.67/ 'Если от рождения [вы] умны и понятливы ...'; *čidaqui=ača ker=ber ūyiledbesü či mede kemewe* /AT II, с.42/ 'Ты [сам] знай, как надо действовать по [своим] возможностям!'.

Наиболее часто participle на =qui/=küi/ зафиксировано в дательно-местном падеже с показателем =dur/=tur/. В таких случаях оно, как правило, образует причастный оборот, выражающий временные отношения, причем время действия оборота всецело определяется заключительным сказуемым и контекстом, например: *Tömičin yačar=tur ırchuu upan kebtejü masi ya-salqui=dur qongqutan=u čirqa sergügen ögilegsen ajuuu ...* /AT I, с.32/ 'Когда Тэмучин, упав [на] землю, лежал, очень горюя, хонгхотанский Чирха, утешая его, сказал ...'; *Süm=e bari-qui=dur yačar köndejü modun oytaluyasan=iyar yačar=un ejen irejü totyarlabai* /AT II, с.112/ 'Когда ты возводил храм, то потревожил землю, вырубая деревья, [поэтому] пршел хозяин земли и воспрепятствовал'.

Кроме того, оно употребляется и в субстантивном значении, при этом нередко с возвратно-притяжательной частицей, означающей "свой", например: ... *uryuqui=ača singkeküi=dür kürtele...* /AT II, с.28/ '... от восхода и до захода [солнца] ...'; *Törüküi=dür=iyen barayun yar=tur=iyan sayai=yin tedüi qara nöjün=i atqun törübei gekü* /AT I, с.26/ 'Говорят, при своем рождении он сжал в правой руке сгусток черной запекшейся крови величиной с таранную кость'; *Tere ürgileküi=degen ūgündülebe* /AT I, с.97/ 'Приснилось во сне (букв. 'в своей дремоте приснилось').

Причастие в соединительном падеже с относящимися к нему словами образует причастный оборот причинно-временного значения. Оно обозначает действие, одновременно с которым или вслед за которым происходит другое действие, например: ... *ger=tür inu oruqui=luγ=a*, *Torg'an Sira ögüler=ün* /AT I, с.42/ 'Как только он вошел в юрту, Торган Шира сказал ...'; *Eke=yi genedte ireküi=lüge ayuqui=bar auya* /AT II, с.38/ 'Когда мать неожиданно вошла, [она] очень испугалась'.

В качестве подлежащего оно обычно сопровождается показателем подлежащего (частицей ъег или лично притяжательными части-

цами), например: *Sereküi ber tan=u jöb bui* /AT I, с.11/ 'Подозрения-то ваши справедливы'; *Qoyar köbegüd minu sereküi tan=u ede ırurban köbegüd=i törübei kemen* /AT I, с.11/ 'Двое сыновей моих, подозрения ваши в том, что родила [я] этих трех сыновей'.

Причастие на =qui(=küi) употребляется и в качестве сказуемого, но эта функция свойственна ему меньше, чем все предыдущие. В этом и состоит основное отличие данной формы от формы на =qu(=kü), которая, как мы показали, гораздо чаще встречается в функции заключительного сказуемого.

В качестве сказуемого форма на =qui(=küi) употребляется со связками и без них. Без связки оно может обозначать действие, которое совершится в будущем времени; так же как и в случаях с =qu(=kü), за сказуемым следует подлежащее, выраженное личным местоимением, например: *Amin ügei bey=e=yi minu abči odču yaγ u kiküi ta* /AT I, с.109/ '[Вы] захватите мое бездыханное тело, а что вы будете делать с ним?'; *Egči=yügen irebesü Jayilaču ögküi üü či kemewe* /AT I, с.117/ 'Но уступишь ли ты место, когда твоя старшая сестра явится?'; *Yaγaraču irebesü tayičiγ ud=un noyad minu qočırıγ san em=e köbegün aduγ un idegen=i minu ünesü=ber keyisgekü tede kemejü* ... /AT I, с.95/ 'Если поторопиться, тайчигудские нойаны превратят в пепел все, что останется после меня: семью, скот, имущество'.

Со связкой böläge это причастие обозначает действие, которое могло бы совершиться при определенных условиях, но на самом деле не совершается. Вся форма в целом имеет модальное значение возможности, предположительности: *Toγ-tay=a Beki=yi kebtege bögetele kürküi böläge* /AT I, с.59/ 'Тогтагабеки могли настигнуть (т.е. настигли бы) во сне [пока он лежал]'. Здесь речь идет о том, что врачи могли бы захватить в плен Тогтага, когда он спал, но оказалось, что его уже заранее предупредили и он бежал. Поэтому выраженное причастием и связкой böläge действие представляется лишь как возможное.

Со связкой ajuu это причастие обозначает действие с модальной окраской долженствования: *Yisügen qatun ögüler=ün, nadača egeči Yisüi neretei nada=ača deged [degere] qay an kümün=e joki qui ajuui j=a* /AT I, с.117/ 'Есүгэн-хатун сказала: «Ведь моя старшая сестра Есүй лучше меня и должна [больше] подходить хагану».

Со связкой bolun (форма слитного деепричастия от bol='становиться') причастие на =qui(=küi), так же как и на =qu(=kü),

обозначает наступление действия, вслед за которым происходит другое действие: A-y-ula ögede dataj uqui bolun olang-iyan tasuraju tende bariluy =a /AT I, с.120/ 'Он бежал было в горы, /но у него/ оборвалась подпруга, и /он/ был сквачен'.

Ф о р м а =qun(=kün). Как уже отмечалось, эта форма множественного числа причастия на =qui(=küi) употребляется в языке «Алтан тобчи» значительно реже по сравнению с двумя предыдущими формами. Это объясняется утратой согласования в числе, что наблюдалось уже в XIII в. /37/, т.е. далеко не всегда подлежащее или определяемое во множественном числе требовали оформления сказуемого или определения показателем множественного числа.

Что же касается синтаксических функций причастия на =qun (=kün), то в принципе они такие же, как и у формы на =qu(=kü). Большая часть примеров приходится на употребление его в предикативной функции со связками и без них. Без связки оно обозначает действие, которое произойдет в будущем, например: Biden=dür dayisun bolju ülü nöküčekün tede /AT П, с.69/ 'Когда/ у нас окажется враг, они не смогут воссоединиться с нами'; Ulus=i činu ken=e medegülkün tede /AT П, с.42/ 'Кому они позволят управлять твсю народом?'. Как видно из примеров, подлежащие в этих предложениях выражены местоимением в форме множественного числа и следуют после сказуемого.

В конструкциях с условным деепричастным оборотом и =qun + böläge обозначается действие, которое может быть потенциальным или реально осуществимым только при определенных условиях, выраженных в деепричастном обороте, например: Boroqul=un tere üge=dür irebesü qatqulduqun böläge /AT I, с.135/ 'Если по словам Борохула, /враг/ придет, мы сразимся'; Ildei ögülerün: minu dayan ese sonusbasu ta ker üjekün böläge /AT I, с.144/ 'Илдэй сказала: «Если бы не услышали моего крика, то как вы могли увидеть-

В предложениях, не включающих условные деепричастные обороты, =qun + böläge может обозначать действие, имевшее место в прошлом. Однако в таких случаях оно содержит в себе ярко выраженное модальное значение, когда говорящий высказывает свое отношение к действию, как бы недоумевая по поводу совершившегося, пример: Tende Menglig ečige ögülerün, Čaqır beke=yi

/ AT I, с.126/ 'Тогда Мэнглик-эчигэ сказал: «Когда ты просил Чахур-бэки, он ведь унизил нас и не отдал /ее/»'; Čamıq=a=daca

ʃu qaγ ačaqun böläge /AT I, с.68/ 'Ведь /я/ не должен был отделиться от Джамухи'.

Кроме того, о событиях рассказывается так, как будто говорящий является их очевидцем, например: ... say-alýar modun=a anda kemeldüjü amaralduju qurimlan tayilan jiryalduju sö-ni könjilen=degen qamtu qonulduqun böläge /AT I, с.65/... под ветвистым деревом /Тэмучин и Джамуха/ назывались побратимыми, вместе пировали и праздновали, ночью спали вместе под одним одеялом'.

Оформленное показателем винительного падежа причастие на =qun(=kün) вместе с относящимися к нему словами образует дополнительный оборот, соответствующий в переводе русскому инфинитиву или существительному со значением процесса действия:

Tögün=i sergekün=i masi berke bolugad ... /AT П, с.10/ 'Ее (т.е. воду) испарить очень трудно...'; Qamuy quray sad=un dotura üge ögülekün=i masi berke aʃila /AT П, с.7/ 'Очень трудно говорить среди всех собравшихся'; Kebteqül otiquin=i buu udaγ atuγ ai /AT I, с.152/ 'Не задерживать (букв. не замедлять) вступление в кэйтэгулы'.

И наконец, как и две предыдущие формы, форма на =qun(=kün) может определять предмет с точки зрения предстоящего действия, причем определяемое стоит во множественном числе: Dotuna biden=ü dergede yabuju suralčasu kemejü irekün arad=i buu ity atuγ ai /AT I, с.152/ 'Не отговаривать араторов, которые придут к нам, чтобы обучаться во дворце и состоять при нас'; Soyergäl ögdekün metüs=e soyorgal=i ögçü ... /AT I, с.150/ 'Тем, кто должен быть пожалован, пожалование выдали ...'; Tömüčin kibegün=dür qatqulduqun metüs ken bui? /AT I, с.130/ 'Есть ли кто у сына, Тэмучина, кто может сражаться? (букв. Кто те, кто может сражаться?)'. Это же причастие выступает иногда в субстантивном значении, например: ... čerig medekün=eče inu regüleʃü baʃulyabai /ʃimelen bayilyabai/ /AT П, с.81/ '... велал отстранить его от командования войском'.

Причастие прошедшего времени

Показателем причастия прошедшего времени является суффикс -ʃan/-gən/. По мнению Г.Д.Санжеева, в алтайских языках не обнаружено сколько-нибудь удовлетворительных соответствий "данному суффиксу и поэтому этимология его продолжает оставаться темной" /77, с.138/. С уверенностью можно сказать лишь, что этот

суффикс поставной, включающий два компонента =γ и *-san, поскольку для монгольских языков нехарактерно сочетание двух начальных согласных. Первый компонент =γ= можно соотнести с таким же компонентом в составе других монгольских глагольных форм, например, =γ=tun, =γ=či (77, с.138).

В свое время Г.И.Рамстедт пытался сопоставить этот суффикс с суффиксом маньчжурского прилагательного =squn, считая монгольский суффикс исконным по происхождению и более древним (127, с. 66-68). Позже, сравнивая его с тунгусским, он писал: « В монгольском и тунгусском языках этот суффикс следует рассматривать как древний. Он встречается в качестве форманта причастия прошедшего времени в монг. =g=san, тунг. =kva» (69, с.120).

Это причастие имеет ярко выраженное временное значение, которое сохраняется независимо от того, в функции какого члена предложения оно выступает, обозначая действие, наступившее или происходившее в прошлом.

Несмотря на свое временное значение, это причастие сопровождается в функции сказуемого, как правило, глаголами-связками. Случаев употребления причастия без связки в тексте «Алтан-тобчи» сравнительно немного, например: ... negüküi=dür ese negügügsen, nöögčiküi=dür ese nöögčigsen, bulγa kümün-lüge büsi (busud-un) niγur ese ſubčiγsan (qaraγsan) östü kümün-lüge öbete niγur ese ſubčiγsan (urbaysan) (AT I, с.140) ... когда кочевали, не отставал, когда оставались на месте, не уходил, с чужими людьми в другую личину не ряжался (букв. не менял лица), перед врагом не терял лица'; Bodančar boγda=yin bariju abuγsan em=e=deče törügsen ba ſamuq=a=luy=a kegeli nige=ten γaγča=tan böläge (AT I, с.68) 'Мы родились от женщины, взятой в жены святейшим Боданчаром, и (поэтому) единоутробны с Джамухой и единого (с ним рода)'.

Значительно чаще причастие прошедшего времени в случаях предикативного употребления встречается с глаголами-связками. Со связкой прошедшего времени ajuγu~aju оно обозначает действие, также относящееся к прошлому. В этом случае перед наступлением последнего из прошедших действий может произойти последовательный ряд событий и тогда действие, выраженное формой на =γsan + ajuγu, будет прошедшим по отношению к заключительному сказуемому, например: Ene üge=yi minu gadal gežü sanaju boluγsan čimadur tur-siyul elci ilegekü bui medegerei gebe. Tegün=ü qoyina Manduquli qay'an üge olulčaqui-yin tulada qoyer elci ele-gegsen ajuγu ... Qay'an=u tere elci=dür ſonong sayin üge-

ben ese ögülegsen aju ... Tere elci qayan=dur kürčü ... qayan=dur üge ayilatyaba (AT II, с.154-155) 'К тебе, посчитавшему эти мои слова ложью, [хаган] посыпает разведчика-гонца. Знай (это). После этого Мандугули-хаган послал для переговоров двух послов ... Но тем ханским послам джононг не сказал добрых слов ... Ты послы, вернувшись к хагану ... доложили ему'.

Наряду с этим причастие на =γsan + ajuγu употребляется и для обозначения действия, совершившегося в отдаленном прошлом, задолго до того момента, когда об этом сообщается: ... erte edür qay'an ölige=lüge manu kereyid irgen Ong qaγan anda kemeldügsen ajuγu (AT I, с.48) 'В давние времена Онг-хаган керейтского народа с нашим отцом-хаганом назывались побратимами'. Здесь действие предстает перед читателем как давно совершившийся факт, т.е. как действие давнопрошедшего времени.

В контексте =γsan+ajuγu употребляется и для обозначения действия обычного прошедшего времени, случившегося незадолго до того, когда о нем идет речь в повествовании, например: tere edür darasun=i yekede qalaγ-ucitala ſuγolγaγsan ajuγu (AT II, с.34) 'В тот день [он] угощался вином и был сильно разгорчен (букв. до сильного разгорячения)'.

Аналитическая конструкция, состоящая из деепричастия, причастия на =γsan и связок в прошедшем времени, обозначает действие в прошлом, но с видовым и модальным оттенками: ... egün=eče ulam maγu bolju, čaqar qaračin dayin bolju orulduγsan aγsan aju (AT II, с.191) 'От этого стало еще хуже, [оказывается], чакары и харачины уже вступили в войну'. В данном примере действие представлено как длительное, происходившее на протяжении какого-то отрезка времени в прошлом и до некоторой степени неожиданное.

Со связкой ьui и ьuγu причастие на =γsan выражает действие, результат совершения которого в прошлом просто доводится до сведения читателя: Tere Abunai vang anu, ſurčid-un Bars Bečen qaγan=u ökin gürün=i güngjí=yi abuγsan ьui (AT II, с.185) 'Тот Абунай-ван взял (в жены) принцессу, дочь джурчидского Барс Сэчэн-хагана'; Dayan qaγan=i Quluγurun γool=du doluγan nasun=du unay=san=dur singγuγu abuγsan tangγud=yin Ayin Temür neretü kümün abuγsan ьui (AT II, с.163) 'Когда Даян-хаган в семилетнем возрасте упал в реку Хулугурун, то бросился и спас его тангутский Айн Тэмур'; Tere qaγan=ača salju tabun üy=e boluγsan=dur Srong sang Rgembu qaγan törügsen ьuγu (AT II, с.5) 'Когда от того хана прошло пять

поколений, родился хан Сронг-санг Гамбо'. Связка ьшу в последнем примере придает действию характер большей достоверности и утверждения имеющего место факта.

С частицей й=а вся форма приобретает модальное значение вероятности, предположения, например: Ene üge bügüde=dür sonusdaysan bui й=a [AT II, с.176] 'Эти слова, надо думать, услышаны всеми'.

Сочетание =үзан + böläge обозначает действие, совершившееся в прошлом, и в зависимости от лексического окружения и контекста выражает разную временную соотнесенность в плане прошедшего времени. Это может быть обычная констатация факта, указание на действие, совершившееся относительно недавно (скажем сегодня) и в отдаленном прошлом (много лет тому назад), например: Činggis qay'an ... ögüler=ün, ker eyin kigden böläge. Bide kemekü=dur Belgütei ögüler=ün: manay'ar edürei čabcijsan böläge [AT I, с.78] 'Когда Чингис-хаган ... спросил: «Как это случилось, пока мы разговаривали?» - Бэлгутэй ответил: «Мы порубились сегодня утром»; Bojda ejen járlıq bolba Börtegeljin qatun minu baý'a čaý=tur uciraj'san böläge [AT II, с.49] 'Святейший владыка заявил: «Бортэгэлджин-хатун свою /я/ встретил в детстве»'.

Или оно указывает на действие, начавшееся задолго до момента сообщения о нем и как бы многократно повторяющееся на протяжении длительного времени, например: Erte edür=eče tatar irgen ečiges ebüges=i biden=ü baraj'san böläge ... Ečiges ebüges=ün ösin ösiyü ... [AT I, с.116] 'С давних времен татары убивали наших отцов и дедов... Местью отомстим за наших отцов и дедов ...'.

Это может быть также действие предпрошедшее, за которым последовало другое действие, относящее к прошлому, например: Basa Bojda ejen kitad ulus=i erke=dür=iyen oruylju Altan qay'an=i oru abuysan=i Tangyud=un Siduryu qay'an sonusuyad eme耶ü, ... elci ilegegsen böläge. Tere elci ejen=dü ayilat-yaju qariqui=dur=iyen, ... gejü ene üge kelejü gariba [AT II, с.92] 'Тангутский Шидургу-хаган, услышав, что государь /Чингис-хаган/ подчинил своей власти Китай и занял престол Алтан-хагана, обеспокоился и послал /к нему/ гонца /с заверением в преданности/. Тот гонец, доложив государю, вернулся обратно и сказал ...'. В этом отрывке причастие на =ysan + böläge служит для обозначения действия, которое предшествовало и повлекло за собой другое действие, также совершившееся в прошлом.

Наряду с функцией заключительного сказуемого прошедшее причастие входит в состав сложных предложений, выполняя различные синтаксические функции. В сочетании с другими глагольными формами и с падежными окончаниями или послелогами оно образует причастные обороты или участвует в образовании деепричастных оборотов.

Так, с вспомогательным глаголом в форме условного деепричастия bögesü оно образует обстоятельственный оборот с условным значением: Kümün=e ese ögdegseñ bögesü degüü=degen čimada yuysu kemeyü Dobu mergen=i üjer=e [a yuljar=a] ilegebe [AT I, с.8] 'Если /она/ еще никому не отдана, попрошу ее для тебя, своего младшего брата' - сказал /он/, и послал Добу-мэргэна посмотреть'; ... Qituys=a ese alday'san bögesü ... köbegüken=ü amin=dur qor ülekü kürgekü bölägei üü kemeyebe [AT I, с.144-145] 'Если бы не выронил нож, разве не причинил бы вреда жизни мальчика?' В этих двух предложениях действие условного оборота соотнесено с прошедшим временем, что и передано рассматриваемой формой причастия. Правда, в одном случае представлен оборот с реальным условием, а в другом - нереальным, что обозначено заключительной формой сказуемого.

С формой уступительного деепричастия bolbaču причастие на =ysan образует уступительный причастный оборот, действие которого также относится к прошлому, например: Ci namayi=yi bay=gəjü qay'an sayuysan mön bolbaču qay'an sayuqu yosun ügei bui=yin tula j=a edüge ci nada mörgü [AT II, с.176] 'Хотя /ты/ и стал хаганом, считая, что я еще мал стать хаганом, /у тебя/ нет права и поэтому ныне ты поклонись мне'.

Оформленное дательно-местным падежом причастие прошедшего времени образует причастный обстоятельственный оборот временно-го значения, где обозначенное причастием действие относится к прошлому, например: Ulam inay si yabuysan=dur ... dung büriy=e=yi abulbai [AT II, с.182] 'Когда дальше шествовали сюда ... нашли трубу из раковины дунг-бурэ'; Ejen morin=u terigün=i minay=a=bar [tasiyur=iyar] deledügsen=dür Jamuq=a inebesü ejen járlıq bolur=un [AT II, с.54] 'Когда государь стегнул кнутом по голове коня, Джамуха рассмеялся, а государь сказал ...'.

В некоторых случаях причастный оборот в дательно-местном падеже имеет причинное значение, например: ... bayar miliyaqu=dur tatar=un Tömüjin=ükei=yi abču iregsen=dür temür ölügei=dür ölügeyedejü Tömüčin gejü nereyitdügsen yosun eyimü böläge [AT I, с.267] 'Когда происходило угощение /по случаю рождения

Чингис-хагана⁷, привели татарина из Тэмучинов, *[поэтому]*, положив в железную колыбель, и нарекли Тэмучином'.

Это же причастие в винительном падеже с относящимися к нему словами образует дополнительные причастные обороты, в которых само причастие обозначает действие, совершившееся в прошлом и ставшее объектом (иногда причиной) другого действия, например:
Altan qaγan=i oru abuγsan=i tangγud=un Siduryγ u qay'an sonusuγ rad eʃiyej... /AT II, c.92/ 'Услышав, что *[государь]* занял трон Алтан-хагана, тангутский Шидургу-хagan испугался'; Teb Tngri=y tergen=yi üʃügür=e nıruγun=i quγuljı pıγıruγsan=i Činggis qaγan üʃej... /AT II, c.44/ 'Чингис-хаган видел, как Тэб Тэнгри переломили позвоночник об ось телеги'; Это наиболее распространенное, но не единственное употребление данной формы. В других случаях оно может обозначать объект как субстантивированный результат действия, выраженного в глагольной основе, например
... ken=ü jögeγsen=i ken jobaγagu böläge. Ken=ü quriyaγsan=i ken tarγaku böläge /AT II, c.64/ '... кто бы позаботился о собранном другим? Кто бы рассеял накопленное *[собранное]* другим?'; Jiči manayarsi ögülegsen=i üdesi udarabasu üdesi ögülegsen=i manayarsi udarabasu ... /AT II, c.45/ 'Кроме того, если вечером забыть сказанное утром, а утром забыть сказанное вечером ...'.

Причастие прошедшего времени в винительном падеже образует еще своеобразную причастную конструкцию, точное грамматическое значение которой нелегко передать по-русски: Tayičiγud=un besüd=ün nutuy=tur nigen öcükən Kökečü neretü köbegün=i nutuy=tur qočuruγ=san=i biden=üqai abču Ogelen=eke=de ögbe /AT I, c.66/ 'В кочевые тайчигудских бесудов наши подобрали оставшегося там маленького мальчика по имени Ко-кэчу и отдали матушке Огэлэн (букв. мальчика того, что остался, взяли)'; Nigen ičükün⁷ köbegüken=i gegeγsen=i biden=ü /man=u/ čerig=üd nutuy=ača olju... /AT I, c.82/ 'Наши солдаты подобрали на поле подкинутого маленького мальчика (букв. мальчика того, что бросили, взяли)'.

Трудность перевода подобных конструкций заключается в том, что это причастие в винительном падеже, образуя дополнительный оборот и являясь формально прямым дополнением по отношению к заключительному сказуемому всего предложения в целом, по существу,

⁷ Ошибочно вместо öcükən. Ср. Сокр.сказ., §135.

выступает определением к имени, обозначающему прямой объект, который входит в состав самого дополнительного оборота, т.е. это равносильно тому, если бы в конструкциях двух последних примеров было написано qočuruγsan köbegün=i 'оставшегося мальчика', gegeγsen köbegüken=i 'подкинутого мальчика'. Причастие прошедшего времени употребляется и как субстантивный член, обозначая действующее лицо (или лица), характеризуемое тем действием, значение которого содержится в глагольной основе: ... qočidaγsan=i ġergeγ tede kemən... γagγay-a kū ese kū kemelügei üü ögülebej kelebe /AT I, c.58/ '... опоздавших, кто бы они ни были, из строя выгнать (букв. выгоним-ка), разве не было такого уговора?'.

Нередко это причастие в объектном значении сопровождается безличной притяжательной формой =iyan 'свой': Erten=ü anda bolulčaγsan=iyan duralduljin ... /AT I, c.63/ 'Вспоминая свое прежнее побратимство (букв. свое взаимное становление побратимами)...'; Ede dörben üjegsen=iyan ülü niy'un, sonuγsan=iyan ülü qabčiqun tede bui ja /AT I, c.140/ 'Эти четверо ведь не утаят увиденное (букв. свое увиденное), не утают услышанное (букв. свое услышанное)'; Obesüben setkigsen=iyan keledküin /AT I, c.148/ 'Сами высказывайте свое пожелание (букв. свое задуманное)'.

Причастие прошедшего времени в орудном падеже обозначает, как правило, действие, послужившее причиной другого действия, переданного в заключительном сказуемом: Amayar qaγan Qadaγan Qutala qoyar=i nereitdüğsen=ber qamış mongγol tayičiγud onan-u Qorquγ jiy ur=tur Qutala=jı qaγan bolγaba /AT I, c.23/ 'Так как Амагар-хаган назвал имена Хадагана и Хуталы, то все монголы и тайчигуды, *[собравшись]* в Ононской роще Хорхуг Джибур, поставили хаганом Хуталу'; Činggis=qay an=u yeke törü=yi batutγan bariγsan=iyar Cigidan=a Sečen qaγan kemən olan=a aldarsiba /AT II, c.116/ 'Благодаря тому, что укреплял великое государство Чингис-хагана, прославился под именем Чигидана Сэчэн-хаган'.

Кроме того, эта форма в том же падеже может обозначать и объект действия, причем причастие имеет здесь субстантивированное значение, например: Edüge öber=ün oluγsan jögeγsen=iyer=iyan bölege mingγan bolju... /AT I, c.141/ 'Теперь из того, что собрал ты своими трудами (букв. из своего полученного собранного), состоялась особая тысяча...'; Jebe Sübegetei qoyar öberün oluγsan jögeγsen=ber=iyer⁸ mingγalatuy ai kemebi

⁸ Ошибочно вместо =iyer. Ср. Сокр.сказ., §221.

[AT I, с.149] 'Пусть Джэбэ с Субэгэтэем начальствует над теми тысячами, которые они собрали своими трудами (букв. своим полученным собранием путем начальствует)'.

В родительном падеже с послелогом *tula* (ysan-u tula) это причастие употребляется также для выражения действия, ставшего причиной последующего действия, переданного в заключительном сказуемом, например: ... köbegün=iyen Abaqai=yi qoroγ uy san=u tula Dayan qaγ an čerig mordaba [AT II, с.172] '... так как убили его сына Абахая, Даян=хаган выступил в поход'; Ečige eke nutuγ ayimaγ =iyan baγ=a=du abtaγ san=u tula ülü medem geγü yabuu gebei [AT II, с.146] 'Так как был захвачен в детстве и лишился родителей и своего кочевья, то [ничего] не знаешь'.

С послелогом *qoyina* 'после', управляющим родительным падежем и основой (в количественном отношении родительным падежом чаще), причастие прошедшего времени обозначает такое действие, после совершения которого наступает действие, выраженное заключительным сказуемым, например: Činggis qaγ an=ača. Otčigin noyan salju γagıγ san=u qoyina Tangγ udai You=a Sečen=eče asay ur=un [AT II, с.34] 'Отчигин=Нойан, отделившись от Чингисхагана (букв. после того, как от分离лся), спросил у Тангудая Гоа Сэчэна'; Tayu ireγü oruγ san qoyina bigiči ayaγ=a bariju üge kelebe [AT II, с.128] 'После того как вошел Тайу, бигичи, держа чашу, сказала'; Turban qonuγ san=u qoyina mori=tu čerig=i abču mordaba [AT II, с.160] 'Через трое суток (букв. после того как провел трое суток) отправилась в поход с конницей'.

Выступая в качестве подлежащего или образуя подлежащий причастный оборот, рассматриваемое причастие сопровождается местоименными притяжательными частицами, например: Tusa boluγ san minu yaγ un bolqu kemeγü ese abuba [AT I, с.46] 'Моя услуга (букв. то мое, ставшее услугой), что это за услуга? - сказал он и ничего не взял'; Bögesün öggügsen anu namayi ideküidegen oduy=a geγü bayinam. Šaril öggügsen anu qoyina Mongγol ulus nom=dür oruqu gegsen bayinam gebe [AT II, с. III] 'То, что он прислал воинов, свидетельствует о том, что собирается напасть и уничтожить меня. А то, что прислал мои, означает приобщение в будущем Монголии к учению'.

Причастие прошедшего времени в функции подлежащего или в составе подлежащего оборота встречается иногда и без показателя подлежащего. В таких случаях значение и функция определяются

только контекстом, например: Ečige=yin minu Naqu bayan=u jögeγben, yaγsa köbegün=dür inu nada tügetele [barasi ügei/bui] [AT I, с.46] 'Все, что собрал отец мой Наху-баян, принадлежит мне, его единственному сыну'; Uruy törlü törügsen ülü oldam geγü kelebe [AT II, с.40] 'Родной семьи (букв. родней родившейся) не найдешь'.

Чаще всего это причастие употребляется в определительной функции, характеризуя предмет с точки зрения совершившегося действия, значение которого выражено в глагольной основе. При этом совершившееся действие в зависимости от времени заключительного сказуемого и контекста имеет разную соотнесенность с моментом речи. Поясним это на примерах: Tayičiγ ud-un noyad minu qosuruγ san em=e köbegün aduγ un edegen-i minu ünesü-ber keyiseküü tede kemeγü ... [AT I, с.95] 'Тайчибудские князья развеяли по ветру оставшуюся мою семью (букв. жену, сыновей), скот и имущество'; Očüken qočuruγ san degüü ner=iyen belbesün berged=yien ker asaraqui ci mede [AT I, с.31] 'Позаботься об оставшихся малыми младших братьях и вдовах-невестках'.

В приведенных предложениях заключительные сказуемые обозначают действия, относящиеся к будущему времени, а причастие в атрибутивной функции qosuraγ san 'оставшиеся' выражает абсолютное прошедшее время по отношению к моменту речи:

В предложении: Tere qarčay ai=yuγ an bariγ uluγ san noyud γalaγ ud-un ödüd buryalıγ čisun metü butaraγu keyisčü iremü [AT I, с.15] 'Словно снег кружится по ветру перья уток и гусей, пойманных тем ястребом' - сказуемое относится к настоящему времени, а причастие-определение выражает абсолютное прошедшее время, хотя в первых двух предложениях обозначенные этим причастиями действия являются более отдаленными по отношению к моменту речи, чем в последнем, где оно, по сути, почти одновременно с ним. Здесь все определяют контекст и лексическое значение самого причастия.

В предложении: Toγ=a asaqun kümün=i kebtegül tere edür unuγ san aγ ta emegel qajaγ ar=tu=yi emüsügsen qubčisun selteγü kebtegül abtuγ ai kemen ... [AT I, с.157] 'Пусть кэбтэгулы отбирают у людей, которые спросят [их] число, лошадей, на которых те прибудут [прибыли], вместе с седлом и уздечкой, а также надетую на них одежду и прочее...' - причастия в определительной функции обозначают действия относительного предшествующего времени, т.е. по отношению к моменту речи эти действия произойдут в будущем, но по отношению к действию заключительного сказуемого эти же действия окажутся уже прошедшими, совершенными раньше.

В предложениях, где сказуемое (иногда ряд однородных сказуемых)

зуемых) обозначает действие прошедшего времени, причастие в функции определения выражает действие, прошедшее по отношению к сказуемому, но давнопрошедшее по отношению к моменту речи, например: Tendeče ideküi idegen ügei bolju, börte činu=a=yin yundur qo-
rju=yalujsan görugesün-i meriyejü qarbuju alay ad, über=iyen
ber ideged, qarčayai=yujan ber tejiyeged tere on yarpa
/AT I, c.13/ ‘Когда же не стало еды (букв. пищи, чтобы есть), он стрелял и убивал антилоп, загнанных серыми волками в овраг, и сам ел, и ястреба своего кормил, так прошел тот год’. Здесь действие, переданное заключительным сказуемым, закончилось в прошлом. По отношению к нему действие, выраженное причастием прошедшего времени, является прошедшим, так как охота производилась на животных, уже до этого загнанных волками в овраг. Следовательно, по отношению к моменту речи это действие давнопрошедшее: Eke öbesüben Qasar-un uya=san qančun=i tayilaču talbiy ad malay=a büse
inu Qasar=aa ögčü, eke kilinglejü a=jur=iyen darun yadaju
... kemeye /AT II, c.37/ ‘Мать самолично развязала Хасару связанные рукава, подала ему шапку и пояс, и не в силах сдержать гнева ... сказала...’. Рукава в одежде брата были завязаны Чингис-хаганом до того, как вошла разгневанная мать. Ее действия совершены в прошлом, поэтому действие, обозначенное причастием прошедшего времени в функции определения, относится к давнопрошедшему: Deger=e tngrı=iyn jayay abar tenggis dalai=yi getüljü iregsen
Börte Činu=a Maral qoyar Burqan Qaldun=a
nutuy=laču a=j=san aju=ju /AT I, c.6/ ‘Бортэ Чинуа и Гоа Марал, по предопределению Высшего неба переплыли Тэнгис-далай, поселились на Бурхан Халдуне’. В этом предложении само сказуемое имеет форму давнопрошедшего времени. Событие, о котором сообщается, относится к далекому прошлому. А действие, выраженное аналитической формой причастия в функции определения, произошло раньше этого события. Следовательно, это действие оказывается прошедшим по отношению к давнопрошедшему действию сказуемого.

Сравнительно редко встречаются предложения, когда причастие прошедшего времени употребляется в качестве определения при опущенном определяемом, которое известно из контекста (или предыдущего предложения), причем такое определение не имеет никаких формальных показателей субстантивации, например: Oberün törlü=iyen ese sana=j=san kümün, man=u törlü=i sanamu. Oberün törgü=ben ese sana=j=san, kümün=ü törü=yi sanamu. Oberün ner=e=ben ese
sana=j=san, man=u nere=yi sanamu /AT II, c.140/ ‘Человек, не

помнивший (букв. не помнивший) свою родню, будет ли помнить о нашей? Не думающий (букв. не думавший) о своем правлении, будет ли думать о чужом? Не помнящий (букв. не помнивший) своего собственного имени, будет ли помнить наши?’. Здесь в первом из предложений причастие прошедшего времени с отрицательной частицей ese ‘не’ – ese sana=j=san ‘не думавший’ определяет слово kümün ‘человек’, которое в последующих предложениях опускается, а его функция передается определению без каких-либо формальных изменений (притяжательных частиц). По своему значению это причастие выражает действие относительно прошедшего времени. Оно является прошедшим по отношению к действию, обозначенному в сказуемом (настоящее–будущее время), но настоящим по отношению к моменту речи.

Причастие прошедшего времени в форме множественного числа (суффикс =jbad/=gsed) встречается главным образом в качестве определения и дополнений. Что же касается функции сказуемого, то в тексте “Алтан тобчи” обнаружен только один случай такого употребления: ... ta Ĵamıq-a anda=ača pamayi kemem setkijü nögčesü kemem iregsed /AT I, c.73/ ‘... Вы отошли от пограничника Джамухи и пришли ко мне’ (букв. ‘Вы от Джамухи, думая обо мне, пришли, говоря: «Подружимся-ка»). В этом предложении подлежащее, выраженное личным местоимением во множественном числе ta ‘вы’, согласуется в числе со сказуемым, обозначающим действие, происходившее в прошлом.

В определительной функции в форме множественного числа причастие находится перед определяемым словом, стоящим во множественном числе или обозначающим множество, совокупность предметов, например: ... tus qa=jan=iyen qarday=sad arad mōn=e qoyina ker idegegdeküi ede kemeküi böläge /AT I, c.149/ ‘... как после этого верить аратам, посягнувшим на своего хагана?’; Čab-čiyal=i bariy=sad čerig=üd=i ködelgejü irejü Činggis qa=jan=dur neyilebe /AT II, c.74/ ‘Потеснил войска, удерживавшие Чабчиял, а /сам/ присоединился к Чингис-хагану’; Dürbegsed ulus=i ačagay=a kemem Činggis qa=jan qonu=j=san jačar-ača morilaju ... /AT I, c.94/ ‘Чингис-хаган отправился с мес-та ночевки спасать беглецов (букв. убежавший народ)...’. В приведенных примерах определения, выраженные причастиями в форме множественного числа, согласуются в числе со своими определяемыми, характеризуя их с точки зрения действий, совершенных ими. Однако такое функционирование причастия во множественном числе уже не характерно для языка “Алтан тобчи”. Гораздо чаще причастие-определение здесь имеет форму единственного числа независимо от числа определяемого.

В некоторых случаях при одинаковых определяемых стоят разные по категории числа формы причастия-определения. Ср., например: Quraγ-ulaγ-san tatar /AT I, с.116/ и Quraγ-ulaγ-sad tatar /AT I, с.116/ 'Укрепившиеся татары'. Эти факты свидетельствуют о том, что в языке уже не придавалось особого значения формальному согласованию в числе.

Кроме определительной функции причастие прошедшего времени во множественном числе употребляется и как субстантивированный член, обозначая лица, характеризуемые по совершенному ими действию: Ene quraγ-sad-un dotura üge kelekün=yi berke ajila /AT II, с.7/ 'Среди этих собравшихся трудно слово сказать'; Üleg sed=i boyoliduy=a /AT I, с.116/ 'Оставшихся сделаем рабами'; Tegün=u qoyina tere idegen=i yeke idegsed mayu öngge=tü boluyad, öčükən idegsed sayin öngge=tü boluyad ... /AT I, с.1/ 'После того съевшие много той пищи приобрели плохой цвет, съевшие немного приобрели хороший цвет'. В этой же функции причастие указывает на совокупность предметов как результат действия, например: Ünggür Aranai qojar öggüsəd=i inu abuluy=a kəməbe /AT II, с.75/ 'Унгур и Аранай взяли то, что им было дано'.

Но и таких примеров сравнительно немного, при этом отсутствует какая-либо закономерность в употреблении формы множественного числа. Так, при однородных дополнениях одно причастие может иметь форму единственного, а другое - множественного числа, например: Ulus bayiyululčaysan=i jökildüsəd=i anu mingyad-un noyad boluyaži ... /AT I, с.149/ 'Назначил нойанами тысяч тех, кто вместе с ним созидал и основывал государство'.

Однократное причастие (форма на =či)

В русской монголоведческой литературе это причастие чаще всего называется однократным /16, с.136; 77, с.134/, хотя по существу оно не содержит в себе значение однократности. В некоторых работах его называют и причастием настоящего времени, что, пожалуй, больше соответствует его значению /33, с.29/. Однако причастием настоящего времени в монголоведении называют еще одну причастную форму /77, с.136/, поэтому во избежание недоразумений целесообразно сохранить традиционное название однократное, или форма на =či. Что касается монгольской лингвистической литературы, то кроме названия «форма на =či» это причастие известно под довольно громоздким термином: одоо цагт байнга гүйцэтгэгчийг заасан

үйт нэр 'глагольное имя, обозначающее постоянного исполнителя в настоящее время' /56, с.158/.

Суффиксом однократного причастия является =či=/=gči, который принято считать состоящим из =y= и =či, продуктивного суффикса образования отмыненных имен деятеля, например: qomi 'овца' - qoniči 'чабан'; mal 'скот' - malči(n) 'ухаживающий за скотом', modun 'дерево' - modiči 'плотник' /77, с.135/.

Что же касается суффикса =y=, то, как предполагалось, он тождествен суффиксу образования отглагольных имен на =y, известному в тюркских и других алтайских языках. Отглагольные имена bilik 'талант', способность', öcig 'показания', sūrūg 'стадо', suruγ 'весть', известия' вошли в монгольский из тюркских языков, в которых были исконными образованиями с помощью суффикса =g. По мнению Г.И.Рамstedta, в тюркских языках суффикс =g в этих словарях более не является живым. В монгольских же языках он стал продуктивным. Так в старомонгольском появился комбинированный суффикс =či, =gči /127, с.108/. Вместе с тем Г.Д.Санжеев замечает, что вопрос об идентичности =y в =yči суффиксу образования отглагольных имен на =y= в алтайских языках нуждается в дополнительном изучении /77, с.136/.

Дело в том, что форму однократного причастия можно практически создать от любой глагольной основы, например: odu= 'идти' - oduči 'идущий'; üje= 'видеть' - üjegči 'видящий'; čida= 'мочь' - čidayči 'могущий, умеющий' и т.д.

Но далеко не от всякой глагольной основы можно образовать отглагольные имена на =y=; в частности, от приведенных выше глагольных основ их не бывает. Кроме того, большинство имен на =y= в монгольских языках являются заимствованиями из тюркских языков.

Следовательно, =y= в =yči может оказаться иного происхождения в связи с подобным же компонентом в суффиксах причастия прошедшего времени =y-san, повелительной формы 2 л.мн.ч. =y=tun, повелительно-желательной формы 3 л.=y /77, с.135-136/.

Однократное причастие обозначает действие или способность к действию, присущие какому-либо предмету (или действующему лицу). Действие, выражаемое этим причастием, совпадает с действием, обозначаемым изъявительной формой настояще-будущего времени, и с действием, обозначаемым многократным причастием⁹.

⁹ По материалам Б.Х.Тодаевой, в монгольском языке для семантики этого причастия характерен оттенок обычности, повседневности совершения действия. А в связи с тем, что в этом языке, а также

В отличие от других причастий однократное причастие чаще подвергается субстантивации, а иногда и полному переходу в разряд имен существительных. Особенно этот процесс интенсивно происходит в современном монгольском языке; например: сурагч 'учащийся', еренхийлэгч 'президент', удирдагч 'руководитель, вождь' и др.

В «Алтан тобчи» однократное причастие по своему значению обладает большей глагольностью, чем в современном языке. Как правило, это причастие с относящимися к нему словами образует причастный определительный оборот, характеризующий определяемое с точки зрения его способности к действию, обозначененному в глагольной основе, например: Bey=e=eče minu uyityar ügei dayayči üde=yin següder minu, bayilduqu čay=tur ülü ködülügči qas qadun minu, barilduy san ügen=eče ülü sültügči keb=ün Janggiy=a minu, berke kečegü üyi-le=dür minu qaril ügei üneker Jitgüyü yabuyči bulyatu sar /bayuly=a=dur üker/ metü Boyorči minu či nigen üge ögüle gebe /AT II, c.11-12/ «Полуденная тень моя, неотступно следующая за мной, яшмовая скала моя, не двигающаяся /с места/ во время боя, шелковый талисман мой, не ослабляющий нашего говора, словно вол в ярме безропотно и честно служащий мне в моих трудных и тяжких делах, о Богорчи мой, ты говори», - сказал /он/. В этом предложении однократные причастия характеризуют определяемое по его способности к постоянному осуществлению действия, переданного глагольной основой. При этом, обладая значением глагольности, некоторые из них управляют падежными формами зависимых от них слов: Bey=e=eče dayayči букв. 'от моего тела следующая'; ügen=eče ülü sültügči букв. 'от слова не отступающий'.

В предложении: Üjedüi=yi üjügülügči, qola=yi neyilegülügči küsegseñ-i qangyayči Tayu minu eči gebe /AT II, c.128/ 'Иди ты, мой Тайу, позволяющий увидеть еще не виданное, позволяющий объединить далекое, обеспечивающий желаемое' - однократные причастия характеризуют действующее лицо по способности осуществлять выраженное в глагольной основе действие, являющееся как бы постоянным его признаком. Они управляют винительным падежом относящимся к ним слов, причем управляемыми словами являются и субстантивно употребленные формы причастий прошедшего неоконченного времени и прошедшего времени.

в дагурском, дунсянском, баоаньском и языке желтых уйгуров утрачена форма многократного причастия, это причастие приобрело некоторый оттенок многократности /93, c.118/.

В некоторых случаях однократное причастие, определяя предмет, характеризует его по тому действию, которое было этим предметом совершено в прошлом. Это произведенное в прошлом действие стало отличительным признаком, характеристикой предмета, например: Esen tayisi kümün ilegejü Sigüsidi=eče yoyilinci=yi čabčiyči bulad ača gebe /AT II, c. 144/ 'Эсэн-тайши послал к нему человека, наказав сказать Шигушидэю: «Отдай свой булатный меч, которым ты зарубил (букв. меч, рубящий) Гойлинчи»; Tere kümün ildü ab-bü yoyilinci=yi čabčiyči ildü mön үүчи bisi үүчи gebei /AT II, c. 144/. Тот человек, отобрав меч, спросил: «Это меч, зарубивший Гойлинчи, или другой?».

Иногда действие, обозначаемое данным причастием, соотносится с настоящим моментом и характеризует предмет или действующее лицо на данном отрезке времени: ... qara oi temečegči, Qayatai Darmala edüge, Qaraju keger=e bui j-a /AT I, c.56/ '... Хагатай Дармала, спешащий в лес, должно быть, находится сейчас в Харалджуйской степи'; ... dayi jiyči Dayir Usun iren, Selenge qoyer=un Jayur=a=tu Siya /Jiy=a=tu Talun aral=a /ködüğe/ bui j-a /AT I, c.56/ '... удирающий Дайир Усун находится, должно быть, в Шигата-Талун-арале между /Орхоном/ и Селенгой'.

Значительно реже однократное причастие встречается в функции сказуемого, например: Esen tayisi qariyči boluyad gedergü qaraçın uyguya /AT II, c.148/ 'Эсэн-тайши вернулся (букв. став возвращающийся), но выставил позади караул'; Bikicchi ayurlaju ügülerün, tngri yağar neyilegči үүчи. Degedü qad ber=ügen üjegči үүчи /AT II, c.128/ 'Бикичи, разгневавшись, сказала: «Разве сливаются Небо с Землей! Разве домогаются верховные ханы своих невесток!». В первом предложении однократное причастие в сочетании с формой разделительного деепричастия (qariyči boluyad 'стал возвращающийся') обозначает действие, предшествующее заключительному; во втором - в сочетании с глаголом-связкой үүчи выполняет роль заключительного сказуемого. Действие относится к так называемому расширенному настоящему времени. В значении указанного действия присутствует элемент экспрессивности и убежденности говорящего в обратном, что достигается употреблением связки үүчи.

Иногда однократное причастие входит в состав собственных имен в качестве определения к ним или полностью подвергается субстантивации как имя собственное, например: Tegün-ü köbegün Masi Üjeskülen=tü qiyar tiib-i ejelegči Jes kürdetü qayan /AT I, c.3/ 'Его сын, Маси Уздэскулэнту, был хаганом

медного колеса, владыкой (букв. владеющим) двух материков'; Tangsuy Idegetü qayan-u köbegün Nasun-a Tegülder Yeke negetü kigel Ülü Doroyitayči qoyer үүчи /AT I, с.3-4/ 'Сыновьями Тансут Идэгэту-хагана были Насуна Тэгүлдэр Еке и Улу Доройтагчи (букв. Неслабеющий, Непобедимый)'.

В функции подлежащего однократное причастие встретилось в двух предложениях, которые здесь приводятся: Moulan qayan-i ešine qosiyu oduyči ene bile /AT II, с.152/ 'Он вел передовой отряд Моулан-хагана' (букв. 'идущий впереди Моулан-хагана был этот'); Üge=yi onun medegči Očir Sečen үүчи /AT I, с.108/ 'Разгадывающий эти слова разве не Очир Сэчэн?'.

Многократное причастие

Окончанием многократного причастия является суффикс =day/=d-, который Г.И.Рамstedt возводил к тюркскому =duq, представлявшему собой окончание имен на =q= от вторичной глагольной основы =d=/=t=.

Тюркской форме =duq (якут.=ta/=tag) близка тунгусская (особенно негидальская) глагольная форма на =dig, что, по мнению Г.И.Рамстедта, доказывает их тождественность /69, с.139/. Многие алтайсты поддерживают эту гипотезу. Однако Г.Д.Санжеев считает предположение Г.И.Рамстедта маловероятным в силу того, что в монгольских и тюркских языках отсутствует вторичная глагольная основа на =d=/=t=, а попытку разложить на составные части монгольский =day и тюркский =duq (и негидальский =dig) не увенчавшейся успехом /77, с.134/.

Многократное причастие обозначает такое действие, которое является обычным, постоянным для данного предмета в течение какого-то отрезка времени в настоящем или прошлом, что определяется вспомогательным глаголом или глагольной связкой. Иными словами, само по себе это причастие указывает лишь на характер протекания действия, его частоту или постоянство, т.е. имеет видовое значение многократности.

В предложении многократное причастие употребляется в качестве определения и сказуемого.

Будучи определением, оно характеризует предмет (действующее лицо) с точки зрения действия, совершающегося обычно, часто, постоянно, например: Kökedeg Toytaga=a Bojur=a keger-e= үүи й=а /AT I, с.55/ 'Этот Тогтага, который всегда пугается, находится, должно быть, в Богура-кэгэре; Jamiq=a uabdai kel-

etü /qudal olkiyan/ bölige /AT I, с.125/ 'Джамуха был злоречивым болтуном (букв. с языком, имеющим обыкновение двигаться)'.

В качестве сказуемого это причастие употребляется с глаголом-связкой үүчи/ үүши(нам встретились примеры только с этой связкой); например: Ejen=iyen ešine inggejü uabüju kūcün= iyen öggüdeg үүчи /AT I, с.101/ 'Так-то /ты/, идя впереди своего хана, отдаешь /ему/ свои силы?'. В этом предложении сказуемое öggüdeg үүчи обозначает такое действие, которое совершается обычно, постоянно. Связка үүчи указывает на настоящее время с модальным значением достоверности, убежденности в сказанном с оттенком иронии.

В приведенном ниже отрывке текста ряд многократных причастий в сочетании со связкой үүчи, выполняющих функцию сказуемых, обозначают действия настоящего расширенного времени; эти действия, обычные, постоянные, являются как бы присущими действующему лицу. Вопросительная форма связки үүчи со значением убежденности, категоричности высказывания придает каждому предложению окраску эмоциональной приподнятости: Buruyu jöb qoyer-i ilyaday ügei үүчи či. Bulunggir ügei dalai-yi ömcirkedeg biyuu či. Boyda ejen=i qayirai-yi kögergedeg biyuu. Bolul ügei nadasluy-a üge temečiged biyuu. Qamiy-a ügei ügen=dü ayurladay biyuu. Qas yeke dalai-yi qaramladay biyuu. Qan ejen=i man-i qayirai-yi ömcirkedeg biyuu. Qariqu ügei mayu nadaluy-a üge temečideg biyuu. Onon mörin=i qoboyun=iyar sirgedeg үүчи. Oytaryui-yin solongy=a=yi yar=iyar bariday biyuu. Eder mören=i elesü=ber boyoday biyuu či. Erdemtü sayin kümün=i namayi sanayabar činedeg biyuu /AT II, с.9-10/ 'Разве не различаешь ты правду и ложь? Не считаешь ли ты незамутненное море собственностью? Не хвастаешь ли милостью богда-владыки? Не состязаешься ли ты со мной, несовершеннолетний? Не негодуешь ли при любом слове? Не посиягаешь ли в жадности на великое яшмовое море? Не хвастаешься ли милостью хан-государя? Не споришь ли ты злобно со мной, безответственный паршивец? Реку Онон ты ведь бадьей осуашаешь! Не хватаешь ли ты рукой радугу в небе? Не преграждаешь ли ты меня, человека почтенного и обладающего знаниями?'

Причастие прошедшее неоконченное

В монголоведении это причастие называется также причастием настоящего времени. Мы сохраняем термин, предложенный в свое время Ал.Бобровниковым /16, с.136-137/.

Суффиксом этого причастия является =y=a/=g=e, происхождение которого связывается с тюркским суффиксом деепричастия =a /127, с.85-86 ; 41, с.302-304/.

В положительной форме это причастие обозначает действие, начало которого относится к прошлому и которое продолжает существовать в последовавшем за этим прошлым каком-то отрезке времени ; например: Е̄jen moyirsay=a а̄juu /АТ П, с.51/ 'Государь еще, /оказывается/, почивал'(т.е. продолжал еще спать). В этом предложении причастие niyirsay=a указывает на то, что действие, начавшееся в прошлом, еще продолжалось в тот момент, о котором идет речь. При этом наличие связи прошедшего времени а̄juu показывает, что действие это является прошедшим по отношению к моменту речи. Действие в целом представлено как длительный процесс.

Однако положительная форма данного причастия в предикативной функции встречается редко. Чаще употребляется отрицательная форма с частицей dui/edüi/edüküi, например: Е̄jen minu ј̄ев qadayadui bile /АТ I, с.101/ 'Государь, /я/ еще не пристегнул /колчан со стрелами/'. В таких случаях это причастие обозначает, что действие еще не произошло, но его совершение ожидается.

Отрицательная форма этого причастия нередко употребляется и в обстоятельственной функции. Тогда она может обозначать:
а) действие, не совершившееся в прошлом, например: Buyan Se-čen qayan=i köbegün Mangyus tayiji qan orun sayuyadui nög-čibe /АТ II, с.185/ 'Сын Буян Сэчэн-хагана Мангус-тайджи скончался, еще не сев на ханский престол' ; б) еще не совершившееся, но ожидаемое, например: Činggis qayan=i bosuy=a edüi orun do-tura bükü=dür ... /АТ П, с.41/ 'Когда Чингис-хаган, еще не вставая, находился в постели ...'; в) как ожидаемое, но прерванное каким-то другим действием, например: Ogelen eke=yi dong-yaduy=a edüi Börte üjin ögülerün /АТ I, с.66/ 'Матушка Огэлэн еще не промолвила и слова, как Бортэ-уджин сказала ...'; г) или еще не совершившееся в какой-то момент прошлого, когда уже имело место другое действие, например: Čayadai čimai=yi törüge edüi olan qaračus=i quray=a edüi qan ečige=dür čimu kükün öggür=ün bi /АТ П, с.63/ 'Когда ты еще не родился, Чагадай, и еще не собрал народ, я уже служил твоему отцу'.

Отрицательная частица edüküi иногда оформлена показателем местного падежа edüküi=e, например: Quildar yaran=iyan ana=j=a edüküi=e . . . görögésün=dür dobtulqu bolun ügdere=jü nögcibe /АТ I, с.136/ 'Когда рана еще не зажила, Хуйлдар погнал-

ся за антилопой, рана/ обострилась и /он/ скончался' ; Činggis qayan=i dongyudu=a edüküi=e / ögüleküi=yin urida / Börte üjin orun dotura öndeyijü sayuji ... /АТ П, с.41/ 'Не успел Чингис-хаган сказать, как Бортэ-уджин, лежавшая /в постели/, приподнявшись села'

В отрицательной форме это причастие выступает и в определяющей функции. В таком случае оно характеризует предмет с точки зрения еще не совершившегося действия, но которое должно произойти, например: Namai=yi kürüge edüi irgen=dür kürügei.

Qamtu=a edüi irgen=i qamtuai /АТ П, с.88/ 'Пусть дойдет до народа, до которого еще не дошел я! Пусть соберет воедино еще не собранный народ!'

Иногда эта форма употребляется и в качестве прямого дополнения и имеет субстантивированное значение, например: Üjedüi=yi üjegülügči /АТ П, с.128/ 'Позволяющий увидеть еще не виданное'.

Деепричастные формы

Деепричастие – одна из самых распространенных глагольных форм в монгольских языках. Высокая частотность употребления, исключительное разнообразие форм, значений и синтаксических функций ставят деепричастие на первое место среди других глагольных форм (повелительно-желательных, изъявительных, причастных).

В предложениях деепричастия образуют различные по содержанию деепричастные обороты, участвуют в создании аналитических глагольных форм, служащих для выражения видо-временных и модальных значений.

Деепричастия объединяются общим признаком формальной неизменяемости. Будучи образованными от глагольных основ посредством суффиксов, деепричастия предстают как законченные, далее неизменяемые глагольные формы (исключение составляют только частицы личной и возвратной притяжательных форм, которые могут следовать после ряда деепричастий группы П).

В отличие от изъявительных и причастных глагольных форм деепричастия являются формой "незаконченной предикации", потому что сами по себе они не способны выражать отношение действия к моменту речи, а следовательно, время совершения обозначенного ими действия зависит от времени заключительной глагольной формы, т.е. от собственно предикативных форм. Не имея категории времени, самостоятельного временного значения, деепричастия в этом отношении зависят от управляемых глаголов /77, с.228 ; 39, с.474/.

Однако лишенные категории времени деепричастия обладают относительным временным значением, выражая время не по отношению к моменту речи, а по отношению ко времени заключительного глагольного сказуемого. О выражении относительного глагольного времени как общем признаке деепричастий писали многие лингвисты /69, с. 138–139; 84, с. 175; 77, с. 228; 85, с. 36/.

Итак, если в собственно предикативных, изъявительных глагольных формах временные значения находятся в прямом отношении с моментом высказывания, то в деепричастиях эти отношения всегда опосредованы через значение заключительного глагольного сказуемого.

Но это вовсе не говорит о том, что временные значения деепричастных форм всегда совпадают с таковыми заключительного глагольного сказуемого. Они могут быть и нередко оказываются разными.

В зависимости от формы деепричастия, семантика его глагольной основы, а также семантики глагола, с которым деепричастие связано, характер совершения выраженного деепричастием действия бывает различным по отношению к действию заключительного глагола: это действие может предшествовать, быть синхронным или следовать после действия глагола, к которому относится деепричастие.

Будучи глагольной формой, деепричастия обладают и другими глагольными категориями, такими, как вид, модальность. Однако, как и временные значения, эти категории не выражены в самих деепричастиях, а оказываются всегда опосредованно зависимыми либо от вспомогательного глагола, либо от заключительного глагольного сказуемого.

Трудно согласиться с мнением некоторых исследователей, что в монгольских языках сама деепричастная форма, т.е. деепричастные суффиксы, например =ж (соединительное деепричастие), =ад (разделительное деепричастие) и др., выражают категорию вида; см. /99, с. 66, 87/. Мы придерживаемся той точки зрения, что видовые значения передаются этими деепричастиями в сочетании с вспомогательными глаголами и глаголами-связками. Подобно значениям временным, отмечаемым в деепричастиях, их модальные значения являются также относительными и находящимися в определенной зависимости от модального значения глагола-сказуемого /84, с. 300–301/.

Аналитические конструкции, состоящие из деепричастия и служебного глагола-модификатора, служат для передачи способа и характера протекания действия. При этом в роли служебного глагола-

модификатора часто выступают полнозначные глаголы с той или иной степенью утраты своего вещественного значения.

В таких конструкциях деепричастная форма несет основное лексическое значение. Глагол-модификатор же, утрачивая полностью или частично свое лексическое значение, грамматикализуется, и вся конструкция предстает как нечленимое единство, передающее грамматическое значение всего комплекса.

По своему происхождению, структуре и семантике деепричастные формы неоднородны. В монголоведении их обычно делят на две группы: I – сопутствующие и II – обстоятельственные. Считается, что сопутствующие деепричастия (соединительное, слитное, разделительное) сопровождают действия управляющих глаголов, а обстоятельственные (условное, уступительное, целевое, продолжительное, цитатное и др.) указывают на обстоятельства, при которых совершаются действия тех же управляющих глаголов /73, с. 77; 77, с. 227; 28, с. 272; 4, с. 215–222/.

Однако, если название обстоятельственные в какой-то мере отражает значение и функции группы II, то название сопутствующие вряд ли соответствует всему многообразию значений и функций деепричастий группы I, так как в предложениях они обозначают не только действия добавочные, сопутствующие, предваряющие или дополняющие главное действие, переданное заключительной глагольной формой, но и действия вполне самостоятельные и независимые, не являющиеся сопутствующими главному. Поэтому мы называем их деепричастия I и деепричастия II.

Между деепричастиями этих двух групп имеются существенные различия. Деепричастия I более глагольны по своему значению. Это ярко выраженные типы глагольных форм, тогда как деепричастия II имеют более именной характер, обладая некоторыми признаками причастий. Доказательством последнего может служить способность многих из них принимать после себя частицы личной и возвратной притяжательных форм, что абсолютно исключено для деепричастий I. Деепричастия II, кроме того, в большинстве случаев выражают обстоятельственные значения времени, цели, образа действия и т.п.

Памятники монгольской письменности XIII–XIV вв. свидетельствуют, что деепричастия I употребляются в них как уже вполне сформировавшаяся категория слов, сохранившаяся в том же виде и в современных монгольских языках. Правда, отсутствие более ранних письменных монгольских памятников не дает возможности определить время их появления в языке и установить с полной определенностью, к каким грамматическим формам они восходят.

Что же касается деепричастий II, то те же памятники показывают, что далеко не все деепричастия этой группы употреблялись в древности. То, что структура суффиксов некоторых из них весьма прозрачна, как, например, суффикс уступительного деепричастия *ъа* из *=ба* (изъявительная форма глагола настоящего времени) + *чи* (усилительная частица) или суффикс продолжительного деепричастия *узыаг* из *=уза-* (усеченная форма причастия прошедшего времени) + *=яг* (показатель орудного падежа), говорит о различии природы и путей образования этих деепричастий по сравнению с деепричастиями I.

Следует отметить, что некоторые деепричастия II, распространенные в современных монгольских языках, отсутствовали в древнем и классическом монгольском языках (например, деепричастия на *=нгаа*, *=нгуут* и др.). Это свидетельствует о их более позднем появлении и о том, что разряд деепричастий II не так стабилен, как деепричастий I.

Обладая большей долей предикативности, деепричастия I в сочетании со служебными или вспомогательными глаголами выступают в качестве заключительного глагольного сказуемого, тогда как деепричастия II, за малым исключением, такой способности не имеют.

Материалы «Алтан тобчи» показывают, что в ряде случаев действия, выражаемые деепричастиями I, не являются ни добавочными, ни второстепенными по отношению к какому-либо другому действию, что они вполне равноценны действию, обозначенному в заключительной глагольной форме. В этом плане вполне уместно замечание П.Н. Переовщикова, исследовавшего удмуртские деепричастия, которое гласит: «При описании особенностей деепричастия, видимо, надо говорить не столько о добавочном действии, сколько о том, что деепричастие выражает такое действие, которое непременно имеет отношение к другому действию, однако это отношение не обязательно зависимое» [61, с.11-12].

Деепричастия I образуют деепричастные обороты с различной степенью зависимости от основного глагола-сказуемого. В некоторых случаях они, имея свой собственный источник действия, свой субъект, выраженный именем в именительном падеже, стремятся освободиться от своего зависимого положения по отношению к основному глаголу-сказуемому, чего не наблюдается у деепричастий II.

Образуя деепричастные обороты, деепричастия I не управляют (за очень редким исключением) родительным падежом, тогда как деепричастия II управляют им.

В количественном отношении как в языке «Алтан тобчи», так и в современном более употребительны деепричастия I [8, с.83-93].

Деепричастия I

Соединительное деепричастие

Суффиксом соединительного деепричастия является *=жү/=чи*, который Г.Д. Санжеев возводит к **джу < *джи < *д^Ч/=*д*. Соответствие ему имеется в тюркских языках [77, с.127, 141; 69, с.117].

В языке «Алтан тобчи» это самая распространенная из всех зарегистрированных в памятнике деепричастных форм. Соединительное деепричастие употребляется в различных функциях и значениях и имеет различную степень смысловой зависимости от основного глагола-сказуемого. Синтаксические функции и смысловая зависимость этого деепричастия от глагола-сказуемого во многом определяются контекстом, лексическим значением как деепричастия, так и заключительного глагола.

Обозначая действие, предшествующее действию, обозначенному заключительной глагольной формой, соединительное деепричастие выступает в предложении в качестве однородного сказуемого, например: Ta egün-i üdter öbciy sir=a [AT I, с.97] 'Вы его быстренько освежуйте и зажарьте'; Tegün-i qoyina uquayap=ı oi kemekü idegen yarçu basa kū ügei bolbai [AT I, с.27] 'После того появилась пища под названием "ухагану ой" и также исчезла'. В этих предложениях деепричастия *öbciy* 'свежая' и *yarçu* 'появившийся' выражают действия, которые по своей объективной значимости такие же равноценные и важные, как и обозначенные заключительными глагольными формами. Их нельзя считать второстепенными, потому что они не дополняют и не поясняют главные действия, а являются однородными с ними. Однако в grammatischem отношении (в выражении времени, наклонения, лица) они находятся в непосредственной зависимости от заключительной глагольной формы. Поскольку деепричастные формы не имеют grammatischesких средств выражения предикативности, поскольку они не могут быть названы однородными сказуемыми в полном смысле этого слова.

В первом предложении заключительная глагольная форма *sir=a* 'зажарьте' обозначает действие, которое совершится в будущем. Оно выражается повелительной формой глагола 2-го л. Через данную глагольную форму grammatische категории времени, числа, лица

распространяются и на действие, переданное деепричастной формой. Однако, будучи отнесенными к плану будущего времени, действие, обозначенное деепричастием ööciňü, предшествует действию, выраженному заключительной глагольной формой, так как козел, о котором идет речь, сначала будет освежеван, а потом зажарен.

Во втором предложении действие, обозначенное финитной глагольной формой, уже совершилось в прошлом (ügei bolbai – форма прошедшего времени изъявительного наклонения). Действие, выраженное деепричастием uarcı, также относится к плану прошедшего времени. Но это действие предшествует ему. Оно совершается раньше действия заключительной глагольной формы, что видно из контекста: пища сначала появляется, в течение какого-то времени ею питаются живые существа, после чего она исчезает.

Соединительное деепричастие может передавать и ряд последовательно следующих друг за другом действий, например: Eaır buri man=dur irejü nyusun=ečegeñ ögđü, ösüg umdayan işju odutu /AT II, c.14-15/ 'Каждый день он приходит к нам, отдает часть своих уток, пьет кумыс и уходит'. В этом предложении действия, обозначенные деепричастием, совершаются последовательно одним действующим лицом, они однородны по своей функции и равноценны, т.е. независимы друг от друга, по своей объективной значимости. Все они совершаются в плане одного грамматического времени, указанного в заключительной глагольной форме, хотя каждое из действий в плане этого грамматического времени предшествует последующему: приходит, отдает, пьет, уходит.

Сохраняя лексическую независимость в качестве однородных членов предложения (однородных сказуемых), деепричастия в grammatischem отношении, в частности в плане выражения grammatischer Kategorien времени, полностью подчинены финитной глагольной форме, так как только в последней выражаются grammatische Kategorien времени, интонация сообщения и законченности речи как в сказуемом всего предложения.

Кроме того, в предложении соединительное деепричастие может обозначать действия, уточняющие или поясняющие действия, выраженные как финитной глагольной формой, так и другими деепричастными и причастными формами. В таких случаях они выполняют роль разного рода обстоятельств образа действия. В обстоятельственной функции соединительное деепричастие является зависимым членом предложения, отношения и связи которого с характеризуемым действием определяются в большой степени контекстом, лексическим значением самого деепричастия и той глагольной фор-

мы, которую оно определяет, например: Jürken=eče nigen em=e kümüm doyulju ireged Jödeki dörögë=yi oytalju abču odıqu-iyi Belgütei üjeged tere em=e=yin Köl=i quyu tasiju orkiba /AT I, c.77/ 'Бэлгутэй, увидев, как от джуркинцев подошла прихрамывая какая-то женщина и, срезав стремя, пошла, перебил ей ногу'. Деепричастие doyulju 'прихрамывая' относится к следующему непосредственно за ним разделительному деепричастию ireged 'подошедши' и характеризует обозначаемое им действие с точки зрения того, каким образом это действие происходило. Аналитическая форма oytalju abču 'срезав' (букв. отрезав взяв) определяет действие, выраженное причастной формой odıqui 'отправиться', указывая на время совершения этого действия: отправилась после того, как срезала. В предложениях: Tömüçin Qasar qoyayula ger=tür=iyen irejü Üjin eke=dür ögülerün /AT I, c.35/ 'Тэмүчин и Хасар, прия домой, сказали матери Уджин'; Tendeče Sengür yoruqan=aça negüjü Kerülen mören=ü terigün Bürgé Ergi=dür nutuylan bayuji Jotan eke=yin setkil (emüsgel) kemem qara bulyan daqu emüsgejü bölige /AT I, c.48/ 'Когда уезжали (букв. уезжая) с речки Сэнкур и расположились кочевьем (букв. расположившись остановившись) на Кэрулэнэ у подмытого водоворотом яра Бурги-Эрги, то Бортэ-уджин/, сказав: «Это свадебный подарок от матушки Цотан», – велела одеть доху из черного соболя» – деепричастия irejü 'прия', negüjü 'кочуя', 'уезжая', аналитическая форма nutuylan bayuji 'расположившись остановившись' обозначают зависимые действия, характеризующие последовавшие за ними действия по времени их совершения: сыновья обращаются к матери после того, как пришли к ней; подарок был преподнесен после того, как откочевали из одного места и расположились на другом.

Равным образом действие, выраженное соединительным деепричастием, может характеризовать последующее действие, указывая причину его совершения, например: Oruju kebtejü üjegdekü=eče auyju usun=u qargi=dur gedergü kebtejü bayu=ban usun ıruyu urusqajü, niyur=iyän ile kebtebe /AT I, c.40/ 'Опасаясь быть замеченным, лег навзничь в заводи; /он/ лежал лицом вверх, пустив плыть вниз по течению свою шейную колодку'; Ogedei ögülerün erte irekü bölige bi. Jayura qurim=id jolyaju udaba /AT II, c.37/ 'Огэдэй отвечал: «Я должен был прибыть рано. По пути встретил пирующих и задержался». Деепричастие auyju 'боясь, опасаясь' (в первом предложении) относится к соединительному деепричастию kebtejü 'лежа' и характеризует его с точки

зрения причины: лег, так как опасался быть замеченным людьми, разыскивающими его. Во втором предложении те же самые причинные связи выражены деепричастием *ʃolyaʃü* 'встретившись', которое ставится непосредственно перед определяемой им финитной глагольной формой – задержался, потому что встретил в степи пирующих людей, а закон, долг гостеприимства не позволял проехать мимо.

Соединительное деепричастие может передавать и действие с уступительным значением, указывая на то, что другое действие совершается (или при наличии частицы отрицания не совершается), вопреки или несмотря на предшествующее действие, обозначенное соединительным деепричастием, например: *Eðüge basa Torgaŋ Sira namayi üʃeʃü šüʃü jiyan odba* /*Torgiba*/ AT I, c.41/ 'Вот и сейчас Торган Шира заметил меня (букв. меня видя), но проехал /мимо/, не выдав /меня/'; *Torgaŋ Sira=yin alam=dur kürtele üʃeʃü ese olju..* /AT I, c.42/ 'У Торган Шира осмотрели (букв. осматривая) юрту, повозки, вплоть до исподов сидений, но не нашли...'.

Иногда соединительное деепричастие в позиции перед заключительной формой глагола имеет целевое значение, например: ... *Belgütei=yi ilegeʃü, Boyorči=yi nöküße=e kemen uriʃü ilegebe* /AT I, c.48/ 'Тэмучин послал Бэлгутэя пригласить Бонгогчи в товарищи, сказав ему: «Подружимся-ка».

Кроме того, соединительное деепричастие с относящимися к нему словами образует деепричастные обороты, являясь их органическим ядром. В таких случаях оно служит широко распространенным средством связи частей сложного предложения.

Имея свой собственный источник (субъект) действия, эти деепричастия функционально более свободны и независимы по отношению к заключительному глаголу-сказуемому. Они выступают в качестве сказуемого полупредикативного оборота /8, с.83-93/.

Степень самостоятельности таких оборотов разная. Она зависит как от семантического содержания главного деепричастия, так и от синтаксической функции оборота в целом. Одни из них имеют в той или иной степени подчинительный характер, другие более независимы в своем значении. Например, в предложении: *Ede ber Tömüčin Toyoril ſiy=a Gembüʃü ta, čerig=üd=iyen ja-sayad kü morilan jiči neyileldüʃü tanildüʃü* /*Jamuq-a ögülerün* /AT I, c.58/ 'Они – Тэмучин, Тогорил и Джига Гэмбу – также выстроили свои войска в боевом порядке; /когда/ сойдясь узнали друг друга, Джамуха сказал ...' – указаны два самостоятельных источника действия: с одной стороны, это – Тэмучин, Тогорил и

Джига Гэмбу, выстроившие свои войска и готовые к бою, с другой – Джамуха, произносящий речь, когда стороны приблизившись узнают друг друга. Все имена, обозначающие субъектов действия, оформлены именительным падежом, но первая часть предложения – деепричастный оборот, заканчивающийся деепричастиями *neyileldüʃü tanildüʃü* 'сблизившись узнав', в целом имеет подчинительный характер, указывая на время действующего лица в главном предложении: Джамуха произносит речь после того, как стороны приблизившись узнают друг друга.

Большую зависимость, на наш взгляд, проявляют обороты с соединительным деепричастием, когда они имеют причинно-временной характер по отношению к действию, обозначенному заключительным сказуемым, например: *Inanča čerig=üd ilegeʃü jiči Ong qayan yurban balayad bidun ſorijü, qara kitadun gür qayan=dur oduysaŋ aʃju* /AT I, c.112-113/ 'Инанча послал войско, тогда Онг-хаган ушел к хара-китадскому гур-хану, прорвавшись через три города'. Здесь обе части предложения: деепричастный оборот и главная часть имеют собственные субъекты действия, выраженные именами в именительном падеже. Деепричастный оборот *Inanča čerig=üd ilegeʃü* 'Инанча послал (букв. посыпая) войско' выражает логически вполне законченную мысль. Эта законченность подкрепляется и наличием союза *jiči* 'тогда', которым начинается вторая часть предложения. И только грамматическая несамостоятельность соединительного деепричастия, отсутствие средств выражения предикативности, соотносительность в плане выражения грамматической категории времени указывает на формальную незаконченность предложения.

Наиболее самостоятельны деепричастные обороты в тех случаях, когда предложение с двумя и более источниками действий сочинительное, например: *Tömüčin dörbeʃü ayisquq /iregzeŋ/ irgen=dür Börte Börte kemen dayudaʃü yabuqui=dur učirəʃü Börte üʃin tede dörbegülčin irgen=dür bükü Tömüčin=i dayu sonuscu, taniju tergen=eče bayuyad yuuiju ireʃü, Börte üʃin Qonoyčin qoyar Tömüčin=i ſoluy=a bulbuçur=ača barijuqui* /AT I, c. 59/ 'Когда Тэмучин проезжал среди беженцев и звал: «Бортэ! Бортэ!», – /он/ встретил /ее/. Бортэ-уджин, услышав голос Тэмучина, узнала его среди беженцев (букв. вынужденных бежать людей) и, соскочив с телеги, подбежала; Бортэ-уджин и Хоногчин вдвоем ухватились за поводья /коня/ Тэмучина'. В этом сложном предложении два деепричастных оборота, главными деепричастиями которых являются

үčiraju 'встретив' и учуји irežü 'подбежав'. У каждого из этих оборотов свой собственный источник действия, свое грамматическое подлежащее – имя в именительном падеже. Предложение в целом сочинительное, а обороты самостоятельны в смысловом и функциональном отношениях. События развертываются так, что действия, обозначенные в деепричастных оборотах, происходят почти одновременно следя друг за другом: Тэмучин встретил (үчирaju) жену, но и она уже узнала его по голосу и подбежала к нему (учуји irežü), ухватившись вместе со служанкой за поводья его коня. Каждый из этих деепричастных оборотов при наличии грамматически оформленного глагола-связки мог быть самостоятельным предложением.

Со связками и служебными глаголами соединительное деепричастие выполняет функцию глагольного сказуемого: деепричастие обозначает конкретное действие, а связка или служебный глагол грамматически оформляет сказуемое, придавая глагольному сочетанию видовременные или модальные оттенки.

При выражении видовременных оттенков существенны как лексическое содержание деепричастия, так и степень абстрагирования значения служебного глагола: в различных сочетаниях степень абстракции будет различной.

Служебные глаголы можно подразделить на два вида: полностью грамматикализованные и частично грамматикализованные. Первые выполняют исключительно служебную функцию. Они характеризуются отсутствием функциональной раздвоенности и употребляются только в роли глаголов-связок. Наряду с утратой лексического значения заметно ослабление их временных значений. Вторые употребляются как самостоятельно, так и в служебной функции с той или иной степенью утраты своего лексического значения.

К служебным глаголам полной грамматикализации относятся некоторые формы глаголов а= и ѿ=/үй= 'быть'. Эти глаголы прошли сложный путь в своем развитии и претерпели большую эволюцию в семантическом плане, прежде чем превратиться в глаголы-связки. Подробно об этих глаголах см.: /77, с.76-82 ; 58, с.54-100/. К ХУЛ в. они уже утратили свое лексическое значение и функциональную самостоятельность и стали употребляться как служебные элементы, указывающие на видовременные и модальные оттенки.

В сочетании со связкой ами/ами (форма настояще-будущего времени от глагола а= 'быть') соединительное деепричастие может передавать действие настоящего времени со значением про-

должительности, длительности его в плане этого настоящего, например: ... eke inu nabtaraqai nekei debel-tei jegün egüde-ber yaruyad busu kümün=e ögüler=ün, köbegüd minu qad bolya-ju kemegdemüi. Bi ende mayu kümün=dür učaraju amu /АТ I, с.62/ 'Мать его в рваном овчинном тулупе, выходя через левую дверь, сказала постороннему человеку: «Говорят, сыновья мои ханами стали, я же здесь замужем за простолюдином!». Связка ами придает действию, выраженному деепричастием үчагаји 'выйдя замуж', характер продолжительности, длительного пребывания в данном состоянии. Действие предстает как когда-то начавшееся и длящееся на данном отрезке настоящего времени «находясь в замужестве» Qayan yakin eyin kilingležü amu /АТ II, с.82-83/ 'Хаган, почему ты так сердишься?' В этом предложении сочетание kilingležü ами передает состояние, в котором пребывает субъект в настоящий момент.

Аналогичное сочетание (=žü + ами) может указать на продолжительность совершающегося действия, например: Qayan tendeče öbésüben ūježü gežü ūjeged ögülerün, eyimü yal bolusa tngri=yin odu yažar=tu үауцији ами /АТ II, с.138/ 'Хаган пожелал сам посмотреть оттуда, а увидев, сказал: «Если увидят столько огней, то подумают, что звезды с неба спускаются на землю». Здесь сочетание үауцији ами обозначает действие с оттенком длительности и незавершенности, как процесс, неограниченный во времени.

В контексте сочетание =žü + ами может выражать действие, отнесенное к плану прошедшего времени, например: Tngri=yin erke kükün=iyer Mongyol Töbed Kitad-i erke=dür=iyen oruyulžü Sečen qayan Pagsba lam=a=yiun ači=bar sajin=i delgere-gülžü ами /АТ I, с.183/ 'Силой и волей Неба подчинил своей властью Монголию, Тибет и Китай ; Сэчэн-хаган благодаря Пагба-ламе распространил религию'. В этом предложении действие показано как происходившее в прошлом с оттенком его завершенности. Это, возможно, объясняется ослаблением временного значения в связке ами и преобладанием в ней видового значения продолжительности /ведь религия распространялась не как единовременный акт, а как длительный процесс/.

Со связкой ауу (форма настояще-будущего времени от глагола а= 'быть' с модальным значением достоверности, убежденности в совершающем действии) соединительное деепричастие обозначает продолжительное действие с оттенком полной уверенности в его наличии или осуществлении: Činggis qayan ögülerün, dayisun=a

yabuysan kümün alaysan=iyan dayisurguuyaysan=iyan beye=ben ni-yuju kele=ben buçağı ayu / ögüleyü / (АТ I, с.96) 'Чингисхан сказал: «Человек, перешедший на сторону врага, таит /ведь/ в себе свое душегубство и свою враждебность, придерживает свой язык».

Со связкой аյуу (форма прошедшего времени от глагола а=) соединительное деепричастие выражает действие, имевшее место в прошлом со значением длительности и с некоторым оттенком новизны, неожиданности сообщаемого: Tümed irgen=ü noyan Dayida qul Saquri ūkūbeey eem=e inu Botoqoi Tarqun irgen=i mede=jü aյuу /АТ II, с.23/ 'Когда нойан тумэтов Дайдахул Сахури умер, народом правила, /оказывается/, супруга его Ботохой-Тархун'.

Сочетание =ju + böläge (форма прошедшего времени от глагола bö= / bë= 'быть') обозначает такое действие, когда вспоминаются события, имевшие место в прошлом, причем говорящий как бы сам является свидетелем тех событий, в результате чего всему рассказыванию придается экспрессивно-модальная окраска, например: Tende Tömüčin=i tere qurim=dur kilbara keüked=iyer saki-yulju böläge /АТ I, с.39/ 'На том пиру поручили охранять Тэмучина одному слабосильному парню'; Barim Siger=tü Qabiči bayatur=un eke=yin inja eem=e=yi Bodančar tataju böläge /АТ I, с.17/ 'Боданчар взял себе наложницу, которая вошла в его дом вместе с приданым матери Барим Шигэрэту Хабичи-багатура'.

В качестве служебных глаголов, придающих деепричастному сказуемому различные видовые оттенки, употребляются многие знаменательные глаголы, с той или иной степенью ослабленности своего лексического значения. Эти знаменательные глаголы прошли длительный процесс эволюции от полнозначного слова до грамматикализованного служебного элемента. При этом, как уже отмечалось, степень утраты лексического значения и грамматикализации различна не только для разных глаголов, но и для одного и того же глагола: в одних случаях глаголы полностью утрачивают свое лексическое значение, превращаясь в служебные слова, в других становятся более или менее отвлечеными.

Служебная функция частично грамматикализованных глаголов проявляется только в деепричастных сочетаниях, в которых служебный глагол придает всему комплексу характер продолжительности, длительности или завершенности, законченности действия.

В функции служебных глаголов, обозначающих продолжительность действия, длительность процесса, употребляются глаголы

bayi= 'быть, находиться', yabu= 'идти, ехать', sayu= 'сидеть', жить', 'находиться' и др. /АТ I, с.25-70; 9, с.132-135/.

В сочетании с деепричастной формой значение продолжительности действия, придаваемое этими глаголами, переплетается со значениями, свойственными каждому из них.

Сочетание =ju + bayi= указывает на равномерное продолжение обозначенного деепричастием действия в каком-то небольшом по протяженности отрезке времени, например: Ejen iniye=jü bayiba /АТ I, с.101/ 'Государь смеялся'; Ejen qoriylaju ildüben dalayijü bayiba /АТ II, с.95/ 'Государь размахивал своим мечом, запрещая /стрелять/. В приведенных примерах действия происходили в прошлом, что и передано формой прошедшего времени служебного глагола.

Если глагол bayi= указывает на равномерное продолжение действия в небольшом по протяженности отрезке времени, то глагол yabu= придает сочетанию с деепричастием значение действия в движении или продолжительности действия в настоящем или прошлом, что определяется наличием глагольных суффиксов настоящего или прошедшего времени, например: Jingdei qayan=i ta jaγajju yabunam. Tan=dur ülü ŷokiqu man=dur ača gebe /АТ II, с.150/ 'Вы распоряжаетесь Джингдэй-хаганом. Вам он не к чему, отдайте нам'. Действие представлено как продолжающееся в момент речи. В предложении: Untay-san=u qoyna bey=e=ebe gerel yarču yabuba /АТ II, с.150/ 'После того как засыпал, тело излучало (букв. из тела исходил) свет'. Действие происходило в прошлом, причем как длящийся процесс.

Сочетание =ju + sayu= передает значение длительного пребывания, местонахождения где-либо: Mön tere Solongy-a ılus=tur yırbañ ŷıl düte=jü sayuba /АТ II, с.47/ 'В той стране Солонго прошел /задержался/ три года'.

Сочетание =ju + kebte= 'лежать' указывает на затянувшееся действие или положение, в котором пребывает действующее лицо: Norilduy=a kemebesü ülü bolun aryalaju kebteşii /АТ II, с.43/ 'Когда /я/ сказал: «Потягаемся!», - то он не стал и продолжает притворяться (букв.притворяясь лежит)'.

В функции служебных глаголов, указывающих на начальный момент действия, направленность его в определенную сторону, употребляются глаголы: iqe= 'приходить, приезжать'; yag= 'выходить, уезжать', ogi= 'входить', od= 'отправляться' и др.

Сочетание =ju + iqe= выражает значение направленности действия в данную сторону, а также то, что действие, начавшись, заканчивается или приближается к концу, например: ... ayan biyurlaju /mordaju/ Cui mören=e güyicəjü miqudyaju /daraju/

irebe /AT П, с.20/ '... отправившись в поход, догнал их и прижал к реке Чуй'; *Tere negjigül bayuju irebe* /AT I, с.43/ 'Производившие обыск спустились [с телеги]'; *Sigi Qutuy=i ejen=i bayisan yajar=tur kürtele kögejü irebe* /AT I, с.99/ 'Они гнались за Шиги Хутугом до того места, где находился государь'.

Такое же значение придает сочетанию с деепричастием и глагол *ayis=* 'приближаться, подходить', например: *Tayičiyud metü bayinam tarqaju ayisui gebe* /AT I, с.100/ 'Это вроде тайчицы, и [они] рассеиваются (букв. приближаются рассеиваясь)'.

Сочетание =ju + yar= имеет значение направленности действия откуда-либо, указывает на его начало или законченность, например: *Nigen inu uyaysan mori tayilju abču ireged qan qatun qoyar=i umuyulju Mayin tala=bar dutayaju yarbai* /AT П, с.165/ 'Один из них отвязал привязанных коней, усадил верхом хана и хатун, и [они] бежали через Майнскую степь'; ... *qantu dob tulju oruyad siry=a ayta=tan=i üldejü yarbai* /AT I, с.45/ '[Они] напали вместе и угнали соловых меринов'; *Mörin inu yurban köl=iyer modun qarayiju yarba* /AT П, с.178/ 'Конь его тремя ногами перепрыгнул через большое дерево'.

Сочетание =ju + oru= передает значение направленности действия во внутрь чего-либо, а также указывает на начало действия с нарастающей интенсивностью, например: *Tenggli=ben quayraydaju yabayän=iyar oī=dur kürčü oru=a kemeldütele* ... /AT I, с.51/ 'Сломалась ось телеги, давай побежим до леса пешком', - сказала [старуха]; *Činggis qayan basa ögülerün namayı eyimün bolju kebten bögetele ničügün yakin güyijü oruba či* /AT I, с.92/ 'Чингис-хаган снова сказал: «Как же ты убежал [в стан врага] раздетым, пока я тут вот так лежал?».

Иногда в таком же значении употребляется сочетание деепричастия с глаголом *talbi=* 'класть, ставить', например: *Čiledü auyiju Qardun quba=yuan deledtüged Onan mören ögede ſoyun* /Jorin/ *dutayaju talbiba* /orulduba/ /AT I, с.22/ 'Чилэду испугался и, изо всех сил погоняя своего Хурдун-хуба, бежал по направлению к реке Онон'.

Сочетание =ju + od= придает действию значение законченности или достижения цели действующим лицом, например: *Qonoyčin emegen böger=e alay üker=iyen deledüged üdter=ken nekekü bolun tergen=ü tengqli quyurču odbai* /AT I, с.51/ 'Старуха Хоногчин так гнала своих пегих быков, спеша уехать, что ось тे-

леги сломалась'; *Nigen edür siry=a ayta naiman ger=ün dergede bayiju bükü=dür, degeremčin irejü üjetele degeremedjü odbai* /AT I, с.43-44/ 'Однажды, когда возле юрты находились восемь соловых меринов, грабители высмотрели их и украли'; *Ese ziguisan mayu=yi ende talbiju od* /AT П, с.23/ 'Все плохое, чему не учили, оставь здесь!'.

Сочетание =ju + orki= 'бросать, оставлять, покидать' придает действию значение полной законченности, завершенности, иногда с оттенком некоторой внезапности или резкости, например: *Qabur=un nigen edür ... tabun köbegüd=iyen quriyaju, Čergele-güllü sayulyayad nižiged mösün=i barigulju köbegün quluyuluytun kemen ögesü, köbegün inu quyulju orkiba* /AT I, с.11/ 'Однажды весной собрала ... она своих пять сыновей, посадила их рядом, дала каждому по одному прутику и велела сломать, сыновья сломали'; *Alaju orki ügei bögesü üldejü orkiyasai gebe* /AT П, с.133/ 'Убей его, а если не можешь, прогони', - сказала [она]; *Belgütei ... tere em=e=yin köl=i quyu tasiju orkiba* /AT I, с.77/ 'Бэлгутэй ... перебил ногу той женщине'; *Kitad=un Qong-quu qayan=i köbegün Jayur=a qayan=i bariju küjügün=dür inu öngün tamay=a daruju üldejü orkiba* /AT П, с.126/ 'Он захватил Джагура-хагана сына китайского Хунхуа-хагана, повесил ему на шею серебряную печать и изгнал [в ссылку]'.

Сочетание =ju + ab= 'брать, взять' имеет значение совершения действия в пользу или в интересах действующего лица: *Ede yurban merked erten=ü Ogelen=ü eke=yi Yeke Čiledü=eče buliyaju abuluy=a kemen edüge tere ösil ösin ıregsen ajuu* /AT I, с.52/ 'Эти трое меркитов пришли отомстить за то, что раньше у Еке-Чилэду отобрали Огэлэн-экэ'; *Köbegün degüü ner inu čimai=yi bulliyaju abur=a irebei* /AT I, с.109/ 'Твои сыновья и братья пришли, чтобы отбить тебя [у нас]'; *Aq=a inu Buqu qatagi degüü Bodančar=i üjeged taniju abuyad...* /AT I, с.15/ 'Старший брат его Буху Хатаги увидел своего младшего брата Бодончара и узнал его ...'.

Сочетание =ju + ög= 'давать' передает значение направленности действия в чью-либо сторону или совершение действия в интересах какого-либо лица, например: *Tere kümün qayan=iyan yaʃar=tu bolyasan=i ſiyaju ögbe* /AT П, с.148/ 'Тот человек указал врагам/ местонахождение своего хагана'; *Tere kümün irejü Činggis qayan=a ene üge=yi inu ögulejü ögbe* /AT I, с.94/ 'Тот человек пришел и передал Чингис-хагану эти ее слова'; *Ejen alban sayaday=ačayan singyutu jebegen suylju ögbe* /AT I, с.101/

'Государь вытащил [для него] из своего золотого колчана раскращенную киноварью стрелу'; Qayaly=a-čin qayaly=a ese negejü ögbe /AT П, с.121/ 'Привратники не открыли ворот'.

Однако в этом сочетании значение направленности действия или заинтересованности в нем не всегда очевидно. Данное сочетание может обозначать и полную завершенность действия, например Qoyina mongyoljin-i Qosoi Tabunung Temürgen doyag ogižü ögbe /AT П, с.175/ 'Потом вошли монголджины Хойш-Табунунг и Тэмургэн Qangsiyar inu tasu qarbižü ögbei /AT П, с.94/ 'Прострелил птице голову (букв. клюв)'.

При употреблении вместе с модальными глаголами čida= 'мочь', 'уметь', 'быть в состоянии', yadu= 'не мочь', 'не быть в состоянии', bol= 'разрешается', 'можно' или 'нельзя' (с отрицательной частицей) соединительное деепричастие выражает модальное значение возможности или, наоборот, невозможности, затруднительности в совершении обозначенного в глагольной основе действия, например: Tedüi Belgetei abuyad köbčilejü ese čidabai /AT I, с.79/ 'Тогда Бэлгэтэй взял [лук], но не смог натянуть тетиву'; Tayıcıyud bolbau taniju yadaba, merged bısu medejejü yadaba, mongyol bısu bolyajü yadaba /AT I, с.100/ 'Были ли это тайчигуды, не мог распознать, меркиты ли - не мог понять, монголы ли - не мог рассмотреть'; Bodung ögülerün, örlüq qoor=a=tu sičayan sira eriyen moyai bolqu, tegün=dür barižu ülü bolqu, üdedü kürin eriyen bars bolqu, tegün=dür barižu ülü bolqu, üdesi you=a sira köbegün bolju, qatun=luy=a nayadju sayuqu bui, tegün=dür barižu bolqu gejü kelebe /AT П, с.96/ 'Болдун сказал: «Утром превращается в ядовитую пестро-желтую [ползущую] змею, тогда [его] захватить нельзя; в полдень превращается в пестро-рыжего барса, тогда [тоже] захватить нельзя; вечером превращается в прекрасного светловолосого юношу и развлекается со своей хатун, [вот] тогда можно захватить»'

С глаголом mede= 'знать, ведать' соединительное деепричастие имеет значение возможности, предположительности действия, например: Mayu či bolba kóbčilejü medegsei /AT I, с.79/ 'Хотя [лук] и старый (букв. плохой), попробуй[его] натянуть (букв. хорошо бы натянуть)!'.

Слитное деепричастие

Слитное деепричастие образуется путем присоединения к глагольной основе суффикса =и.

По происхождению эта деепричастная форма связана с отгла-

гольными именами на =и. По мнению Г.И.Рамстедта, она относится к древнейшим образованиям и представляет собой отглагольное прилагательное с более или менее сильно выраженным перфектным значением /69, с.91/. Г.Д.Санжеев подвергает сомнению этимологическую связь слитного деепричастия с отглагольными прилагательными и высказывает предположение, что оно «генетически связано с омертвельм ныне причастием настоящего времени на=i*=>j=>n» /77, с.144-145/.

Как отмечает Г.Д.Санжеев, в древнейшем памятнике монгольского языка «Сокровенном сказании» и других сочинениях слитное деепричастие применяется с препозиционной частицей отрицания ülü 'не', характерной именно для чистых глагольных форм /77, с.144/.

Добавим, что эта частица отрицания хотя и употребляется с причастными и изъявительными формами глагола, но в «Алтан тобчи» чаще всего встречается вместе со слитным деепричастием, например: ülü sanan /AT П, с.29/ 'не думая'; ülü uyaşın /AT I, с.89/ 'не останавливаюсь'; ülü kelen /AT I, с.48/ 'не говоря'; ülü odun /AT I, с.44/ 'не заходя'.

Что же касается постпозитивной отрицательной частицы ügei 'не', используемой при именах и причастных формах, то сомнительно, чтобы она употреблялась со слитным деепричастием, ибо в таком случае непонятно, почему при наличии отрицательной частицы ügei именно в этой глагольной форме происходит переход коиничного =i=>=l, например: yabul ügei вм. uayıñ ügei 'не идя'. С нашей точки зрения, форма на=1, употребляемая с отрицательной частицей ügei, иная по происхождению именная форма, не имеющая отношения к слитному деепричастию (об этом см. в разделе "Частицы отрицания").

Значения и функции слитного деепричастия во многом оказываются общими с соединительным деепричастием. Однако есть и некоторые различия. Например, слитное деепричастие часто употребляется для уточнения, конкретизации значения следующей за ним глагольной формы. «Слитное деепричастие, - отмечал А.Бобровников, - показывает, что два действия находятся в такой тесной связи, что составляют как бы одно действие» /16, с.306/.

В таких случаях основы деепричастий имеют близкие, уточняющие друг друга значения, например: ğarčiradai ğamıq=a=yi quyan ergüi=e kewen, ajiřy=a gegü čabčin alažu /adayar/ aman abcü tendeče Ergün=e mörin ırçu nagüjü ... ğamıq=a=da gür=se /quyan ner=e/ ergübei /AT I, с.88/ 'Договорившись возвести Джар-

чирадая Джамуху в хаганы, /они/ дали клятву, рассекая (букв. ру-
бы убивая) с разбега жеребца и кобылицу; оттуда откочевали вниз
по течению реки Эргунь ... и совершили обряд возведения Джамухи
в гур-ханы'; ... *tedüi ejen tolbotu boru morin=iyar=iyar arulan*
dobtulun güiçejü, aldalan telijü ... qarbuju alaba /AT I,
c.97/ 'Тогда государь поскакал (букв. скача догоняя) на своем
сивом с пятнами коне северным склоном горы, растянул лук на са-
жень (букв. раскинув руки, растянул) ... /и/ выстрелив, убил
/горного козла/'; ... *ejen boyda inu ayilatqan öcibe* /AT II,
c.1/ '... Государь соблаговолил изречь (букв. докладывая отвечал)

Слитным деепричастием может быть обозначено и действие
«независимое», однородное с последующим действием, в то же вре-
мя связанное с ним общим смыслом, например: *Tere qayan=u ūy=e=dür törü tübsidjü jiryuyan yeke ulus=iyar engkejin jirayulbai* /AT II, c.179/ 'В период правления того хагана было вели-
кое спокойствие: шесть великих его народов жили в мире и сча-
стье (букв. наступив спокойствие, заставил радоваться)'; *Aliba küssel=iyen qanulčan čenggese* /AT II, c.87/ 'Блаженствуите,
удовлетворяя все свои желания!'; *Er=e ügei ūy=a Maral nere-tü okin=i abču Jad-un yařar=a nutuylan Mongyol obuytan bolba* /AT I, c.67/ 'Взяв /в жены/ незамужнюю девушку Гоа Марал,
обитая в джадынских землях, образовал род монголов'. В послед-
нем предложении действие, предшествующее действию, обозначенно-
му слитным деепричастием, выражено соединительным деепричастием
(*abču*). Действие же, обозначенное слитным деепричастием (*nutuylan* 'обитая') совершается как бы параллельно действию, выраже-
нному заключительным сказуемым - «обитая образовал род монголов».

Подобно соединительному деепричастию слитное деепричастие
может передавать действия, указывающие на различные обстоятель-
ства, при которых совершается действие, выраженное заключитель-
ным сказуемым, например: ... *esen mendü ger=tegen qarijü irekü=dür ejen degere tngri ečige=degen mörgüy=e gejü öndür dobučay degere yarču toqum=iyar delgejü, büse=ben kütügün=degen elgükü¹⁰ ejen jalbarin öcibe* /AT I, c.103/ 'Возвратившись домой в полном благополучии, государь решил по-
клониться верховному Небу, Отцу своему; взойдя на высокий холм,
/он/ разостпал свой потник, повесил на шею свой пояс и произнес
молитву (букв. молясь почтительно говорил)'. Деепричастие *jal-*

barin 'молясь' обозначает действие, дающее представление, как
происходил обряд поклонения Небу. В данном случае значение слит-
ного деепричастия тесно связано со значением заключительной гла-
гольной формы *öcibe* 'почтительно говорить'.

В предложениях, приведенных ниже, слитные деепричастия обо-
значают такие действия, которые показывают, при каких обстоя-
тельствах совершаются действия, выраженные заключительными сказуемыми: *Ober=iyen quba=yuyan unuju ger=tür=iyen ülü odun, ečige eke=dür=iyen ülü ögülen namay=a sayulay=a=ban keger=e talbiju, nökür či mengdejü ayisui* /iregsen/ *ajyuu* /AT I, c.44/ 'Сам же сел на своего каурого и, не заехав домой и не
сказав отцу и матери, бросил в степи свой подойник и бурдук и
сказал /Тэмучину/: «Друг, ты ведь в затруднительном положен. и
(букв. в смятении)»; ... *dürber=ün gigün=iyen ülü sayan talbiysan ajyuu* /AT I, c.91/ '... беженцы оставили своих ко-
былиц недоенными (букв. не подоив оставили)'; *Yisügei bayatur=un üge=yi busu ülü bolyan Menglig odču Deyi Sečen=e ögüler=ün* /AT I, c.31-32/ 'Точно исполняя наказ Есугэй-багатура (букв.
слово не делая другим), Мэнглик отправился к Дэй Сэчэну и ска-
зал /ему/...'; ... *manayar qatqulduy=a kemejü ečijü youl=dur neyilen qonubai* /AT I, c.89-90/ '... решив сразиться завтра,
возвратились и заночевали, присоединившись к главному войску'.

Форма слитного деепричастия может указывать на быструю
смену действий, на то, что последующее действие происходит сра-
зу за предыдущим, например: *Čuu Mergen ergin ineqejü ejen mi-ni jebe qadayadui bile jeben=ečegen ača gebe* /AT I, c.101/ 'Чуу Мэогэн обернувшись засмеялся /и сказал/: «Государь мой, я
еще не приладил наконечники стрел, дай мне из своих»; *Edüge erketü Qormusta qas ayayan=dur rasiyan ariki dügürgen soyog-qabai* /AT II, c.27/ 'Ныне владыка Хормуста, наполнив яшмовую ча-
шу вином рашияны, преподнес /мне/».

Подобно соединительному слитное деепричастие может обозна-
чать и цель совершения действия, выраженного заключительным гла-
голом, например: *Toryan Sira=yin ger=i erin Onan mören öde-de jorčibai* /AT I, c.41/ 'Разыскивая юрту Торган Шира, /Тэмучин/
отправился вверх по реке Онон'; ... *edüge qayan=dur=iyar neyilen edüge irebe bi* /AT I, c.95/ '... теперь я пришел присо-
единиться сейчас (букв. присоединяясь) к своему хагану'.

В обстоятельственном значении используется иногда и парное
сочетание слитного деепричастия. В таких случаях усиливается,
подчеркивается смысл передаваемого действия, а также отмечается

¹⁰ В изданном тексте пропущен глагол *elgükü* 'вешать' .

его продолжительность или ритмичность, например: *Torgyan Sira ögüler=ün, eke degüü nar=iyan erin erin od ese kemegsen üü /ese kelegsen үүчү/* [AT I, с.42] 'Торган Шира сказал: «Разве я не говорил тебе: отправляйся и ищи (букв. иши иши) мать и младших братьев своих?»; *Tümüčin=ü qoyina=ača yeke tergegür=iyen mögüren mögüren ayisur=un /iremüi/* [AT I, с.68] 'Позади Тэмучина по широкой проезжей дороге, идет [бык] и ревет-ревет (букв. идет ревя-ревя)'.

Со связками и служебными глаголами слитное деепричастие, так же как и соединительное, выполняет функцию заключительного сказуемого с теми или иными видо-временными и модальными оттенками.

Если в современном монгольском языке, по наблюдениям Т. Пагвы, слитное деепричастие почти не сочетается со служебными глаголами [58, с.45], то в «Алтан тобчи» такие сочетания встречаются довольно часто. В этом отношении слитное деепричастие не отличается от соединительного.

Так, в сочетании с глаголами-связками ауу, ами слитное деепричастие обозначает действие настоящего времени со значением продолжительности, протяженности во времени: *Bi yadan-gqi kümün bii, minu qodalduju yabun amu kemebiei* [AT I, с.79] 'Я бедный человек, иду и продаю свой лук'; ... *jalqamsiy=tan tay-ičiyud ayisun ayu /irgen amu/* [AT I, с.49] '... приближаются ужасные тайчигуды'; *Eyin yadaju yabun amu* [AT I, с.10] 'Вот так иду и мучаюсь (букв. будучи не в состоянии иду)'. В переложении текста «Алтан тобчи» на современный язык сочетания =n + ами заменены изъявительными глагольными формами; см. [3, с.12, 49].

В «Алтан тобчи» часто встречаются сочетания =n + аյу / аյуу. Сказуемое, выраженное таким сочетанием, обозначает действие, совершающееся в прошлом и имеющее экспрессивно-модальный оттенок некоторой неожиданности, непредвиденности случившегося или же категорического утверждения: ... *Jayura tatar irgen qurimlan ajuu* [AT I, с.31] '... по пути, [оказывается], пировали татары'; *Degüü ner köbegüd inu bayuju tergen=ü qayaly-a negebesü dotura inu qatun kümün sayun ajuu* [AT I, с.51] 'Младшие сыновья сошли [с коней], а когда приоткрыли дверцы [крытой] телеги, то там, [оказалось], сидела госпожа'; *Oi dotur=a nigen kümün čau /čökü/ buyu alaju ebdeged, abid /boyoni/ qabiry=a inu siraju sayun ajuu* [AT I, с.10] 'В лесу сидел (неожиданно встретился) человек, под-

жаривая короткие ребра убитого и освежеванного им изюбря-трехлетки'; *Ene jegüdü=ben kümün=e ülü ögülen ajuu* [AT I, с.29] 'Этот сон свой я [ведь] никому [людям] не рассказывал'; *Kürkirekü kütü arslan ötelbesü kütügün=e=yin nüke sa-kin ajuu. Kölük=üd sayid ötelbesü kümün=ü üge dayan ajuu* [AT I, с.59] 'Когда стареет могучий рычащий лев, он стережет мышнюю нору. Когда стареют кулуки-сайды, они повинуются словам человека'.

Сочетание слитного деепричастия со связкой böläge передает действие, происходившее в прошлом, причем говорящий, как правило, является участником минувших событий, в результате все высказывание обретает характер несомненности происходившего действия: *Nasuda qayan ečige minu ögülen böläge* [AT I, с.37] 'Хаган-отец мой, [ты] всегда говорил [мне]'; *Bi naran saran qoyer=i qarađu üjegden böläge* [AT I, с.29] 'Я видел (букв. смотрел и видел) солнце и луну'; *Tere qurim=i biden=eče Belgütei Jasayad, Jürken=eče Büri Bäke tere qurim=i Jasan böläge* [AT I, с.77] 'От нас на том пиру распорядителем был Бэлгутэй, а от джуркинцев распоряжался Бури-Бокэ'; *Čimbai Čilayun qoyer köbegün inu örü Jırük=ben ebedöö, söni ginji bayuu=yi minu suladyaju qoluuyulun böläge* [AT I, с.41] 'Сыновья его Чимбай и Чулугун в сердце своем посочувствовали мне, ночью ослабили мои цепи и шейную колодку и позволили [так] переночевать'.

Со связкой үүчү слитное деепричастие обозначает действие, совершающееся в момент речи, а также действие, которое вот-вот должно осуществиться с оттенком несомненности или категоричности: ... *mori alayban=iyan dayisugaysan=iyan ülü үүчсан mön Jiyän үүчү* [AT I, с.96] 'Убив коня, ты ведь не скрываешь своей враждебности, а прямо говоришь (букв. указываешь) об этом'; ... *yeke kituy=a=ber=iyan qoyolai=a anu oytulur=a kürkü=dür Taryudai Kiriltuy yeke dayu=bar degüü ner köbegüd=tür=iyen qayilaju keleler=ün, Sirgetü namayı alan үүчү* [AT I, с.109] '... когда поднес свой нож к горлу, чтобы перерезать, Таргудай Кирилтуг громко закричал своим сыновьям и младшим братьям: «Ширгету ведь убивает (т.е. собирается вот-вот убить) меня»'; ... *tere em=e kümün ögülerün, Torgyan Sira=yin ökin bi Qadayana neretü, er=e=yi minu ede öerig=üd bariju alan үүчү. Tö-müčin er=e=yi minu aburatuyai kemen* [AT I, с.94] '... та женщина сказала: « Я дочь Торган Шира, Хадагана. Моего мужа схватили солдаты и собираются убить [его]. Пусть Тэмучин спасет его!»

Со связкой *bui* это деепричастие передает действие, совершающееся в момент речи: ... *uyaun kümün-ü em=e teyin qayilan bui kemən asayur=a iləgebəsü...* /AT I, c.94/ 'Послал узнать ... что это за женщина так плачет'; ... *ker ay=a kemejü eyin kildün /kimüi/ bui ta/* /AT I, c.37-38/ 'Как будем жить, если вы так делаете?'.

В сочетании с *bayi=* слитное деепричастие обозначает равномерно повторяющееся или продолжающееся действие, например: ... *dabayan deger=e ulayan degel=tü em=e kümün Tömüčin kemen yeke dayuyar qayilan uylan bayiqui=yi Činggis qayan sonusču ...* /AT I, c.94/ 'Чингис-хаган услышал, как на холме (букв. на перевале) громко причитает женщина в красном тулупе, зовя Тэмучина ...'; ... *barayun luu=yi jegün luu deyilün bayiqui üjen jegüdülebe* /AT II, c.125/ '... во сне приснилось, что дракона справа побеждает дракон слева'. В этих двух предложениях слитные деепричастия с *bayi=* не являются заключительными сказуемыми, а образуют причастные обороты со своими собственными подлежащими в именительном падеже (*em=e kümün* 'женщина', *luu* 'дракон'). И хотя вспомогательный глагол *bayu=* стоит в форме будущего причастия, время действия определяется ситуацией и контекстом или временем действия заключительного сказуемого. В приведенных примерах оно предстает как длящееся в определенном отрезке времени, обозначенном заключительной глагольной формой.

При парном употреблении слитного деепричастия значение ритмичности, повторяемости действия дополняется значением равномерного его протекания, которое придается служебным глаголом *bayi=* 'быть, находиться': *eber=i minu ača kemən Jämuq=a=yin jüg mörgülen mörgülen siroi sačun sačun bayimui* /AT I, c.68/ 'Рог мой отдаёт - говорит [корова] и бодает-бодает [рогами] в сторону Джамухи и роет-роет землю'.

Сочетание =n + *yabu=* 'идти' обозначает действие в процессе движения или указывает на продолжительное существование его в каком-то отрезке времени: *Qaritan dayisun=luy=a qarbulalduqui=dur qarçayai sibayun metü dobtulun yabu ta* /AT II, c.39/ 'Когда сразитесь стрелами с иноземным врагом, нападайте как ястребы'; *Qanisan eyedüldün yabuqui=dur qasang biruyu metü qanilan yabu* /AT II, c.39/ 'В мире и дружбе будьте дружны (букв. дружи следуйте), как ленивые телята'; *Qamuy mongyol=i Qabul qayan teden yabuba* /AT I, c.20/ 'Всеми монголами управляем [ведал] Хабулхаган'; *Merked=ün Toytoy=a beki=yin köbegün Qudu Selengge jo-*

rin yabuba /AT I, c.90/ 'Сын меркитского Тогтога-бэки Худу устремился к реке Сэлэнгэ'.

Сочетание =n+od= 'отправляться' указывает на направление действия в какую-либо сторону: *Kerülen mören ıgruu erin od-bai* /AT I, c.47/ 'Отправились (букв. разыскивая отправились) вниз по реке Кэрүлэн'.

Сочетание =n+ire= 'приходить' обозначает действие, направленное в данную сторону, а также его завершенность или приближение к концу: ... *Činggis qayan=a Kürelküde bükü=dür ene kelen /üge=yi/ kürgen irebe* /AT I, c.88/ 'Чингис-хагану доставили это известие, когда он находился в Хурэлкуде'; *Qarluuyud-un Arslan qayan Qubilai=dur ilsen irejükii* /AT II, c.19/ 'Харлугудский Арслан-хаган присоединился к Хубилаю'.

Сочетание =n + alda= 'терять, лишаться, утрачивать' передает действие, которое чуть было не свершилось: *Toryan Sira ögülerün, namayı ünesü=ber keyisgen aldaba* /AT I, c.43/ 'Торган Шира сказал: «Ты чуть было не развеял меня в пепел»:

В сочетании с глаголом *čida=* 'мочь, суметь', *yada=* 'не мочь, не уметь' слитное деепричастие обозначает возможность или невозможность осуществления действия: ... *Saraman=i teskin ese čidabasu, olan ulus=i ker jasan čidaqu kemebesü ...* /AT II, c.63/ 'Если не сможем казнить Сарамана, то как сможем управлять множеством людей?'; *Qoyina=ača inu doluyan yurbi dabatala nekejü, güyičen yadaju qariju ireged ...* /AT I, c.22-23/ 'За ним гнались, пока не перевалили семь перевалов, но не могли догнать и вернулись назад ...'; *Eke kilinglečü ayur=iyan darun yadaju jabilan sayuju ...* /AT II, c.37/ 'Мать села, скрестив ноги, не в состоянии подавить свой гнев и возмущение ...'; *Qoyina=ača inu dayaju erüsün /ilayun/ yadajuqui* /AT I, c.52/ 'Шли следом [за Тэмучином], но захватить [его] не смогли'.

Разделительное деепричастие

Суффиксом разделительного деепричастия является =yad=/ged. Г.И.Рамstedt связывает происхождение этой формы с тюркским причастием прошедшего времени на =yač /69, c.140/. Однако Г.Д.Санжеев подвергает сомнению эту гипотезу и высказывает предположение о возможности возникновения монгольского суффикса из =*ya, суффикса причастия настоящего времени, и =*d, значение которого пока неясно, но весьма возможно, что этот *=d обнаруживается в минхэ-монгорском =данан~=дајанан~=дајал и дунсянском =дэ~=дэнэ,

т.е. в суффиксах этого же разделительного деепричастия /⁷⁷, с. 143-144/.

Сфера употребления разделительного деепричастия в «Алтан тобчи» уже по сравнению с соединительным и несколько уступает слитному. На ста страницах текста (с.45-145) разделительное деепричастие встретилось 86 раз, тогда как соединительное 1004, а слитное - 124 раза.

Чаще всего это деепричастие указывает на законченность одного и начало другого действия. При этом промежуток, отделяющий эти два действия, может различаться своей протяженностью от более или менее продолжительного до совсем короткого, например: Činggis qayan kürüged tayičiyud=luy=a qatquldubai /AT I, с.91/ 'Чингис-хаган, прибыв /на место/, сразился с тайчигудами'; Ede irgen=i ničuyad / ničuyuluyad / Činggis qayan yeke čerig mön tende kū qonubai /AT I, с.94-95/ 'Когда вернули (букв. возвратив) этих людей, Чингис-хаган со /всем/ великим войском расположился на ночлег в этом же месте'; Begersen tayisi aba deger=eče medeged kümün=i ilegejü Günji=eče asayurun, čidur=tu siryal mori ali gejü asyaba /AT II, с.155/ 'Бэгэрсэн-тайши на охоте узнал /об этом/ и отправил человека спросить у принцессы: «Где буланый конь в путах?»; Tere üge=dür inu Tömüčin uylayad yarču ſorčiba /одыба/ /AT I, с.34/ 'При этих его словах Тэмучин заплакал (букв. заплакав) и вышел'; Egüden orkiyad ſorčiba /AT I, с.36/ 'Откинув дверь /корты/, /она/ ушли'.

Наряду с этим разделительное деепричастие обозначает и такое действие, которое происходит одновременно с действием, выраженным заключительным глаголом, например, в предложении: Tere qurim=i biden=eče Belgütei jaſayad Jürgen=eče Büri Böke tere qurim=i jaſan böläge /AT I, с.77/ 'На этом пиру от нас распоряжался (букв. распоряжаясь) Бэлгутэй, а от джургэнов распоряжался Бури Бокэ' - нет преемственности действий. Действие, обозначенное разделительным деепричастием, не предшествует действию, выраженному заключительным сказуемым, а происходит в одно и то же время, т.е. оба они относятся к одному и тому же моменту в прошлом.

В контексте разделительное деепричастие может передавать продолжительные, т.е. неоднократно повторяющиеся действия в плане того прошедшего времени, которое выражено в заключительной глагольной форме: Börte činu=a=yin qondur quryuyaluysan görögésün=i mariyaju qarbuju alayad, öber=iyen ber ideged, qarčayai=uyan ber tejiyeged tere on yarba /AT I, с.13/

'Подкрадываясь, он убивал антилоп, загнанных волками в овраг; сам ел (букв. поёдая) и ястреба своего кормил (букв. питая), /так/ прошел год'; Tere söni dülüged yurban edür söni dülijü ger=ÿl oyır=a bolbasu Tömüčin ögülerün /AT I, с.46/ 'Ехали всю ту ночь, /потом/ ехали еще три дня и три ночи и, когда были уже вблизи дома, Тэмучин сказал...'.

Выражая предшествование одного действия другому, разделительное деепричастие может обозначать и противопоставление переданного им действия действию заключительному, например: Tedüi Belgütei abuyad köbčilejü ese čidabai /AT I, с.79/ 'Тогда /лук/ взял Бэлгутэй, /но/ натянуть не смог'; Dörben degü inu abču uuubasu ber aman=dur oruyad qoyolai=dur inu ese ečibei /AT II, с.1/ 'Когда четверо его младших братьев стали пить /вино/, /то хотя и/ вошло в рот, /но/ в горло не пошло'.

Встретился единственный случай употребления разделительного деепричастия со служебным словом sača 'вместе, одновременно': ... Toyoril qayan Jamiq=a=yin ede üges=i kürgegülüged sača, qoyar tümed / tümen čerig=üd / morilabai /AT I, с.57/ 'Тогорил-хаган, как только эти слова Джамухи были сообщены /ему/, отправил два тумена /воинов/'.

Как известно, служебное слово sača / sačayi используется в качестве послелога с именами в совместном или соединительном падежах и с будущим причастием в родительном падеже /⁷⁴, с.212/. Т.А.Бертагаев отмечает употребление данного послелога с формой слитного деепричастия на =н в бурятском языке, связывая этот факт с проявлением признаков причастия в деепричастных формах /¹², с.164,168/.

Подобно соединительному, разделительное деепричастие обраzuет деепричастные обороты со своим собственным субъектом действия. Такие обороты обозначают события, предшествующие событиям, выраженным в главной части предложения, например: ... Yisügei bayatur ögülerün, ene köbegün törüged ene qarabtur si-bayun nigen belge=tü bui gejü ... /AT I, с.26/ '... Есугэй-багатур сказал: «Когда этот мальчик родился (букв. этот мальчик родившись), эта черноватая птица была вещей» (т.е. предзнаменованием); ... bey=e=yin gerel anu ügei boluyad qab qaran-gqui boluysan=dur... /AT I, с.1/ '... свет от их тел исчез и, когда наступила полная темнота ...'; Emegen böger=e alay üker=iyen deledüged üdterken nekekü bolun tergen=ü tenggli quyurču odbai /AT I, с.51/ 'Старуха хлестала своего пестрого быка, /она/ спешила уехать, /но/ ось у повозки сломалась'.

В приведенных примерах субъект действия в деепричастных оборотах (будь то одушевленный или неодушевленный предмет) обозначен именем в именительном падеже. Но это имя может стоять и в винительном падеже, например: Edüge man=i tarqayuluyad eke degüü ner=iyan erin od kemən ögülejü qaribai /AT I, c.41/ «Сейчас наши разойдутся, а /ты/ иди и ищи свою мать и младших братьев», - сказал /он/ и вернулся»; Qurim=u aran=i tarqayuluyad tere kilbar=a keüked kütün=i ginji bayu=bar=iyan ekin=i inu deledüged güyijü Onan=u toyil /oi/=dur orubai /AT I, c.40/ «Когда все праздновавшие (букв. люди пира) разошлись, /Тэмучин/ стукнул по голове этого слабосильного парня своей шейной колодкой и бежал в Ононскую дубраву»; Ong qayan=i iregülüged Činggis qayan Ong qayan qoyar qamtuđju Jamiq=a=yin esergü inu morilay=a kemeldüjü Kerülen mögen uruyu morilar=un /AT I, c.80/ «Когда Онг-хаган прибыл, Чингис-хаган и Онг-хаган, объединившись, решили выступить против Джамухи и направились вниз по реке Кэрүлэн»; Jamiq=a=yi tendeče qariyuluyad uruyud=un Jurčidai uruyud=iyan uduriduyad mangyud=un Quyildur mangyud=iyan uduriduyad, Jamiq=a=aća qayačaju Činggis qayan=dur irebei /AT I, c.76/ «Джамуха ушел оттуда, тогда уругуды под руководством уругудского Джурчидая и мангуды под руководством мангудского Хайлдара отделились от Джамухи и перешли к Чингис-хагану».

Оформление имен субъектов в деепричастных оборотах винительным падежом объясняется во всех приведенных выше примерах тем, что разделительные деепричастия, обозначающие действия, осуществляемые этими субъектами, образованы от основ побудительной формы глагола. Следует отметить, что само употребление этой формы в данных примерах кажется несколько необычным.

Известно, что побудительная форма глаголов в монгольских языках имеет два значения: "заставить /попросить/ кого-нибудь или дозволить кому-нибудь что-либо сделать" /16, c.123/, т.е. действие, выраженное побудительной формой глагола, совершается его реальным производителем не по его собственной инициативе, а благодаря побуждению со стороны других лиц. В наших же примерах отсутствует такое побуждение к действию со стороны какого-либо лица. Получается, что само действующее лицо побуждает себя к действию или позволяет себе совершить действие: гости позволяют себе разойтись (*tarqayuluyad*), Онг-хаган позволяет себе прибыть (*iregülüged*), Джамуха позволяет себе возвратиться (*qariyuluyad*). Вероятно, употребление побудительной формы глагола

объясняется в этих случаях высоким социальным положением действующих лиц, о которых нельзя было сказать просто «прибыл», но «согласился прибыть».

Немногочисленны примеры на сочетание этой формы со вспомогательными глаголами: Ci amin=iyan qariyayad /qurin/ јор-či /уаьч/ /AT I, c.23/ «Ты береги себя (букв. свою жизнь сохранив иди)»; ... jici kümün=e ögülejü ilegeged yadaju öbesüben beyeber odču ögülerün /AT I, c.125/ «/он/ не мог послать другого человека сказать /это/ и отправился лично сам».

В заключение отметим, что между тремя деепричастиями первой группы «нельзя провести такой резкой грани, чтобы одно нельзя было употребить там, где употреблено другое» /16, c.306/. «Очень часто соединительное и разделительное деепричастия в речи употребляются одно вместо другого» /77, c.232/. Этот факт констатируют в своих работах и монгольские языковеды /56, c.167/.

Текст «Алтан тобчи» не является в этом отношении исключением. Здесь также нередко соединительным деепричастием обозначается действие, совершающее раньше другого, выраженного разделительным деепричастием: ... kitad=un Dayiming qayan emiye-ju alba tataly=a öggüged Altan qayan=dur süi vang čola örgübe /AT II, c.180/ «... китайский Даймин-хаган, испугавшись, отдал налог и подати и пожаловал Алтан-хагану титул сий-вана»; Tegün=ü qoyina ... yařar=un tosu kəməkü idegen yarču te-re idegen=i idegen basa kū urida yosuyar ügei bolbai /AT I, c.27/ «После того появилась пища под названием «земляное масло», эту пищу съели, и так же как и прежняя, она исчезла»; Börte Činu=a umara įüg Tenggis dalai getüljü Jad=un ya-řar=a ireged, er=e ügei You=a Maral neretü ökin=i abču... mongyol obuytan bolba /AT I, c.6/ «Бортэ Чинуа переправился через Тэнгис-далай с северной стороны и, прибыв на землю Джад, взял в жены незамужнюю Гоа Марал ... так образовался род монголов».

Нередко в одном предложении можно встретить все три формы деепричастия I, например: Tömöčin tere ... yařar=tur=iyan kürčü ebesün=ü alurqai=bar möskiňü, Onan mören ögede möskiged örüne=eče Qimury=a yoruqan oruju iren ajuyu /AT I, c.43/ «Тэмучин добрался до тех мест ... пошел следом по примятой траве вверх по течению реки Онон и пришел к речке Химурга /впадающей в Онон/ с запада».

Относительная свобода взаимозаменяемости этих деепричастных форм объясняется стилистическими и эвфоническими обстоя-

тельствами либо небрежностью говорящего /77, с.232; 56, с. 167/.

Однако это не значит, что такое свободное чередование этих трех форм в предложении возможно в любом случае. Там, где одно действие противопоставляется другому или ранее совершившееся действие является причиной последующего действия, замена разделительного деепричастия соединительным, а тем более слитным невозможна.

Эту особенность употребления разделительного деепричастия отмечали в своих работах А.Боровников /16, с.307/, Г.Д.Санжеев /77, с.233-234/ и др.

Деепричастия II

Деепричастия II (условное, уступительное, продолжительное, целевое и др.) характеризуются своей семантико-сintаксической однозначностью. В большинстве своем они образуют в предложении обстоятельственные обороты различного значения: времени, цели, условия, образа и т.д.

Время действия, выраженного деепричастием II, может быть определено как предшествующее действию главного предложения, но во многом оно зависит и определяется временем действия переданного заключительной глагольной формой.

Условное деепричастие

Условное деепричастие представлено в «Алтан тобчи» четырьмя формами: =basu/=besü, =sü, =sa/se, =qula / =küle. Из них самой распространенной является =basu/=besü, значительно реже употребляется =qula/=küle, а что касается =sü, то она зарегистрирована в единственном образовании от основы глагола үö= 'быть, существовать' - bögesü, а =sa/se всего от двух-трех глагольных основ.

Суждения о происхождении этих форм можно найти в трудах Г.И. Рамстедта /69, с.122-123/, В.Л.Котвича /40, с.116/ и др. Но наиболее подробно они рассматриваются Г.Д.Санжеевым /77, с.145-152/. Не останавливаясь на детальном изложении точек зрения этих авторов, отметим только, что, по предположению Г.И.Рамстедта, условная форма на =basu возникла из изъявительной формы прошедшего времени на =ba + *-su<(*a+*=su) /69, с.123/, где *=a, как полагает Г.Д.Санжеев, рассматривается, по-видимому, как основа омертвелого вспомогательного глагола a= 'быть' /77, с.146/, a=su - некий элемент, носитель условности.

В.Л.Котвич в окончании =basu также видел сочетания окончания изъявительной формы прошедшего времени на =ba + =su, но =su, по его мнению, представляет собой видоизмененную частицу исходного падежа (еče) /40, с.116/.

Что касается возведения =su к окончанию исходного падежа, то, на наш взгляд, это маловероятно, так как, во-первых, ни одна изъявительная глагольная форма в монгольских языках не может присоединять к себе падежного окончания и, во-вторых, в показателе исходного падежа отсутствует какое-либо условное или условно-временное значение, характерное для этой формы.

По мнению Г.Д.Санжеева, модель, реконструированная Г.И.Рамстедтом, «не подтверждается конкретными или исторически засвидетельствованными данными, а поэтому является лишь гипотетическим предположением» /77, с.146/.

Г.Д.Санжеев подвергает сомнению модель образования условной формы, предложенную Г.И.Рамстедтом, по той причине, что «индикативные формы глагола в этих (монгольских.- М.О.) языках не могли и не могут применяться в качестве первых, или препозиционных, компонентов какого бы то ни было аналитического соединения» /77, с.149/.

И все же некоторые изъявительные формы могут быть первым компонентом аналитических сочетаний, например форма на =nam или на =m. В.Л.Котвич приводит примеры сочетания этих форм с вспомогательным глаголом бай= 'быть' (хичјенем байнам 'теперь видно, что старается') и связкой бўлўге 'быть' (ірем бўлўге 'бывало приходит') /40, с.123-124/.

В тексте «Алтан тобчи» встречаются сочетания формы на =m с глаголами-связками аյу/ајчу и бўлўге: yarču odum bўlўge /AT I, с.11-12/ 'выходит бывало'; ўjegdem aju /AT II, с.120/ 'видит (вдруг)'; ўlü güyim aju /AT II, с.59/ 'не побежит'; Böni ginji ьяwyu=yi minu suladyaju qonuyulim bўlўge¹¹ /AT I, с.41/ 'Ночью он ослабил на мне цепи и шейную колодку и дал возможность переночевать'.

Сочетание =ba + *-su могло бы оказаться возможным, если бы *-su представляло собой по происхождению частицу, аналогичную, скажем, усилительной частице ѿ, присоединяемой к этой же изъявительной форме (=ba + ѿ =ba ѿ), давшей в итоге форму уступительного деепричастия (об этом см. с.168). Однако такой

¹¹ Так в рукописи, в изданном тексте ошибочно: qonuyulbai bўlўge.

частицы, да еще со значением условности в монгольских языках не зарегистрировано. Поэтому вопрос о происхождении формы *=basu*, в особенности элемента *=s* + гласный, непосредственного носителя значения условности, остается предметом дальнейших исследований. Но вполне вероятно, что монгольский *=su* в *=basu* является лишь вариантом суффикса *=sa* с более узким гласным, который, в свою очередь, можно сопоставить с показателем условной формы в тюркских языках *=sa* / *=se*.

Исходя из невозможности образования аналитических сочетаний от изъявительной формы на *=ba*, Г.Д. Санжеев считает, что «если эта рамstedтовская модель в какой-нибудь мере соответствует исторической действительности, то последняя могла иметь место в древнейших монгольских или даже «протомонгольских» диалектах ... Поэтому форму условного деепричастия на *=basu* надо признать наиболее древнейшей в монгольских языках, происхождение которой следует относить к той поре, когда в этих языках именные формы глагола и собственно глагольные формы еще, по-видимому, не дифференцировались»⁷⁷, с.149.

Будучи древнейшей формой, она является, видимо, и самой распространенной изо всех условных форм в памятниках монгольской письменности. Например, в памятниках XIV в., за редким исключением словоформы *bögesü*, употребляется исключительно форма *=basu*/*=besü* /110; 111; 112; 113/.

Это относится и к тексту «Алтан тобчи», где форма *=basu* употребляется для выражения условной или условно-временной связи в предложении. Обозначая условия, при наличии которых совершается другое действие, форма *=basu* встречается, когда речь идет о настоящем, прошедшем и будущем, при этом чаще всего, как показывают примеры, о будущем.

В речи о настоящем: *Üge=tei bolbasu öčijü, qosing=tai bolbasu qolbuju yaayuui kele gebe* /AT II, с.7/ 'Если есть слова, говори! Если есть шутка, ладно уж, шути!' ; *Biden=ü der-gede yabuqui=ban berkesiyebesü, busu kümün=i oruyulju te-re kümün=i erigüljü nidun=u eçine qola yajar=a ilegey=e kemep jarliy bolba* /AT I, с.152/ 'Если /они/ считают затруднительным состоять при нас, то пригласите других людей, а тех людей следует прогнать и отослать с глаз долой в отдаленные места! - /так/ повелевал' ; *Sibayuqan ... butan=dur qoryalabasu butabar aburayu* /AT I, с.42/ 'Если пташка укрывается в зарослях, заросли спасают ее (букв. зарослями спасается)' ; *Quda köbegün-iyen mörgedkü bolbasu odtuyai* /AT I, с.32/ 'Если сват тоскует по своему мальчику, пусть отправляется /повидаться/' .

В приведенных примерах форма *=basu* обозначает такие действия, наличие которых вызывает необходимость совершения или при которых обычно совершается действие главного предложения. Все они предшествуют действиям, выраженным заключительной формой сказуемого, и обозначают реальные условия, при которых эти заключительные действия могут осуществляться.

В речи о прошедшем форма *=basu* может передавать такие действия, заведомая нереальность условия которых (при этом действие само по себе могло бы быть и реализовано, но задается условием как нереализованное) делает невозможным осуществление в прошлом действий, выраженных сказуемым, которые в таких случаях оформляются причастием будущего времени со связкой *bölüge*, например: *Minu dayin ese sonusbasu te ker üjekün böläuge* /AT I, с.144/ 'Если бы вы не услышали моего голоса, то как бы увидели?' ; *Man=i ügei bögesü üdter güyicijü ese alabasu Ildei em=e kümün / yayakiqu/ böläuge* /AT I, с.144/ 'Если бы нас не было и /мы/ тотчас подбежав не убили бы его, что могла бы сделать женщина Илдэй?' ; *Bariydabasu namayı=yi eyimüi=yi / eyin kigde-kü / ülekü jayaqu bölägei üü či* /AT I, с.92/ 'Если бы тебя схватили, разве ты не выдал бы, что я нахожусь в таком вот состоянии?'

Действие может быть задано как не произошедшее, но возможность совершения его могла бы представиться, и тогда осуществлялось действие, выраженное заключительным сказуемым, например:

Minu setkil eyin buyu, niçügün odurun, ker ber bariydabasu bi tan=a oruju irekü duritu böläge. Tegüni minu medejü namayı bariju alay=a kemen qubcisun bügüde=yi tayilju yayça dotaya-jı tayiluy=a edüküi=e möltü aldayulju irebe bi kemekü böläge. Namayı ünen bolyaju qubcisun ögčü asaraqu böläge.

M morin unuyad üjetele üdter jayur=a ülekü / türgen / irekü böläge /AT I, с.92-93/ 'Я так мыслил, убегая раздетым: если меня поймают, я скажу, что хотел бежать к вам, но об этом узнали, меня схватили и, намереваясь убить, сняли всю одежду и, когда оставалось только нижнее белье, я вырвался и прибежал к вам. Мне бы поверили, дали бы одежду и оставили, а я бы оседдал коня и в мгновение ока вернулся /к вам/ '.

В некоторых случаях, однако, нереальность условия, выраженная формой *=basu*, не влечет за собой указанного выше оформления действия, выраженного заключительным сказуемым (*=qu + böläge*), например: *Yakin yayaraqu, yayaraju irebesü tayičiyud=un noyad minu qočuruysan em=e köbegün aduyun idegen=i mi-*

ни *unesü=ber keyisgekü tede* /AT I, c.95/ 'Зачем [было] спешить? Если бы я поспешил прийти [к тебе], тайчигудские ной-аны превратили бы в прах оставшихся после меня мою жену и сыновей, скот и имущество'. В таких случаях приходится опираться только на контекст.

Однако и при оформлении заключительного сказуемого причас-тием на *=qu+ bólüge* (*bile*) предложение с условным деепричастием не имеет иногда значения сослагательности, например: *Qam-tu=bar yabubasu qaritan dayisun=ača yayin=du ayuqu bile* /AT I, c.106/ 'Если вместе выступить, чего бояться иноземных врагов?'. И хотя таких примеров сравнительно немного, очевидно, в языке этого периода условно-временная связь между предложени-ями строго не подразделялась на реальную и гипотетическую.

Когда речь идет о будущем, условное деепричастие обознача-ет действие, в результате осуществления которого совершится дей-ствие, выраженное заключительным сказуемым. При этом действие, обозначенное деепричастием и заключительной формой глагола, мо-жет совершаться как одним действующим лицом (предметом), так и разными, например: *Edüge qayan namayi ükügüldebesü ala-yan=u tedüi yaʃar=a üküjü qočırqu, soyorgabasu qayan=u emüne, čegel usun-i niduru, čeügen čilayun=i čoru dob-tulju ögsü* /AT I, c.95/ 'Если хаган сейчас повелит казнить меня, то я останусь мертвым на земле размером в ладонь, если [хаган] на то соизволит, то я перед ним перепрыгну воды, с на-лета вдребезги разобью белый камень'; *Töyüčin anda=dur mori-labasu bi köndelen=e oruldusu keməjükü* /AT I, c.124/ 'Если вы пойдете походом на Тэмучина-побратима, то я присоединюсь [к вам] и ударю ему наперерез'; *Kesig=tü kümün kesig oyarabasu te-re kesig oyaraysan kümün=i yurban beriyes süyitügei* (*köbsitügei*) /AT I, c.154/ 'Если кэшигтэн пропустит дежурство, его надо наказать тремя палочными ударами'; *Olan dayisun=dur olja olbasu oluyabar abutqun* /AT I, c.148/ 'Если во многих походах найдете добычу, все найденное забирайте!'; *Yayaral* (*yayaraqu*) *keleten aran irebesü kebtiegü=dür kelelju ger=ün umara=ača kebtiegü=lüge qamtu bayiju kelele-gültügei keməbe* /AT I, c.156-157/ 'Если человек явится со срочными вестями, [он] обязан сказать об этом кэбтэгулу и, стоя вместе с кабтэгулом у задней стенки юрты, велеть [ему] пе-редавать сообщение'.

При оформлении имени, обозначающего субъект действия в де-епричастном обороте, предпочтение отдается именительному падежу,

винительный употребляется преимущественно тогда, когда действую-щий субъект выражен местоимением.

Как известно, условное деепричастие передает и временное значение¹², т.е. оно означает действие, в момент совершения ко-торого, за которым или перед которым совершается другое действие. В таком значении деепричастие на *=basu* встречается даже чаще, чем в собственно условном.

В речи о настоящем, когда действие деепричастного оборота и действие, выраженное заключительным сказуемым, совершаются одно-временно, деепричастие на *=basu* употребляется довольно редко: *Ta qoyar-i teyin tügegebesü minu dayariju ülü qasın setkil amısu* /AT I, c.142/ 'Когда вы, двое, так раздаете яства, я спокоен душой и не сжимается мое горло'. Действующий субъект деепричастного оборота, выраженный местоимением, оформлен вини-тельным падежом.

В речи о прошедшем оно встречается довольно часто, при этом действие, обозначенное деепричастной формой, может совершаться одновременно с действием, выраженным сказуемым заключительным, предшествовать ему или совершаться после того, как уже совершилось действие, выраженное сказуемым главного предложения.

Действие, выраженное деепричастием, и действие, выраженное сказуемым заключительным, совершаются одновременно или почти од-новременно, например: *Bederebesü* (*eribesü*) *uzun qargi=dur gedergü kebtejü büküi=dür, süldüdei=yin Toryan Sira Jöb dayariju üjejü ögülerün* /AT I, c.40/ 'Когда [его] искали, суллудейский Торган Шира, проходя мимо, заметил, что тот лежит навзничь в полынье, и сказал ...'.

Действие деепричастного оборота совершается раньше дейст-вия, выраженного заключительным сказуемым, например: *Ger=tür=iyen qariju irebesü Ujin eke köbegün=iyen čirai uqaju ögülerün* /AT, c.37/ 'Когда [они] вернулись домой, Уджин-э́кэ поняла все по лицам своих сыновей и сказала ...'; *Tedüi ay-imay=iyar=iyen bayibasu nigen jalayu gürmele kümün ayimay=ača* *über=e bayiba* /AT I, c.118/ 'Когда [они] распределились по своим аймакам, один молодой парень с косой остался вне аймака'; *Tede*

¹² Как пишет Э.В.Севорян, «значение времени в условной фор-ме предшествует значению условности. Поэтому, если условная фор-ма в диалекте чаще имеет временнéе значение, мы имеем право от-нести это к более старым явлениям изучаемого языка» /80, с.7/.

irgen Bodančar-un qarčayai yuyibasuu:ese ögbe /AT I, c.14/ 'Когда те люди попросили у Боданчара ястреба, /он/ не дал'; Boyda Činggis qayan medeju oi=yin irgen=ü yabudal Quduy=a medeju ja kemeju ilegebessü Quduy=a biki basa bariydajuqu /AT II, c.25/ 'Святейший Чингис-хаган, узнав /что туметы захватили Хорчи/, решил послать Худугу как знатока лесного народа, /но/ когда послал, Худугу-бэки тоже схватили'.

Нередко в речи о прошедшем действие, выраженное заключительнымказуемым, оказывается уже совершенным до того, как произойдет действие, обозначенное в условном деепричастном обороте, например: Botuyan Boyorji=da kürbesü ġamıq=a boljyal yağar a yurban edür urida kürjükü /AT I, c.58/ 'Когда достигли местечка Ботуган Богурджи, то /оказалось/, что Джамуха уже был в установленное место три дня тому назад'; Degüü ner köbegüd inu bayuju tergen=ü qayaly=a negebesü dotura inu qatun kümün sayun ajuuu /AT c.51/ 'Когда младшие сыновья слезли /с коней/ и открыли дверцу повозки, там /оказалось/, уже сидела госпожа'; Edür geyin barabasu situlduju donuysan čerig=üd sönü böged butarjuqui /AT I, c.93/ 'Когда рассвело, оказалось, что солдаты, оставшиеся ночевать, ночью разбежались'. В таких случаяхказуемое главного предложения бывает выражено изъявительной формой прошедшего времени =juqui /-jükü/.

В речи о будущем времени действие в деепричастном обороте и действие, выраженное заключительнымказуемым, совершаются в будущем, при этом первое, как правило, происходит раньше, т.е. предшествует заключительному действию, например: Tömöčin či ulus=un ejen bolbasu namayi ... kerkijü ġiryayulqu či kemebe /AT I, c.69/ 'Чем же ты порадуешь меня, Тэмучин ... когда станешь владыкой народа?'; Dayisun kümün=i darubasu olja=dur buu bai ja, darun barabasu tere olja bidenükei bii ja /AT I, c.115/ 'Когда будем побеждать врага, у добычи не задерживаться! Когда окончательно победим его, добыча ведь будет нашей'; Ulus=yan abtabasu ulus ügegün bolbasu yakiqun tede kemejükü /AT I, c.124-125/ 'Когда люди его будут отобраны, когда останется он без людей, что будет делать тогда?'.

Формой =basu часто оформляются глаголы говорения: kemebesü, ögülebesü, asyabasu 'когда спросил, то ...'; ayilatya-basu 'когда доложил, то...' и др.

Деепричастие на =basu может обозначать и такое действие, вопреки которому или несмотря на которое совершается другое действие, т.е. оно имеет в этом случае уступительное значение, на-

пример: Qačiyun biki ögülerün, Nilq=a Senggüm köbegün dımayi yayun sedkibesü urtu=yin üfügür=e gün=ü iroyur=a Mırülçesü kemejükü /AT I, c.125/ 'Хачигун-бэки сказал: «Что бы ты ни задумал, сын Нилха Сэнгум, я пойду с тобой до края дальнего, до дна глубокого»; Ayula kedüi ber öndür bolbasu amitan=a aburiydaju deger=e=ben yartayu /AT II, c.30/ 'Как бы высока ни была гора, а живые существа, взобравшись на нее, бывают выше ее'.

Иногда это значение передается сочетанием формы =basu + (lü bolun / ülü bolqu (форма слитного деепричастия или будущего причастия от глагола bol= 'становиться' с пропозитивной частицей отрицания ülü). Такое сочетание представляет собой как бы структурное единство, придающее действию, которое выражено условным деепричастием, оттенок настойчивой (но безуспешной) попытки, намерения что-то сделать, например: Quyildur yan=yan anay=a edükü=e Čingges qayan ityabasu ülü bolun görögésün=dür dobtluqu bolun ögderejü nöögibe /AT I, c.136/ 'У Хийлдара еще не зажила рана, и сколько ни упрашивал его Чингис-хаган, он /все же/ поскакал за зверем, рана открылась, и он окончился'; Belgütei tedüi ityabasu ülü bolun modun=u genigün=i qayur=a tatalaju, itügesün bülegür čuyučaju abču makilalduju Jürgen=i ilyaju, Qoyužin qatun, Qorijin qatun qoyer=i buliju abubai /AT I, c.78/ 'Сколько ни уговаривал Бэлгутэй /Чингис-хагана/, не помогло, /те и другие/ притащили дубины, похватали колотушки: началась драка, джургэнов одолели и захватили обеих ханш - Хогулджин-хатун и Хориджин-хатун'; Eyin eyin bolčabasu /kögebesü/ embü sibar berke oi inu čatqulang, soyai sirybasi ülü bolqu, berke siyui böläge /AT I, c.51-52/ 'Метались туда и сюда, но были такие болота и такая чаща, что на сытому эмэю не проползти (букв. проползти бы да нельзя)'.

После формы на =basu ставится иногда усилительная частица ber, при этом обозначаемое деепричастием действие приобретает, как считается, уступительное значение /66, c.124; 124, 1.182; 77, c.240/: Dörben degü inu abču şuypasuu ber aman=dur oruyad, qoyolai=dur inu ese ečibe /AT II, c.1/ 'Четверо младших ённовей хотя и взял стали пить, в рот вошло, а в горло не попало'; ... sarisun degelten bolbasu ber sayitur ele kükün=iyen ögbesü sandali=tan noyad bolumui ja kemen /AT II, c.68/ '... хотя /человек/ и одет в тулуп из сырой кожи, лучшие силы свои отдавая, /он/ становится знатным вельможей'.

В литературе отмечалось, что при позитивном предикативе

частица *ber* не изменяет значения деепричастия, т.е. деепричастие должно сохранять условное значение [124, с.182]. Наши примеры (см. второе предложение) не подкрепляют это утверждение. Более того, частица *ber* сама по себе вообще не придает форме условного деепричастия значение уступительности. Дело в том, что форма условного деепричастия имеет иногда уступительное значение и без наличия этой частицы (см. выше примеры на уступительное значение формы *=basu*). Частица же *ber*, являясь усилительной, лишь усиливает, акцентирует внимание на действии, выраженном данной деепричастной формой.

Встречаются примеры, когда после рассматриваемой деепричастной формы употребляется другая усилительная частица *ele*, которая, также не изменяя значения деепричастия, лишь подчеркивает, усиливает обозначенное действие, например: *Tayičiyud Onan=u ergi degere qurimalduju naran singgelebesü ele tarqabai* [АТ I, с. 39] 'Тайчигууды пировали на крутом берегу Онона и расходились, когда уже заходило солнце'.

В некоторых случаях употребление деепричастия на *=basu* не придает выраженному им действию ни условно-временного, ни уступительного значения, а указывает лишь на действительную связь явлений, например: *Qarangqui söni ker olqu ... Manayag edür čiyulun bederebesü /eribesü/ qamiy=a odqu kemegdejü ...* [АТ I, с.41] 'Как его найти темной ночью? Завтра утром собравшись будем искать, куда он уйдет [с колодкой на шее]?' ; *Teb Tngri edüge irekü bii. Čidaqui=ača ker ber üyiledbesü či mede kemebe* [АТ II, с.42] 'Тэб Тэнгри сейчас явится. Ты знай сам по своим способностям, как поступить с ним'.

Что касается формы *=sü* (или *=gesü?*), то она представлена одной единственной словоформой *bögesü* с условным значением: *Kümün=e ese ögdegseñ bögesü degüü degen čimadu yuyisu kemejü Dobu mergen=i üjere / ayuljar=a / ilegebe* [АТ I, с.8] 'Если девушка никому не отдана, попросим ее для тебя, младшего брата', - сказал он и послал Добу-мэргэна посмотреть'; ... *egeči či činu čimacha sayin bögesü ... jayilaju ögküi üü či* [АТ I, с.117] 'Если твоя старшая сестра краше тебя ... уступишь ли ты [свое место]?'

Она представлена вообще в единственном образовании от вспомогательного глагола *bö=* в старописьменном монгольском языке. Но и этот исключительный случай, по словам Г.Д.Санжеева, «представляется загадочным» [77, с.146].

Если, как принято считать, мы здесь имеем дело с образованием

условного деепричастия путем присоединения элемента **=su* к форме причастия настоящего времени на *=ya/ge*, то почему этот элемент *=ge* присутствует в форме предельного деепричастия от того же самого глагола *bö=* 'быть' - *bögetele*, тогда как следовало бы ожидать *bötele* [77, с.146]? Ответа на этот вопрос пока нет.

Форма *=sa* встречается и в некоторых бурятских диалектах [77, с.148], а также в монгорском, дунсянском и баоаньском языках [90, с.84, 102, 120]. В тексте «Алтан тобчи» почти все случаи употребления деепричастия на *=sa*, за редким исключением, принадлежат одному глагольному образованию *bolusa* от основы вспомогательного глагола *bol=* 'быть, становиться'. В тексте *bolusa* в сочетании с формой будущего причастия знаменательного глагола обозначает действие, при условии наличия которого совершается другое действие, например: *Uuyaqu bolusa ma gejü soyorgabai* [АТ II, с.1] 'Если желаете пить, на, возьмите'; *Namayi edüge boyoju alaqu bolusa, qoyitu üre činu nadur adali boyomilaydaqu boltuyai* [АТ II, с.98] 'Если вы сейчас задушите меня, пусть после подобно мне будут задушенны твои потомки'; ... *ene ügen=dür qorıylaqu bolusa terigüben bii kəm-jelügtün gebe* [АТ II, с.133] 'Если будешь противиться этим словам (т.е. не послушаешь меня), не жалей своей головы'.

В отдельных случаях форма *=sa* образуется от основ других знаменательных глаголов, например: *Sadyačin Sečen ayurlaju čayan morin=iyan toluyai deledjü barasa baray=a tegügesę tegüye gejü ečibe* [АТ II, с.136] 'Садагчин Сэчэн, рассердившись, стегнул по голове своего белого коня и, сказав: «Если кончать, так кончим! Если поймаем, так поймаем!», - уехал обратно'.

Форма *=sa*, так же как и *=basu*, может иметь и оттенок уступительного значения, например: *Bulay-un usun degereči bolusa, bulunggir ügei ajila* [АТ II, с.10] 'Хотя ключевая вода и выходит наверх, муты [в ней] нет'; *Toyun tayisi ejen=ü kesigtü soytaju, či sutu boyda bolusa, bi sutai qatun=ü üre gejü* [АТ II, с.146] 'Тогун-тайши, опьянев от государевой милости, громко кричал: «Хотя ты и преобладающий величием [владыка] святейший, но и я потомок ханши, обладающей величием ...»'.

Следует отметить, что суффикс *=ca/ce* образует условную форму в большинстве тюркских языков [6, с.37-64]. Он употреблялся уже в тюркских памятниках XI в., а ранее в языке орхонских надписей и реже древнеуйгурских использовалась форма *=sar/ser*, впоследствии редуцированная или фонетически ослабленная до современной формы *=ca/ce* [2, с.101].

Эта форма, семантически смежная с формами пожелания, стремления, намерения, и в современных тюркских языках отчасти сохранила эти значения [6, с.45]. В этом отношении в письменном монгольском языке смежными являются пропозитивная форма 1-го лица, обозначающая намерение, желание, готовность совершить действие, и форма условного деепричастия на =su/=sü, хотя и зарегистрированная в единственной словоформе үбөсүй.

Сопоставление этого суффикса условной формы =сар/=сер и якут. формы =тар/=тер, =дар/=дер, =лар/=лер, =нар/=нер позволяет, по мнению Н.А.Баскакова, «установить чрезвычайно древние соответствия таких аффиксов, как =ла=ле и =са=се» [6, с.52].

А если это так, то вполне возможно, что и =ла в монгольской деепричастной форме на =qula /=küle также представляет собой не показатель соединительного падежа =luy=a=/lüge [77, с.151], а фонетический вариант =sa /=se, =su/=sü. Ведь =luy=a / lüge должно было бы дать долгое а, т.е.=laa, как это получилось, например, в современном монгольском языке в суффиксе изъявительной формы прошедшего времени -лаа<=luy=a.

Отметим, что условная форма на =qula /=küle употребляется также и в виде =qulan /=külen. Но откуда появилось в нем =n, трудно объяснить, если происхождение этой формы связывать с =qu /=kü + =luy=a=/lüge. Оно вполне закономерно, если исходить из =qu /=kü + =la(r)/=le(r) при чередовании r~n.

Форма на =qula /=küle обозначает действие как реальное условие для совершения последующего действия: ... qaračin man-ži=luy=a neyileküle erkebisi yoke gem bolqu bayinam [AT П, с.191] '...если харачины объединятся с маньчжурами, непременно будет большая беда'; Kerbe bariqula čimadur ögsü gejü kelebe [AT П, с.147] 'Если захватишь (его), отдашь тебе'; Merked bolqula medege ügei bayatur bile, mongyol bolqula moquisi ügei bayatur bile [AT I, с.100] 'Если то были меркиты, то неведомые богатыри, если - монголы, то несокрушимые богатыри'; Yisün örlüg=üd=ün minu nigen inu ügen barilduju irekülen čiqula sanam ž=a gebe [AT П, с.49] 'Если один из девяти моих орлуков привезет такие вести, думается, это (будет) важно'; Gerte kürçü asaraqulan yambar bui gejü bügüde sayid ayiladqaba [AT П, с.47] 'А что будет, если подождать (букв. опекать) до (возвращения) домой? - доложили (ему) все сайды (вельмож)'.

Помимо условного форма на =qula /=küle имеет также и временное значение, например: žüge ireküle qayaly=a үчи negejü ög gejü qayalyačin=dur žarliy bolba [AT П, с.120] 'Когда

придет Джугэ, ворота не открывайте», - приказал хаган⁷ привратникам'.

Уступительное деепричастие

Уступительное деепричастие образуется путем прибавления к глагольной основе суффикса =baču /=bači, представляющего собой сочетание суффикса изъявительной формы прошедшего времени =ba и уступительной частицы =či /=či.

Впервые это было отмечено А.Бобровниковым, который указал и на раздельное иногда употребление компонентов данного суффикса, т.е. на то, что частица =či=/či могла встречаться и отдельно от него [16, с.143]. Впоследствии это наблюдение было подтверждено и другими исследователями монгольских языков [40, с. 117-118; 64, с.125; 77, с.152-153].

Некоторые авторы, ссылаясь на прозрачную структуру и этимологию формы =baču, отрицают правомерность отнесения ее к разряду деепричастий [38, с.182]. Однако потенциальной возможности разложения суффикса =baču на составные компоненты недостаточно для такого вывода. К тому же в языковом сознании современных монголов он уже представляется неразложимым [103, с.7].

Сама же форма и ее функции имеют, несомненно, много общего с другими обстоятельственными деепричастными формами. Как и другие деепричастия, форма =baču /=bači не может сочетаться с полифункциональной глагольной основой ge= 'говорить', в препозиции к которой способны выступать все глагольные формы за исключением деепричастных. Глагол =ge в данном случае считается дистрибутивным элементом, определяющим деепричастные формы [103, с.7].

В частотном отношении уступительная деепричастная форма значительно уступает условной, хотя в современном монгольском языке она «употребляется не так уж редко» [56, с.176].

Уступительное деепричастие обозначает такое действие, совершение которого влечет за собой иной по сравнению с ожидаемым результат и которое по-русски обычно переводится словами «хотя сделал что-то ...», например: Či namayi=yi bay=a gejü qayan sayuysan mön bolbaču, qayan sayuqu yosun ügei=yin tula ž=a edüge či nada mörgü [AT П, с.176] 'Хотя ты и сел на хаганский престол, объявив меня малолетним, (но) ты сидишь хаганом не по закону и ты сейчас поклонись мне'; Amidu yarpači yaba-yan tusa ügei [AT П, с.141] 'Хотя и живы, а пешком идти - толку никакого'; Oyin=du minu üge ber bolbači, onuju kelekün=i berke bolumu gem bi gebe [AT П, с.7] 'Хотя в мыслях и есть

слова, трудно высказать их'; Qayan=u man=u üre ügei bolbači Qasar=un üre bi nekesü gejü... /AT I, c.156/ 'Хотя у нашего хагана и нет потомства, но я потомок Хасара. Отправлюсь в погоню я!'.

Выше отмечалось, что составной элемент суффикса =baču / =bači частица =či/či может иногда употребляться и раздельно, но в таком случае =či выступает в роли усилительной частицы и относится к тому слову, после которого стоит, т.е. подчеркивает значение не глагола, а любой другой части речи, как это видно из следующего примера: Tende=eče tere ebügen ögülerün, mayu či bolba köbčilejü medegsei gebe /AT I, c.79/ 'Тогда тот старик сказал: «Хотя и плох /плохим стал/, но попробуй настичь /о луке со стрелами!».

Продолжительное деепричастие

Продолжительное деепричастие образуется при помощи суффиксов =ysayar / =gseger, =ysabar / =gseber, которые, по общепризнанному мнению монголоведов, восходят к форме причастия прошедшего времени =ysan / =gsen / =ysa / =gse в форме орудного падежа =ug / =ger, =jar =jer, =bar =ber / 16, c.121/. Это деепричастие широко употреблялось в текстах XIII–XIV вв.¹³

В тексте «Алтан тобчи» продолжительное деепричастие чаще всего передает длительное действие, в процессе совершения которого осуществляется другое действие, причем исполнителем этих действий является одно и то же лицо: Untaysan=u qoyina qasayı ügürüzseger qariju irebe /AT I, c.79/ 'После того как /враги/ уснули, /Бэлгутэй/ вернулся, волоча за собой одноколку'; ... tere ködelüğseber ködeljü Sayari keger=e bayuba /AT I, c. 121/ '... продолжая двигаться в том же направлении, расположился /лагерем/ в степи Сагари-кэгэр'; Mön qulusun=dur itegejü sayusayar, qulatu mayu sibayun=dur egür=iyen ebdegdejü öndege jüljay=a=ban idegdebe gebe /AT II, c.48/ 'Доверившись камышу и продолжая сидеть, /птица-лебедь/ позволила птице-мышелову разорить свое гнездо и съесть птенцов и яйца'; Ayil büri negjigseger kü, Torgyan Sira=yin ger tergen iseri=yin alam=dur kürtele üjejü ese olju ... /AT I, c.42/ 'Продолжая обыск в каждом

¹³ См. «Сокровенное сказание» §§ 118, 132, 161, 219 и др. В «Китайско-монгольских надписях» продолжительное деепричастие встречается только в форме =ysabar / =gseber ; см. /110; 111; 112; 113/.

айле, в юрте Торган Шира обыскали все, вплоть до исподов сидений, но не нашли /Тэмучина/'; Tere keregül=dür Belgütei nama-yadu ayiray=iyar čokilalduju yabuysayar ejen=i qorčin Toytaqu=yin ermig čayayčin=dur soluyai yar=iyar unuyulba /AT I, c.78/ 'Во время той ссоры Бэлгутэй продолжал быть /по сторонам/ своим бурдюком с кумысом и, находясь в таком состоянии, левой рукой подсадил государя на серую яловую кобылицу хорчинского Тогтху'.

Действие может указывать и на обстоятельство, при котором происходит другое действие: Qarču üjebesü kömüldürge kömüldür-gelügsieber olang olanglaysabar mültürijü qočurjuqu /AT I, c.38-39/ 'Когда стал /он/ рассматривать, /то видит/: седло сползло при тугу натянутых (букв. были натянуты и продолжали оставаться натянутыми) подпруге и нагруднике'.

Иногда продолжительное деепричастие передает такое действие, в результате которого произошло другое действие: Ong ging čing-sang=un nereyidügsieber tendeče /nereyidügsen tegün=eče/ bolbai /AT I, c.82/ 'В результате того, что Онгингчингсанг пожаловал их /этими титулами/, /они/ так и стали называться'.

В качестве заключительного сказуемого оно сопровождается связкой böläge или изъявительной формой глагола. Обозначенное им действие воспринимается как длительное, совершающееся непрерывно в течение какого-то отрезка времени: Üjin eke yeke dayun=bar uyilaju ögülerün aq=a Čiledü, kei ögede kegül=iyen keyisügseger, keger yačar=a kegeli=ben ölüggügseger böläge /AT I, c.23/ 'Уджин-экэ громко причитала: «Батышка мой, Чилэду! Встречный ветер твои волосы разевал, в степи твое чрево голодало»; Tölükken sanarun, ene qalayun silüü=yi jálqim gebe jırükən minu tülekü, yaryam gebe içigüri metü gejü amadayan oyočiyasar kürgebe /AT II, c.168/ 'Толугэкэн подумал: «Если проглотчу этот горячий бульон, то у меня загорится сердце, если выплюну, – вроде стыдно», – и он продолжал пить маленькими глотками'.

Любопытным представляется случай употребления продолжительного деепричастия в субстантивном значении: Olan dayisun=dur olja olbasu oluysabar abutqun, oguy=a görögésün=dür abalabasu alaysabar abutqun kemen järliy bolba /AT I, c. 148/ 'Если захватите добычу в схватке с врагом, захваченное берите себе ; если, отправившись на охоту, зверя убьете, добытое (букв. убитое) берите себе», – повелевал государь'.

Наряду с формой *=ysayar / =gseger* встречается и форма причастия прошедшего времени в орудном падеже, в которой конечный согласный причастия *=n* не выпадает, а падежный показатель *=bar* пишется отдельно. Такая форма выражает причинность¹⁴: *Amayar qayan Qadayan qoyar=i nereyitdügsen=ber qamu mongol tayiciyud ... Qutala=yi qayan bolyaba* (AT I, c.23) 'Так как Амагар-хаган [в присланном известии] назвал имена Хадагана и Хутулы, все монголы и таичугуды ... поставили ханом Хутулу'; *Börte üjin=i yisün nasutai bükü=dür üjeyü iregseñ=ber qayačaju bölige* (AT I, c.47) 'Повидав (букв. по той причине, что повидал) Бортэ-уджин, когда той было девять лет, расстался с ней'.

Деепричастие предела

Деепричастия предела образуются путем присоединения к глагольной основе суффикса *=tala / =tele*. Этот суффикс считается в монголоведении составным, однако по поводу его состава высказываются разные мнения. Г.И.Рамстедт, исходя из наличия в халхаском диалекте именных отглагольных форм на **=dal > *tal*, первоначально полагал, что *=tala (=dala)* состоит из *=dal > =tal + a* — показатель дательного (местного) падежа (127, с.50-61, 111-112). Однако, как справедливо заметил В.Л.Котвич, «Г.И.Рамстедт берет за основу форму существительного, не имеющего признаков глагола» (41, с.307). Позже Г.И.Рамстедт высказал иную точку зрения, согласно которой «монгольское деепричастие предела (*converbum terminale*) на *=tala (=dala ?)* отвечает тунг.-маньч. деепричастию на *=dala* 'до (чего-либо)' и 'в течение (чего-либо)', где падежный показатель *=la* присоединился к имени на *=da*» (69, с.113).

С.А.Козин усматривал в суффиксе *=tala* сочетание суффикса гипотетического причастия древнемонгольского языка *=ta* и сокращенную форму показателя соединительного падежа *=la / =luy=a* (35, с.33). Этимология С.А.Козина оказалась не совсем убедительной, так как наличие причастия на *=ta* является «совершенно гипотетическим». Поэтому В.Л.Котвич предложил объяснение происхождения формы на *=tala* на основе тунгусских языков, использовав данные по эвенкийскому языку, в котором имеется причастная форма, обозначающая еще незаконченное действие и образуемая с по-

¹⁴ Этот факт был отмечен в свое время А.Бобровниковым (16, с.145).

мощью суффикса *=da / =ta*. Эта форма чаще всего встречается с показателем местного падежа *=la*, в результате создается деепричастные формы со сложным суффиксом *=dala / =tala*. «Такое объяснение, — по словам В.Л.Котвича, — позволяет понять, почему монг. *tala* имеет притяжательные суффиксы и почему второй член сложного окончания с древнейших времен (даже в «Сокровенном сказании монголов») имеет одинаковую форму: *=la* (в живых диалектах даже *=l*), и никогда не выступает в форме *=luy=a* (> в живых диалектах *=la*) (41, с.307).

В «Алтан тобчи» деепричастие предела прежде всего передает действие, вслед за завершением которого наступает другое действие: *Nigen edür siry=a aytä naiman morid ger=ün dergede bayiju bükü=dür, degermečin irejü üjetele degertmedjü odbai* (AT I, с.43-44) 'Однажды, когда возле юрты находились восемь словесных меринов, пришли грабители, увидели (букв. как только увидели) и украли их'; *Dotur=a minu nidun geyibe kemeged öndüyijü sayutala edür čayiba* (AT I, с.92) 'Внутри у меня просветлело', — сказал (он) и, когда приподнявшись сел, наступил рассвет'; *Mör=tegeki=yin jam yartala čabčisu* (AT I, с.98) 'Разрублю каждого на (своем) пути, как только выйду на дорогу!'; *Arban jiruyan nasutu bolju, časutu Sambu ayula dörben qari yačar=i oyaču nutuylay=a gejü iretele töbed=ün kümün uciraju qamiy=a=aća irekü kümün buyu gejü asyaba* (AT I, с.47) 'Когда исполнилось шестнадцать лет, (он) сказал: «Найдем снежную гору Самбу и четыре чужие земли и поселимся (там)», — и как только пришел, встретился тибетец и спросил: «Откуда ты идешь, человек?».

Кроме того, действие, обозначенное этим деепричастием, может указывать на предел или условие наступления другого действия: *Oyirad=un Següse Aylaqu=yin üre doluyan üye boltala alba ügei boltuyai gejü darayalba* (AT II, с.175) 'Пусть потомство ойратского Сэгүсэ Аглаху на семь поколений (букв. до исполнения семи поколений) освобождается от повинностей'; *Ey=e barildutala yadan=a bükün=i įasatuyai* (AT I, с.117) 'До тех пор пока не окончится совет, пусть он охраняет все вне (юрты)!'; *Tölükelen kelerün ene ösiy=e=yi ükütele ülü martaqu, nigen čay=tur sanam j=a bi gebe* (AT II, с.168) 'Толуягэн сказал: «До смерти (букв. до тех пор пока не умру), не забуду о возмездии, когда-нибудь я вспомню ведь (об этом)»; *Qaγan=i minu üre bayitala čimada ülü ečim gebe* (AT II, с.161) 'До тех пор пока существует потомок моего хагана, я к тебе не пойду'.

Указывает оно также на степень совершения другого действия: Tere edür dasasun=i yekede qalayūcitala joyolyaysan ajuu /АТ II, с.34/ 'В тот день он вкушал вино и был сильно разгорячен (букв. до сильного разгорячения)'; ... biden=ü ... čerig=üd=i daruju butaritala kilduju /АТ II, с.69/ '... подавили наших воинов и истребили до полного уничтожения'; Būgüde merked=i büreltele ayulju, Börte üjin=i činu nekegüljü ögsü /АТ I, с.54/ 'Всех меркитов подавлю до полного разорения, отыщу и верну /тебе/ твою Бортэ-уджин'; ... qoyitu böögürgen degere sayutala qarbabai /АТ II, с.131/ '... выстрелил /из лука/, так что /тот/ осел на заднюю седельную луку'.

Деепричастие на =tala обозначает также действие, вопреки которому или несмотря на которое совершается другое действие: Ai Ogedei, bi čimai=yi erte ire kemegsen bögetele idayan irebe ci kemebešü /АТ II, с.3/ 'Эх, Угэдэй, я тебе сказал (букв. тогда как сказал) приезжай пораньше, а ты задержался'. В таких случаях деепричастие предела имеет уступительное значение и обычно переводится словами «хотя», «несмотря на то что ...»: Duw=a soqur manglai dumda yayça nidutu bögetele yurban negüri /negüdel/ yaʃar=a üjem böläge /АТ I, с.7/ 'Хотя Дува-сохор имел во лбу единственный глаз, он видел на расстоянии трех кочевок'; Belgütei teyin čabciydaju bögetele yayın=a=bar ülü bolyan ülü sengkeren /АТ I, с.78/ 'Хотя Бэлгутэй был /сильно/ ранен, он совсем не обращал /на это/ внимания'.

Если заключительное сказуемое выражено причастием будущего времени + böläge, деепричастие предела обозначает действие, до наступления которого должно бы совершиться заключительное действие: Bi morin unuyad üjetele öderter jayur=a ülekü /türgen/ irekü böläge /АТ I, с.93/ 'Я бы оседлал коня и, пока они увидели бы, бы стренъко вернулся'.

Иногда деепричастие на =tala передает действие, вместо которого ожидается или предполагается другое: Yele ögületele yele ömkü gele gejü dongyud=un /ögüleged/ yabubai /АТ I, с.80/ 'Вместо того, чтобы много говорить, лучше прикусить язык', - сказал /он/ и удалился'.

Если в форме деепричастия предела употреблен служебный глагол, а знаменательный (глагол движения или состояния) имеет иную деепричастную форму (например, форму слитного деепричастия), то в таком случае передается действие, в процессе совершения которого или наряду с которым совершается заключительное действие: Namayi eyimün bolju kebten bögetele ničügün yakin gü-

iňü oruba ci /АТ I, с.92/ 'В то время, когда я вот так лежал, почему же ты убежал раздетым?'; ... qota dotura toyoriňü güyüňü yabun atala yarqu čilüge ülü olum aju /АТ II, с.120/ '... бегая (букв. в то время, когда бегал) по городу, он не нашел лазейки, /чтобы/ выбраться'.

Деепричастие цели

Деепричастие цели имеет окончание =r=a, происхождение которого в монголоведении возводится к отлагольному имени на =r в сочетании с показателем дательного (местного) падежа =a /16, с.142; 69, с.49,86; 41, с.286; 77, с.163-164/.

Это деепричастие употребляется относительно часто и имеет одно единственное значение: обозначает действие, являющееся целью совершения другого действия: Belgütei ... tarbayacilar=a oduysan ajuu /АТ I, с.44/ 'Бэлгутэй ... отправился, /чтобы/ охотиться на тарбаганов'; Tömöčin=i abur=a irebe /АТ I, с.32/ 'Я приехал, /чтобы/ забрать Тэмучина'; ... yayın kümün=ü em=e teyin qayilan bui kemen asayır=a ilegebessü ... /АТ I, с.94/ '... послал, /чтобы/ спросить, что это за женщина так громко плачет?'; Aduyuči inu Badai sün kürger=e irejü ene ügeyi sonuscu qariba /АТ I, с.127/ 'Табунщик Бадай прибыл, /чтобы/ доставить молоко, /он/, услышав это (букв. эти слова), вернулся обратно'; Jüge Buq=a qoyar alba sang=i quriyar=a ečibe /АТ II, с.120/ 'Джугэ и Буха отправились, /чтобы/ собрать подати'; Tegün=ü qoynu Qouqai Tayu taray yuuura irebe /АТ II, с.128/ 'После этого прибыл Хоухай Тайу, /чтобы/ попросить тараг' (род простоквши); Qatun Üjin=ü eke=yin qaliyarasun meggirsün=iyer tejiyegesn köbegüd inu, qad sayid bolur=a kürbe /АТ II, с.35/ 'Сыновья матушки Уджин, вскормленные диким луком и чесноком, достигли того, чтобы стать ханами и вельможами'.

Интерес представляют два предложения, в которых деепричастие употреблено в сочетании с постпозиционным отрицанием edüküi 'еще не'. Необычность состоит в том, что деепричастные формы с постпозиционными отрицаниями вообще не типичны для монгольского языка. В таких случаях это деепричастие обозначает еще не совершившееся действие¹⁵: Namai alar=a edüküi=e üdter

15 Такое действие передается причастием прошедшего неоконченного времени с отрицанием (см. с.131 и сл.). Ср. также перевод первого из предложений на современный монгольский язык /3, с.68/: Намайг алаагуй байхад даруй буцагтун.

qaritqun /АТ I, с.109/ 'Побыстрей возвращайтесь, пока меня еще не убили'; Otčigin Teb Tngri=yi čirču yarur=un egüden bosuy=a alqur=a edüküi=e urida beledügsen yurban bökes eser-gü Teb Tngri=yi bariyad čirču yarču... /АТ II, с.43/ 'Отчигин потащил Тэб Тэнгри к выходу, но когда он еще не перешагнул порога двери, заранее подготовленные трое силачей схватили и вытащили сопротивлявшегося Тэб Тэнгри'.

Как говорилось выше, форма на =r=a служит средством выражения значения цели, но для этого в классическом монгольском, а также в некоторых бурятских диалектах /77, с.163/ используется и причастие будущего времени с тем же самым окончанием =a, что и в деепричастии цели. Видимо, форма на =r=a, также считающаяся причастной по своему происхождению /77, с.163-164/, больше напоминает причастие, чем деепричастие по своему значению. Поэтому она и зафиксирована с причастным отрицанием edüküi в столь несвойственном для нее употреблении.

Приготовительное или цитатное деепричастие

Форма на =run

Происхождение этого деепричастия, образуемого суффиксом =r=un, также генетически связывается с отлагольными именами на =r+un, (предположительно показатель древнемонгольского родительного падежа). Однако это предположение справедливо вызывает сомнения ученых, так как «трудно понять почему, собственно, эта форма употреблялась для образования особого деепричастия» /41, с.286/.

И хотя единичные примеры типа yabur=un qoyn=a 'после ухода' дают как будто основание считать =r=un формой родительного падежа от основы глагольных имен на =r все же подавляющее большинство примеров свидетельствует о том, что =r=un - не именная форма.

Вполне допустимо, что оказывается правдоподобной версия Г.Д.Санжеева, что =r=un в примерах наподобие yabur=un qoyn=a 'после ухода', с одной стороны, а с другой - jarliy bolur=un 'соизволил повелевать', «являются, по всей вероятности, омоформами, из коих не очень ясна вторая, которая может оказаться генетически связанный с формой слитного деепричастия, как бы это ни казалось исключенным» /77, с.164/.

На наш взгляд, элемент =un в =r=un, графически совпадающий с одной из разновидностей показателя родительного падежа =un,

не является падежным хотя бы потому, что родительный падеж - падеж приименный, осуществляющий грамматические связи между именными, а не между глагольными формами. Не исключено, что в =r=un. (=run) действительно присутствует суффикс слитного деепричастия =n, присоединяемый к основам на =r, с соединительным гласным =u=.

Отметим, что в текстах старописьменного языка нередко встречаются случаи раздельного написания суффикса слитного деепричастия =n, что в сочетании с соединительным гласным =u= дает =un, который графически совпадает с разновидностью показателя родительного падежа =un, например: Oyirad=un Ügedei Dayibu, qaračin=i Bolui tayisi, sartayul=un Bayantai Aqalqu Mergen, qongkirad=un Eselei Dayibu dörbegülen ber kürgegül=un ilgebei /III, с.67/ 'Четверых: ойратского Угадэя Дайбу, харачинского Болой-тайши, сартагульского Баянтая Ахалку Мэргэна, хонхиратского Эсэлея Дайбу - послал доставить (букв. заставив доставить) [ребенка]'; ... ülegsen törül=dür inu kürgeye=e kemen üsigül=ün sayubai /III, с.68/ '... сказал: «Оставим оставшейся родне», - хил под охраной (букв. имея опору, т.е. охрану)'; Čisun bayulyaaju ködel=ün bayiqui bügüdeger üjebeyi /АТ II, с.147/ 'Все увидели, что течет кровь'; Ai Ügedei, ećige eke ber ür=r=yin bey=e setkil, jocabaysan=i ür=e ülü durad=un bui ajuu /АТ II, с.37/ 'Эх, Угэдэй! И отец, и мать беспокоятся о своем сыне, а сын [ничего] не помнит'.

В свою очередь, и суффикс =r=un употребляется как в раздельном, так и в слитном (=run) написании.

Появление суффикса =r= в старописьменном монгольском остается не ясным. Очевидно, =r= придавал глагольной основе какое-то временное значение. Заемствование его в монгольский произошло несомненно под тюркским влиянием и одновременно с введением уйгурского письма. Поэтому сферой применения этой формы был письменный язык. В живом разговорном языке она заменилась другими глагольными формами, обыкновенно формами окончательными /40, с.115/.

По мнению В.Л.Котвича, форма на =r - это особая глагольная форма, возникшая в тюркских и тунгусских языках. «Первоначальное значение этого суффиксастерлось, и в разных языках он служит для образования разных форм, которые только более или менее точно определяют время или какую-нибудь другую категорию глагола. Чаще всего суффикс =r образует формы настоящего, ближайшего будущего или же недавнего прошлого времени. Они имеют

характер причастий, но могут выступать и в качестве изъявительного наклонения глагола» [41, с.276-277]. О форме на =ra=g в тюркских языках см.: [7, с.29-30].

В монгольских языках этот тюркский суффикс обнаруживается двояко: в форме деепричастия цели на =r=a и в форме на =r=un.

Форма на =run занимает особое положение среди всех других деепричастных форм по своему значению и употреблению в предложении.

В современном монгольском языке эта форма фактически исчезла. Она абсолютно неизвестна живой речи и лишь изредка встречается в произведениях эпистолярного жанра, где образуется от основ некоторых глаголов говорения и всегда предваряет прямую речь.

Форма на =r=un была свойственна старописьменному монгольскому языку, но и здесь отмечались «ограниченный объем образования данного деепричастия от основ немногих речевых глаголов и столь же ограниченная сфера его применения» [77, с.164]. В «Алтан тобчи» эта форма употребляется довольно часто, а главное – с разнообразными глагольными основами. Нами зафиксировано около 60 глагольных основ на =run.

В «Алтан тобчи» можно встретить и известные по другим старомонгольским текстам сочетания *jarliy bolurun* ‘соизволил сказать, повелевал’, *ögülerün* ‘произнес’ и некоторые другие сочетания с речевыми глаголами, после которых, как правило, следует прямая речь, например: *Basa Činggis qayan jarliy bolurun, Tugri ya-jar kükü nemegdejü ibegegdebesü ta Jamuq=a anda=ača namayi kemen setkijü nökečesü kemen ireged ...* [AT I, с.73] ‘Чингисхаган также соизволил произнести: «Когда Небо и Земля оказали мне покровительство, увеличив [мои] силы, вы, [отделившись] от побратима Джамухи, пришли, решив стать моими товарищами»; *Deyi Sečen ögülerün, Yisügei quda qamiy=a odunu či kemebesü ...* [AT I, с.287] ‘Дэй Сэчэн сказал: «Куда ты отправляешься, сват Есугэй?»; *Qituy=a yaryajü ögülerün, köbegüd degüü ner čimu čimayi buliyaju abur=a irebei* [AT I, с.109] ‘Вытаскивая нож, [он] произнес: «Сыновья и младшие братья твои пришли, чтобы отбить и спасти тебя»; *Qayan sanarun, egüber bolusa nadur mayu setkikü ünen aju* [AT I, с.155] ‘Хан подумал: «Видать правда, что [он] плохое задумал обо мне»; *Taryudai Kiriltuy yeke dayu=bar degüü ner köbegüd=tür=iyen qayilažu keleler=ün, Sirgetü nañayi alan buyu* [AT I, с.109] ‘Таргудай Кирилтух, рыцая, закричал своим младшим братьям и сыновьям: «Ширгэту ведь убивает меня!».

Однако роль формы на =run в предложении не ограничивается только обозначением действия, предшествующего прямой речи.

Нередко эта форма, образованная, в частности, от основ глаголов движения и состояния, передает действие, во время которого или вслед за которым происходит другое действие, например: *Uyi-yud=un tangyud=un yaňar bidüjü yaburun yadaňu tabun imayan=i sirkülejü sayan temegen=ü čisun qanaňu idejü ...* [AT I, с.114] ‘Когда скитались (букв. скитаясь шли) по уйгурским и тангутским землям, измучились и питались молоком от пяти коз (букв. доили пять коз) и верблюжьей кровью (букв. ели, пуская верблюжью кровь)...’; *Angqa urida anda bolucar=un, Tömüčin arban nigen nasutai bükü=dür Jamuq=a quraltuy sayai Tömüčin=e ögčü ...* [AT I, с.63-64] ‘Когда впервые стали побратимами, Тэмучину было одиннадцать лет, и Джамуха подарил Тэмучину косточку – бабку косули’; *Tömüčin Jamuq=a qoay qamtu tergen=ü urida yabuňu ayisur=un* [oduyad] ‘*Jamuq=a ögüler=ün, Tömüčin anda ayula siqam bayuu=a* [AT I, с.65] ‘Когда Тэмучин и Джамуха ехали вместе впереди повозок, Джамуха и говорит: «Брат Тэмучин, остановимся возле горы»; *Činggis qayan Ong qayan qoyer qamtudju Jamuq=a=yin esergü inu morilay=a kemeldüjü Kerülen mören uruyu morilar=un, Činggis qayan ber, Altan Quçar Daridai yurban=ı manglař yabuylabai* [AT I, с.89] ‘Чингис-хаган и Онг-хаган, объединившись, решили выступить против Джамухи, [и когда они] отправились вниз по реке Кэрүлэн, Чингис-хаган выслал вперед троих: Алтана, Хучара и Дарида’.

Этой деепричастной формой может иногда начинаться предложение: *Ködüler=ün Ulqui Silegečin ögede ködülüged Dalan Nämürgen kürbei* [AT I, с.135] ‘Когда отправились в путь, шли вверх [по реке] Улхуй Шилэгэчин и достигли местечка Далан-Нэмургэн’.

Кроме того, форма на =run может обозначать такое действие, которое может послужить как бы причиной или целью для другого последовавшего за ним действия, например: ... *jayura tatar irgen qurımlan ajuu. Umdayasur=un bayuluy=a bi* [AT I, с.31] ‘... на моем пути пировали татары. Испытывая жажду, я остановился’; *Tere tegün=ü qoyina Ong qayan=u Erke Qar=a aq=a=qayan alaydar=un buruvudju odču naiman=u Inača qayan=dur orujuqu* [AT I, с.112] ‘После того [младший брат] Онг-хагана Эркэ Хара, опасаясь быть убитым своим старшим братом, бежал и явился к найманскому Инача-хагану’; *Qutuytan törügsen köbegüd=iyen tejiyer=ün youl jebe ülü ileden, qoyursan menggersün=iyer tejiyebe*

/АТ I, с.35/ 'Своих родившихся святыми сыновей, чтобы вскормить, острым стержнем [копала], ничего не оставляла [в земле], диким луком и луком [простым] вскармливала'.

Иногда обозначаемое данной формой действие показывает, как, каким образом осуществляется другое действие: Aqu bügüde=yi terigülür=ün, asuru masi asaran böläge /АТ II, с.63/ 'Впереди других меня ставя, милостиво обо мне заботился'.

Форма на -гүн нередко имеет значение финитной глагольной формы, завершающей предложение или часть сложного предложения, например: Uqurdai Sarman ögüler=ün, Čayadai čimai=yi töruge edüi, olan qaračus=i quray=a edüi, qan ečige=dür činu kücün ögkür=ün ы /АТ II, с.63/ 'Ухурдайский Сарман проговорил: «Чагадай, когда ты еще не родился и не собралось еще много подданных, я уже отдавал силу хану-отцу твоему»; ... öndür ayula dabaju, örgün mören=i getülfü, sur dörögüben suntala, temür döögüben tölürütele ſigiyu yabır=un ta /АТ II, с.46/ 'Через горы высокие переваливал, через реки широкие переправлялся, так что ремень у стремян вытягивался, так что железо стремени стиралось. Так-то и вы потрудитесь'. В первом предложении форма на -гүн обозначает действие, совершившееся в прошлом, что определяется смыслом предложения и контекстом в целом. Что же касается второго предложения, то там она передает действие, которое предлагается совершить в будущем. В том и другом случае после сказуемых, оформленных -гүн, следуют подлежащие, выраженные личными местоимениями соответственно I-го и 2-го лица.

Есть примеры, в которых форма на -гүн, не заключая целого предложения, но по крайней мере заключая часть сложного предложения, обозначает действие как настоящего времени по отношению к моменту речи, так и действие будущего времени, например:... kitad=un irgen=ü Altan qayan, tatar=un Megüjin Segül=tü=yi ey=e=dur= iyen ülü oruydar=un / ese orubai kemen / ... /АТ I, с.80/ 'Алтан-хаган китайского народа, сказав, [что] татарский Мегуджин Сэгулту не соблюдает своего соглашения ...'; Jamiq=a ögülerün, onan=u ſiryan qabčiqai=a qurabai bide ergesfü qarir=un kemeged ... /АТ I, с.75-76/ 'Джамуха сказал: «Чингис-хаган/ укрылся в ононском ущелье Джирган, мы вернемся назад...»; Torgyan Sira=yin ökin bi qadayana neretü ... Er=e minu alaydar=un, Tömüčin er=e=yi minu aburaytuyai kemen /АТ I, с.94/ 'Я дочь Торган Шира по имени Хадагана. Мужа моего убивают (букв. муж мой убиваем)! Пусть Тэмучин спасет моего мужа!».

Из приведенных примеров очевидно, что соотнести эту форму с каким-то одним определенным временем невозможно. Употребление формы на -гүн не ограничивается только случаями, когда она предваряет прямую речь, поэтому вряд ли есть основание сохранять за ней название приготовительного, или цитатного, деепричастия.

Наречия

В тексте «Алтан тобчи» наречия представлены как непроизводными (корневыми словами) словами, состоящими из неразложимого икони или неразложимого с точки зрения современного языка корня, так и производными словами, образованными с помощью наречных суффиксов.

К древнейшим, в основном неразложимым, наречиям относятся следующие:

masi 'очень', 'весьма': masi qayirlaba (AT I, c.108) 'очень полюбил'; Sayin ğarliy nom=ud=i mongyolčilan orčiyulju, masi yekede delgeregülügsen ajuu (AT II, c.185) 'Переводя на монгольский язык, [он] очень широко распространил славное учение' ;

Sayi 'недавно', 'только что': Köbegüd=ün minu aq=a Ĵuci či ger=teče sayi yarcu ... (AT II, c.23) 'Ты, Джучи, старший из моих сыновей, лишь недавно вышел из дома' ;

munda 'сейчас', 'теперь', 'поэтому': Munda alaya=edüküi=e üdter qariy=a kemeldüjü qariba (AT I, c.110) 'Сейчас, пока [он] еще не убил [его], немедленно вернемся', - сказали [они] и вернулись'; Munda Taryudai=yi talbiju ilegejü bide bayes=iyen Činggis qayan=a kükün ögkür=e irebei kemejü oduy=e (AT I, c.110-III) 'Поэтому, оставив Таргудая, отправимся и скажем: «Мы пришли сами, чтобы отдать [свои] силы Чингис-хагану」.

Наречие munda в современном языке не употребляется, но оно встречается в доклассическом монгольском (36, §§147, 149, 201; I25, c.87) и в «Алтан тобчи». Оно же, как отмечает В.Л.Котвич со ссылкой на Г.И.Рамстедта, зарегистрировано и в языке монголов Афганистана в парном употреблении со словом ende 'здесь'. В монгольском языке это слово неразложимо, однако В.Л.Котвич возводит его к тюркскому указательному местоимению *bi* 'этот', варианты которого *bun*=// *mun*=, *muna*//*miña* проникли в монгольский и получили распространение в ряде словарных форм. Одной из таких форм

и явилось наречие *munda* - тюркская форма местного падежа от основы *mun*= (41, c.156). Наречие мунда со значением 'тут' зафиксировано в тюркских памятниках XIУ в. (96 a, c.17).

В «Алтан тобчи» нередко встречается сочетание *mön=e* (*mön*) *qoyina*, употребляющееся в «Сокровенном сказании» в виде *mono* *qoyina* (§209), *mona* *qoyina*¹ (§171) и переводимое С.А.Козиным «в будущем». Однако В.Л.Котвич считает этот перевод не точным, не учитывающим значение слова *mono*, которое, по его мнению, соответствует тюркскому типа от того же местоимения *bi* 'этот'. Сочетание *mono* *qoyina* он предлагает переводить «теперь и в будущем» (41, c.156-157). Восходя к тирскому *bu* (*bun*), это сочетание претерпело эволюцию: в литературном языке и диалектах оно обрело форму с широким гласным переднего ряда (*mön*). В форме *mön/mön=e* оно зафиксировано и в языке «Алтан тобчи»: Basa *mön* *qoyina* Bidügün=i uqud ta (AT I, c.140) 'Сейчас и в будущем вы вразумляйте Бидугуна'; *Mön=e* *qoyina* önečin köbegün=i minu asaraqui=yi medetügei kemebə (AT I, c.132) 'Воля обратима' позаботиться и сейчас и в будущем о моих сыновьях-сиротах' (ср. соответствующие места в «Сокровенном сказании» §§171, 209: *mona* (*mono*) *qoyina*).

Сопоставляя параллельные с «Сокровенным сказанием» места текста, можно полагать, что *mön* в тексте «Алтан тобчи» встречается и в значении наречия *munda*, так как заменяет его. Для сравнения приведем текст «Сокровенного сказания» и соответствующий в «Алтан тобчи»: Ene bürün kē'esü munda alaysa=iyan dayisurqaysan=iyan ülü buča munda ji'an büyyü (Сокр.сказ., §147) и Mön bürin kemebesü mori alaysan=iyan dayisurqaysan=iyan ülü bučan mön jiyan buyu (AT I, c.96). В обоих случаях перевод может быть таким: 'Теперь, когда ты все сказал, ты не скрываешь своей враждебности, то, что убил коня, теперь раскрываешь'.

Слово *mön* имело, по-видимому, в то время разные значения, в частности, использовалось и вместо наречия *munda*. В современном языке оно употребляется довольно широко, но с несколько иным кругом значений, что видно из следующих примеров: мен газар 'то же место'; мөн шенэ 'в ту же ночь'; тэр хүн энэ мен 'он и

¹ Сочетание *mona* *qoyina* встречается и в китайско-монгольских надписях I335 и I362 гг., где оно обозначает 'в будущем' (110; 111).

есть тот человек'; мэн хэлэх 'говорить правильно'; мэн мэн 'правильно, правильно' (МРС, с.244).

Üdter 'тотчас', 'немедленно', 'быстро': Köbegü degüü minu üdter qaritqun (AT I, с.110) 'Сыновья мои и младшие братья, немедленно возвращайтесь!'; Namayi alar=a edüküi=e üdter qaritqun (AT I, с.109) 'Пока меня еще не убили, скорей возвращайтесь!'; Üdter uruldunam (AT I, с.100) 'Тотчас сразимся', - сказал (он); Иногда üdter употребляется в сочетании с наречием Jayur=a, передавая то же значение 'тотчас', 'немедленно': Bi morin unuyad üjetele üdter Jayur=a üleküü (türgen) irekü bölige (AT I, с.93) 'Я бы оседдал коня и тотчас же приехал'.

Basa 'снова', 'опять', 'также', 'еще': Basa sutu Činggis qayan Qasar ekiten degüü ner=iyen soyun jarliy bolurun (AT II, с.33) 'И еще мудрый Чингис-хаган дал наказ своим младшим братьям во главе с Хасаром'; Tömučin köbegün edüge basa odusyan ulus=i minu aburažu ögbe (AT I, с.122) 'Сын Тэмучин сейчас снова спас и вернул мой разбежавшийся народ'.

Möltü 'вскользь', 'второпях': ... möltü aldayulju irebe b'i kemekü bölige (AT I, с.93) 'Я бы сказал, что второпях [меня] упустили и прибежал [к вам]'.

Saća 'сразу', 'тотчас': Toyoril qayan Jamuq=a=yin ede üges=i kürgegülüged saća qoyar tümed (tümen čerig=üd) morilabai (AT I, с.57) 'Тогорил-хаган, получив от Джамухи эти известия, тотчас выступил в поход с двумя тумэнами'.

В рассматриваемых ниже непроизводных с точки зрения современного монгольского языка наречия можно выделить характерные для наречий словообразовательные морфемы, порой восходящие к падежным показателям.

Jayura 'дорогой', 'по пути' - форма местного падежа от корня Jayur= со значением 'промежуток': Kitad=un Jingdei qayan čerig=üd=iyen abču Mongyol=du mordaju iretele Jayura učaralduju kitad yuu kūriy=e uquju ese qalyaba (AT II, с.148) 'Китайский Джиндэй-хаган, отправившись со своим войском в Монголию, по пути встретился [с Эсэн-тайши], но китайцы, вырыв вокруг глубокие рвы, не подпустили [его]'.

Gedergü 'назад', 'обратно', 'навзничь': ... gedergü qara-yun yaryaba (AT II, с.148) '... позади выставил караул'; Sirgetü ebügen bosun yadažu Taryudaiyi tergen degere unayulju gedergü degere inu aydal an sayuju kituy=a yaryaju ögülerün (AT I, с.109) 'Ширгэту-эбугэн взвалил на телегу Таргу-

дая, который не мог подняться, повернул его навзничь, сел на него верхом и, вытащив нож, сказал ...'.

Esergü 'навстречу': Irekü-lüge ıguuyud mangyud esergü dobtulju jırükən=i darubai (AT I, с.132) 'С приходом [врага] уругуды и мангуды выступили навстречу и потеснили джуркэнов'; Daruju ködelgejü ayisuqui=dur, olan dongkiyad esergü dobtulba (AT I, с.132) 'Когда тесня [врага] двигались дальше, [ему] навстречу бросились олан-донгхийады'.

В наречиях gedergü и esergü можно выделить =gü - словообразовательный элемент, присоединяемый к основе на=r: *gede=r=gü (ср. gede=yi 'выгибаться назад'), *ese=r=gü.

Manayar 'завтра': Köke Čos üde manayar dergede aju setkigsen=iyen kelen atuyai kemen jarliy bolba (AT II, с.27) 'Пусть же Кокэ Чос обсудит с ним задуманное, находясь при нем с утра до вечера (букв. в полдень и завтра)'. В этом ныне неупотребительном и морфологически неразложимом наречии можно выделить словообразующий суффикс =yar (mana + =yar); ср. man=an 'утренний туман', mana=qu 'восходить [о солнце]' - особый наречный суффикс, генетически связанный с окончанием орудного падежа (4I, с.315) и присутствующий в таких наречиях, как üneger ~ üneker 'в самом деле', yayčayag 'одиноко'. Это наречие употребляется и в форме manayarsi, где =si наречный суффикс (ср. degegsi) 'выше', 'вверху', čayaysi ' дальще': ... manayarsi edür dölei naran kelberigülüged... (AT I, с.129) '... на завтра днем, когда солнце склонилось [к западу] ...'.

Üneker 'действительно', 'в самом деле'. Здесь также можно выделить корень üne= (ср. ünen 'честный, правдивый') + суффикс =ker: Berke kečegü üyile=dür minu qaril=ügei üneker jitgüyü yabuči ... Boyorči minu či nigen üge ögüle gebe (AT II, с.12) 'Говори ты, Богоччи, по-настоящему усердно трудившийся в сложных и тяжких делах моих'.

Jayčayar 'одиноко', 'один', 'в одиночестве' (ср. yayča 'одинокий', 'единственный', 'только один'): ... nigen singqula mori=tu ulayan degel=tü ıgy=a=ban bariju yayčayar nekejü güyicejü irebe (AT I, с.45) 'Их догонял в одиночку человек в красном тулупе на белом коне, с урюком в руке'.

Qamtu=bar 'вместе', 'совместно' образовано посредством =bar, показателя орудного падежа² от наречия qamtu, в свою оче-

² Такой способ образования наречий особенно продуктивен в современном языке, например: сайн 'хороший', 'хорошо' - сайнаар

редь состоящего из корня *qam*= и суффикса *-tu*, обозначающего совместность или обладание чем-либо; ср. например: *Qamtu dob-tulju oruyad siry=a ayt-a=tan=i üldejü yarbai* /AT I, c.45/ 'Напали вместе и угнали соловых меринов' и *Qamtu=bar yabubasu...* /AT I, c.106/ 'Когда вместе шли ...'.

В наречии *sayitur* 'хорошо', 'хорошенько' можно выделить суффикс *=tur* (ср. *sayin* 'хорошо', 'хороший'); *Erketü Tngri=eče esitü qad=un sakiyulsun=bar sayitur tetgün ibegəjü ...* /AT I, c.193/ букв. 'Ханы, происшедшие от могущественного Тэнгри, хорошо помогают своей защитой ...'.

В наречиях *oyira* 'вблизи', 'рядом', *degere* 'наверх', 'наверху', 'тут', *doura* 'внизу', *dotura* 'внутри' можно выделить корни *oyi=r=a*, *dege=r=e* (ср. *degegsi*), *dou=r=a* (ср. *doyuysi*), *dotu=r=a* (ср. *dotuysi*), основообразующий элемент *=r* и показатель древнего местного падежа *-a*. Приведем несколько примеров: *Oyira dergede ken bui kemebesü qongqotan=u Čirq=a ebügen=ü köbegün Menglig oyira bui kemebesü ...* /AT I, c.31/ 'Когда спросил: «Кто здесь поблизости находится?», - [тот] ответил, что поблизости находится сын хонхотанского Чирха-эбугэна Мэнглик'; ... *degere kütün ülü üküyü* /AT I, c.30/ 'Когда/ человек наверху, он ведь не погибает'; *Adai qayan=i Toyun tayisi mön degere bariba* /AT I, c.134/ 'Тогун-тайши тут же захватил Адай-хана'; ... *mön öbesüben doura sayujuqu* /AT I, c.118/ '... сама села ниже'; *Basa tere čilayun=i qayalaju üjebesü dotura inu qas-büü tamay=a ajuu* /AT I, c.26/ 'Когда расколол тот камень, внутри лежала нефритовая печать'.

В таких наречиях, как *ende* < *en=de 'здесь', *tende* < *ten=de 'там', *erte* < *er=te 'рано', *urida* < *uri=da 'раньше', 'прежде', *önide* < *öni=de 'навеки', 'навсегда', *genedte* < gened=te 'вдруг', 'неожиданно'³ *anggida<anggi=da* 'от-

'хорошо'; *muu* 'плохой', 'плохо' - *muugaar* 'плохо'; *turgэн* 'быстрый', 'быстро' - *turgэнээр* 'быстро'.

³ А.С.Козин полагал, что *genedte* - отлагольное существительное со значением 'неожиданность', образованное тем же суффиксом, что и группа глаголов на *=t*, которые встречаются только в «Сокровенном сказании...» и близких по значению образованиях на *=m*, *=mii*, *=qun*, но с некоторым оттенком сомнения /35, c. 28-33/.

дельно', *dergede* < *derge=de 'рядом', 'около' можно выделить корни и суффикс *=da* /=de(=ta/=te), - показатель дательно-местного падежа.

В языке «Алтан тобчи» подобные наречия встречаются сравнительно часто: *Ese suraysan mayu=yi ende talbiju od* /AT I, c. 23/ 'Отправляйся, оставил здесь то плохое, чему не учили'; *Tende tatar=un Yeke Čerü=yin ökin Yisügen qatun=i Činggis qayan abuba* /AT I, c.117/ 'Там Чингис-хаган взял в жены Есу-гэн-хатан, дочь татарского Екэ-Чэрү'.

Наречие *ende* (равно как и *tende*) употребляется и в форме исходного падежа: ... *nigen ökin=ü öngge ger=e* /gerel/ *endeče üjegdemü* /AT I, c.87/ '... отсюда виден свет, исходящий от этой девушки'; ... *endeče tendeče qubčiju* /AT I, c.149/ 'Собрав отовсюду (букв. отсюда оттуда)...'; *Basa tere köbegün=i dergede sayulyajus...* /AT I, c.107/ 'Тому мальчику велел также сесть рядом ...'; *Urida Qorči noyan Qutuy=a beki qoyer tümed=e bariyadju ...* /AT I, c.24/ 'До этого [раньше] Хорчи-нойан и Худуга-бэки были захвачены тумэдами'; *Qayan ejen tegün=eče qoyinaysi=de Boyorči=yi önidé masi qayiralaba* /AT I, c.108/ 'Владыка хагана после этого навеки очень полюбил Богорч'; *Eke=yi genedte ireküllüge ayuqu=bar ayuba* /AT I, c.38/ 'Очень испугался, когда неожиданно вошла мать'; *Erte bosču oroi kebten...* /AT I, c.23/ 'Рано вставая, поздно ложась...'; ... *abuysan er=e qola anggida alus kedüs qamiy=a uday=a kemen Jarliy boluysan ajuu* /AT I, c.21/ '... муж, которого взяли [в мужья], отдельно (букв. порознь) куда далеко уйдет'.

Суффикс *=de* присоединяется иногда и к полнозначным словам, как, например, *yeke* 'большой', 'очень' - *yekede* 'очень': ... *bur-qan=i šasin=i yekede delgeregülbei* /AT I, c.6/ '... весьма распространил буддийскую веру'.

В наречиях *edüge* < *edü=ge 'сейчас', 'теперь', *örlüge* < *örlü=ge 'утром' можно выделить суффикс *=ya* /=ge (ср. *yada=ya*, *yada=na* 'снаружи'): *Bi ber edüge ütelbe* /AT I, c.122/ 'Я сейчас состарился'; *Mendü örlüg örlüge bosuyad qayan=i temčeve* /AT I, c.139/ 'Мэнду-орлук, встав утром, поспешил к хагану'.

В таких наречиях, как *yoyna* 'после', 'потом', 'сзади' (от *yoysi=*; ср. *yoitu* 'на севере', 'сзади'), *emüne* 'впереди' (от *emü=*), *yadana* 'снаружи' (от *yada=*), можно выделить наречный суффикс *=na* /=ne: *Yoyna kürinen=dür basa sibegalejü ese abtaba* /AT I, c.177/ 'Потом построили еще частокол в курене и не были захвачены'; ... *tende tabun öngge dörben qari=yi emüne=e*

ben čiyulyažu ... /AT П, с.117/ ... там /он/ собрал впереди себя пять цветных и четыре чужих народа ... ; ... yadan=a yarču qonuyad ... /AT I, с.156/ 'Сами' выходят наружу и спят Эти же наречия употребляются и в форме исходного падежа, например: Emüne=eče irekü dayisun=i böglesü ... /AT I, с.99/ 'Врагов, идущих спереди /с юга/, задержу...'; Tömüčin Qasar tan emüne qoyina=ača inu ötürmeljü odbai /AT I, с.37/ 'Тэмучин и Хасар /один/ спереди, /другой/ сзади выстрелили и ушли'.

Среди наречий можно выделить образования с суффиксами =ysi, =si (как правило, это - наречия, указывающие направление действия): inaysi 'далше', 'вперед', 'в эту сторону' (от ina=,ср. inadu 'находящийся по эту сторону'), činaysi 'назад', 'далше', 'в ту сторону' (от čina=,ср. činadu 'находящийся по ту сторону'); degesgi 'верх', 'выше' (от dege=;ср. degere 'наверху'); qoyisi / qoyinaysi 'сзади', 'далше' (ср. qoyina 'позади'); doruysi 'внизу', 'вниз' (от do=,ср. dour=a 'внизу'), uruysi 'вперед'; qamiyasi / qamiyasi 'куда' (ср. qamiy=a 'где', 'куда'); например: Ulam inaysi yabuysan=dur ... dung buriy=e=yi abubai /AT П, с.182/ 'Когда пошли еще дальше, взяли трубу из раковины /дунг-бура/'; ... darui öndür degere yarču tuy=un terigün=i doruysi qatqujü... /AT I, с.101/ ... тотчас же взобрались на высоту и воткнули вниз /в землю/ дерева знамен ...'; Boyorči uruysi=ban alalduju yabuji qoyinaysi=ban qarađu üjeged ... /AT I, с.101/ 'Богорчи, сражаясь, продвигался вперед, а оглянувшись назад, увидел ... ; Ejen=iyen altan jiluy=a qamiyasi bolbasu buu qayačasu gebe /AT I, с.99/ 'Где бы ни были золотые подъяды государя, не разлучусь /с ним/ '.

Вероятно, этот же суффикс =si присутствует и в слове üdesi 'вечер', 'вечером' (ср. üde 'подень'): ... yurban qonuju üdesi naran qobur /dalda/ tasin bükü=dür nigen yuke küriy=e irgen=dür kürbesü ... /AT I, с.45/ ... через три дня, вечером, когда солнце уже склонялось к закату, подъехали к одному большому курению ...'.

К наречиям на =ysi, =si может присоединяться суффикс =da /=de: Töbed=ün kümün ucirajü qamiy=a=ača irekü bıyu gejü asyaba. Degeside Jiyabai /AT I, с.4/ 'Тибетцы, встретив его, спросили: «Откуда прибыл?» /Он/ показал вверх'; Tngri=eče inayisi=da qorin nigen üy=e boluysan=u qoyina, teyin=kü Boyda qubilju törüged ... /AT П, с.11/ 'Через двадцать одно поколение /после того, как спустился/ сюда с Неба, родился /тот сын/ и превратился в этого самого Богда'.

От числительного nigen 'один' при помощи суффикса =te образовано наречие nigen=te 'уже', 'однажды': Yisügei bayatur anda minu odun baraysan ulus=i minu nigen=te aburažu ögde /AT I, с.122/ 'Есугэй-багатур, мой побратим, однажды уже спас и вернул мой захваченный народ'.

Глагольное происхождение имеет наречие darui 'тотчас', 'немедленно', 'скоро', образованное от глагольной основы dar= 'теснить', 'притеснять', 'давить' 'побеждать' посредством суффикса =ui: ... darui öndür degere yarču ... /AT I, с.98/ 'Тотчас взберусь на вершину и ...'.

В «Алтан тобчи» употребляются также наречные словосочетания, tedüi atala 'тем временем' (из tedüi 'так', 'столько', 'столько-ко' и atala - форма деепричастия предела от архаичного глагола a='быть', 'существовать'): činggijü bayitala 'тем временем', 'таким образом' (из činggijü 'так', 'таким образом' и bayitala-форма деепричастия предела от глагола bai= 'быть'): Tedüi atala Dow=a soqor ügei boluysan=u qoyina ... /AT I, с.97/ 'Тем временем, после смерти Дува-сокора ...'; Činggijü bayitala Boroqul=un toluyai=du sumu tusba /AT I, с.102/ 'Тем временем в голову Борохула попала стрела'.

Встречаются и парные наречия, вроде endeče tendeče /AT П, с.41/ 'со всех сторон (букв. отсюда-оттуда)', и наречия-повторы, состоящие из двух компонентов, объединенных по звучанию, при этом один из них или даже оба могут не иметь самостоятельного лексического значения, типа alus kedüs 'далеко' (alus 'далеко', kedüs - звучный компонент): Belen ner=e er=e=yi bekilebesü, abuysan er=e qola anggida alus kedüs qamiy=a odqu kemen ſarliy boluysan ajuu /AT П, с.21/ «Если запрещишь именитого мужа, то как далеко уйдет тот муж, который взят в мужья?», - так /он/ сказал'. Сюда же относится ubur subur 'друг за другом' (компоненты объединены по звучанию; ср. в совр. монг. уван цуван 'гуськом, друг за другом' при цува= 'идти по-одиночке друг за другом'); Qoyina=ača inu ubur subur /ulam sulam/ nekejü ayisun /ireŋ/ /AT I, с.45/ 'Сзади один за другим приближались /гнавшиеся люди/. В этом предложении ubur subur пояснено в тексте дополнительной гlossenой ulam sulam 'мало-помалу' (при ulam 'еще', 'все более', sulam - звучный компонент).

Из числительного nige 'один' и слова mösün 'раз' /34/, не имеющего в современном монгольском языке самостоятельного лексического значения, образовано наречие nige mösün 'сразу',

'в один прием': ... temür dörögetü köl=i nige mösün tasu
čabčiba /AT П, с.174/ 'Сразу отрубил ногу в железном стремени'.

Послелоги

Послелогами принято называть служебные слова, при помощи которых осуществляется управление именными формами для выражения пространственных, временных и ряда других отношений.

Важным критерием для отнесения послелогов к разряду служебных слов является несамостоятельность исходного знаменательного слова как члена предложения в результате его грамматикализации в определенных синтаксических конструкциях. Вместе с тем, как известно, степень абстрагирования знаменательного слова от своего лексического значения бывает различной, и послелог, будучи служебным словом, сохраняет ту или иную степень соотнесенности с реалиями через посредство соответствующего знаменательного слова. Иначе говоря, послелоги имеют опосредованную соотнесенность к реалиям.

Большая часть монгольских послелогов исторически восходит к знаменательным словам с реальной семантикой, а некоторые и ныне являются омонимами по отношению к полнозначному знаменательному слову. И лишь немногие из послелогов почти невозможно возвести к тому или иному знаменательному слову.

Исходя из степени грамматикализации знаменательных слов, послелоги можно подразделить на две группы:

- а) собственно послелоги,
- б) послелоги – изолированные (определенным образом грамматикализованные) формы знаменательных слов.

Собственно послелоги – это слова, семантически не соотносимые с реальными предметами, признаками или действиями и выполняющие в предложении роль только грамматических показателей. Число таких послелогов крайне ограничено.

Tula / tulada 'так как', 'потому, что', 'для того, чтобы', 'за', 'ради'. Этимология этого слова не ясна. Можно только предположить его именное происхождение: tulada – форма дательно-местного падежа от tula . В отличие от современного языка, где tula управляет основой, выражая причину ('так как'), и родительным падежом, обозначая цель ('для того, чтобы'), в языке «Алтан тобчи» он употребляется только с родительным падежом и передает как причинное, так и целевое значение, что выявляется из контекста.

Послелог tula встречается чаще, чем tulada, хотя никакой разницы в их значении не прослеживается. Для сравнения приведем несколько примеров: Noymusiy⁴ aburi=tu=yin tula noyakin омуутан bolba /AT I, с.18/ 'Так как был княжеского нрава /как нойян/, то образовался род нойакин'; Bayurči Sigürči ögüler=ün, Yisügei bayatur Negün tayisi qoyar=i ügei=yin tula eyin=kü askiydaqu man=u yayán kemeged yoke dayun uyilažuqui /AT I, с. 77/ 'От того, что не стало Есугэй-багатура и Нэгун-тайши, меня так избивают', – сказал повар Шихурчи и громко заплакал'; Jebelekü ama čayan qula=yi minu aman niruyu=yi inu qarbuysan=u tula jebe kemen nereyidü jebelleye čima=yi kemen /AT I, с.96/ 'Так как ты ранил в спину и шею моего боевого саврасого [стрелой-джэбэ], будем теперь называть тебя Джэбэ'; Gegen qa yan öberiyen kijayar daki qarangqui=yi geyigülkü=yin tula ... Blam=dur bayasqulang=un qurim mörgükü=yin beleg ... etgüjü mörgübei /AT П, с.182/ 'Чтобы озарить светом темноту в своих землях, Гэгэн-хаган ... поклонился Ламе и преподнес /ему/ праздничные подарки'; ... tngri=dü čayan mori, yačar=tu qara üker alan takiju qoyar ulus ey=e yabuqui=yin tula aman alaba /AT П, с.192/ 'Чтобы два народа жили в согласии, поклялся принести в жертву Небу – белого коня, Земле – черного быка'.

Подобное значение имеет и послелог tulada: Sečeyiken aqai sonus. Qayan ečige činu čamayı ökin törügsen=ü tulada oyipad irgen daruyulan nutuylaba /AT П, с.23/ 'Сэчэй-хэн-ахай, слушай! Хаган, отец твой заставил покориться и кочевать /здесь/ ойратский народ, ради тебя, рожденной /им/ дочери'; ... irgen orqun=i inu Ong qayan=a abču öggügsen=ü tulada tende anda bolulčabai /AT I, с.112/ 'Так как /отобрал/ людей и скот его, отдал их Онг-хагану, они стали побратимами'; Tegün=ü qoyina Manduqli qayan üge olulčaqui=yin tulada qoyar elči ile gegsen ajuyu /AT П, с.154/ 'После того Мандухули-хаган послал двух послов для того, чтобы объясняться (букв. обменяться известиями)'.

Послелог tula / tulada употребляется в «Алтан тобчи» довольно часто и, по-видимому, с более широким кругом значений, о чем можно судить по отсутствию в данном тексте таких послелогов,

⁴ Так в тексте «Алтан тобчи» и в рукописи вм. noyamsiy.

как *tölüge* 'для', 'за', 'об' и *tuqai* 'о', 'об', 'относительно', роль которых выполняют *tula* / *tulada*: *Onon mören=ü ergi ki ... uruy-un uruy=iyan tulada, ordu ger=iyen tula olum bolyabai* ј=a bi. *Kerülen mören=ü ergi ki ... kereg=tü uruy=iyan tulada, ger terge=iyen tula getülgan bolyabai* ј=a bi /AT II, с.33/ 'Берег реки Онон ... я сделал бродом (т.е. переправой) для всех своих родичей, для дворцовых юрт, берег реки Кэрүлэн ... я превратил в переправу для нужд своей родни, для своих юрт и повозок'.

Metü обозначает уподобление чему-либо 'как', 'словно', 'подобно'. Управляет первой (полной) основой имени, например: *Edüge neren saran metü lam=a qayan qoyar=un učiraysan=u ači=bar* ... /AT II, с.183/ 'Благодаря тому, что теперь встретились хаган и Лама, подобные солнцу и луне ...'; *Erten=ü Alun you=a=yin tabun köbegün metü yakin ey=e tan=u öbere bolbai* /AT I, с.36/ 'Вы так же не согласны между собой, как пятеро сыновей Алун-гоа, [жившей] в прежние времена'.

Синонимом *metü* является послелог *sitü*. В отличие от *metü* он в «Алтан тобчи» зафиксирован в одном случае: *Gayça köbegün minu ügei sitü yaucha bui* /AT I, с.122/ 'Единственный сын мой, [он] один [у меня]' (букв. единственный сын мой, единственный, подобно тому, что нет'). Приведенный пример имеется в тексте «Сокровенного сказания» (§164). Один раз этот послелог употреблен в китайско-монгольской надписи 1338 г. В комментариях к переводу монгольского текста на английский язык Ф.Кливш указывает, кроме того, на случай употребления *sitü* в тексте «Сюя цзин» (не опубликован) и на упоминание о нем А.Мостартом в его ордосском словаре /II2, с.54,80-81/.

В рецензии на книгу Г.Д.Санжеева «Сравнительная грамматика монгольских языков» (т.1) Л.Лигети предлагает рассматривать *sitü* в связи с послелогами *metü* и *singgi*, считая, что *sitü* семантически примыкает к *metü* и *singgi* ... и связан с последним этимологически. Кроме «Сокровенного сказания» и китайско-монгольской надписи 1338 г. Л. Лигети приводит примеры употребления *sitü* в некоторых других монгольских текстах /42, с.140/.

Послелоги - изолированные формы знаменательных слов. Сюда относятся послелоги, выделившиеся из разряда знаменательных слов, главным образом из разряда имен, наречий и реже глаголов. Они управляет той или иной падежной формой именных частей речи, порой утрачивая лексическое значение самостоятельного слова.

Ači=bar 'благодаря, вследствие, в результате', 'так, как', представляет собой форму орудного падежа от *ači* 'услуга', 'благодействие', 'благодарность', управляет родительным падежом: *Tede-ger ačitu qad=un ači=bar burqan=u šasin edüge kürtel=e delge-regülüsən ajuyu* /AT I, с.6/ 'Благодаря тем благодетельным ханам и до сих пор распространена буддийская вера'; ... *učiraysan=u ači=bar* /AT II, с.183/ 'Благодаря тому, что встретились...'.

Yosuyar 'согласно', 'в соответствии с', 'так же, как и' является формой орудного падежа от *yosu* 'обычай, традиция, закон'; причем, как уже отмечалось в литературе, «в классическом языке наметилась и утвердилась орфографическая дифференциация между послелогом и формой орудного падежа: *yosugar* (свообразная транскрипция устной произносительной формы *yosor*) 'по', 'согласно', 'в соответствии' и *yosun-i-jep* или *yosu-ber* 'законом, обычаем, порядком'» /74, с.217/. Послелог *yosuyar* управляет основой и родительным падежом, например: ... *basa kū uridu yosuyar ügei bolbai* /AT I, с.27/ 'Так же как и прежде исчезла'; *Edüge ... qamuy=iyar arban buyan=u yosuyar yabutuyai* /AT II, с.183/ 'Теперь пусть все живут согласно десяти добродетелям'.

Esergü 'к', 'против', 'навстречу', управляет основой и родительным падежом, например: *Naran esergü büse=ben kükügün-degen elgüyü* ... /AT I, с.53/ '(Повернувшись) к (букв. навстречу) солнцу, повесил свой пояс себе на шею ...'; *Činggis qayan Ong qayan qoyar qamtudju* Čamtuq=a=yin esergü inu morilay=a kemeldüyü ... /AT II, с.89/ 'Чингис-хаган и Онг-хаган, объединившись вместе, решили выступить против Джамухи'.

Umara ~ umara=ača 'за', 'сзади' (от *umag* 'север', 'северная сторона'), управляет родительным падежом, например: ... *ger=ün umara Čedei, Čelme=qoyar tṣuyljir qara üker Čimelen alaju büküi=dür* ... /AT I, с.144/ 'Когда Джэдэй и Джэлмэ резали за юртой черного комолого быка ...'; *Ger=ün umara=ača kebte-gül=lüge qantu bayiji kelelegegültügei* ... /AT I, с.156-157/ 'Пусть сообщают [сведения], находясь с кэбтэгулами за юртой'.

Selte 'вместе; совокупно', принадлежит к числу древнейших послелогов, о чем можно судить по употреблению его в памятниках XIII - XIV вв. /II0, с.67/. О его именном происхождении можно судить по способности присоединения к нему падежного показателя, например: *Basa tatar=un Alji qayan arban yurban nasutu büküi=dür eke selte=yi dayaliju odju...* /AT I, с.114/ 'Татарский Аджи-хаган захватил [его] вместе с матерью, когда [тому] было тринацать лет ...'; *Quda Čilayun qoyar köbegün irgen selte=*

yi tūlijū /oljalaju/ Činggis qayan=a ese ögbe /AT I, c.119/ 'Захватили [в плен] его сыновей Худу и Чилагуна вместе с подданными, но Чингис-хагану ничего не дали'.

Dotura 'в', 'внутри', 'среди'; по происхождению – это форма местного падежа на =a от dotur 'нутро', 'внутренность', 'внутренняя сторона чего-либо'. В качестве послелога управляет основой и родительным падежом, например: Tere köbegün=i inu ger dotur=a jaruqu böläge /AT I, c.10/ 'Того мальчика сделал слугой в юрте'; Ildei eke ger=ün dotura böläge /AT I, c.143/ 'Илдэй находилась в юрте'; Tömöčin siyui dotura yurban qonubasu ... /AT I, c.38/ 'Тэмучин трое суток провел в роще ...'. Послелог dotura управляет чаще основой и реже родительным падежом неодушевленных имен, передавая значение предлога «в»: в юрте, в лесу, в постели, в роще. Имея же значение 'среди', 'внутри', он управляет родительным падежом одушевленных имен и основой неодушевленных, например: ... yoruqan uruyu negüjü ayisuqui /ireküi/ irgen=ü dotura nigen qarqdai /segür/ tergen=ü öljigede /küdegei aral=dur/ sayuysan nigen ökin=ü öngge ger=e /gerel/ endeče üjegdemü /AT I, c.8/ 'Отсюда виден свет, исходящий от девушки, которая сидит в крытой повозке среди приближающихся в реке людей'; qamuq qurayzad=un dotura üge ögüleküm=i masi berke acila /AT II, c.7/ 'Очень трудно говорить среди всех собравшихся'; Dalai=yin qoyiy dotura qarabtur sibayun körü qara čilayun degere... yurban edür dongyudbai /AT I, c.26/ 'На камне [посреди] морского полуострова ... три дня кричала черноватая птица'.

Adali 'похожий', 'одинаковый', 'как'; в качестве послелога управляет дательно-местным падежом, например: Morin kümün ber čim suraqi=dur adali teyimü kümün bui /AT I, c.14/ 'Конь и человек, подобные тому, что ты спрашиваешь (букв. подобные твоему спрашиванию), есть'; Yisügen qatun=u üge=dür adali bolyaju ... /AT I, c.118/ '[Она] соответствовала (букв. была подобно) словам Есугэн-хатун'; Ene uridakı törül=dür adali busu kemeldüjü ... /AT I, c.4/ 'Говорили между собой, что ... не похож на прежнее перерождение'.

Sacayu 'одновременно', 'наравне', образован от имени sacayu со значением 'одинаковый', 'равный'. В качестве послелога управляет соединительным падежом: Qara quluyan=a qara qorusun=i amsabasu, qad=luy=a sacayu bui kemen sedkil ajuu /AT II, c.58/ 'Если черная мышь попробует крепкой водки, то уже ставит себя наравне с ханами'.

Üög 'в сторону', 'по направлению к' (от üög 'сторона', 'направление'), в качестве послелога управляет основой, например: Mön söni jörčin Jämuq=a üög ködelbe /AT I, c.68/ 'В ту же ночь отправились в сторону Джакумы'; Činggis qayan Onan üög tayıciyud=un Nayaču bayatur=i nekebe /AT I, c.90/ 'Чингис-хаган преследовал тайчигудского Нагачу-багатура по направлению к [реке] Онон'; ... yar=iyan ebüdüğ=tür=iyan daruju Qaldun=a üög yisün=te söküdücü ... /AT I, c.53/ '... прижал руки к коленям и девятикратно поклонился в сторону горы Халдун ...'.

Jayur=a 'во время', 'в момент', 'в промежутке', 'в', 'по пути', управляет основой и родительным падежом, например: Sutu boyda Činggis qayan=u üde jayur=a yabuji uşqan jayul tayıciyud=i daruju ... /AT I, c.106/ 'Обладающий величием Чингис-хаган отправился в полдень и разбил триста тайчигудов'; Altan Quçır Sečen beki ta qoyer Tömöčin anda bide qojar=un jayura sübege sečijü /čičijü/ qabiry=a qatquju yakır qayaçayulba ta /AT I, c.74/ 'Зачем же вы, Алтан Хучир и Сэчэн-бэки, разлучили нас с побратимом Тэмучином, встав между нами (букв. бок пронзив, ребро проколов)'; ... kemen ögulen bükü=yin jayura, üdesi sarqud morin=u terigün idegen=i abuyad kürbesü ... /AT II, c.3/ 'В то время, как [он так] говорил, [частундай] вечер и прибыл [Угэдэй] с напитками и вареной конской головой'.

Anggida 'отдельно от', 'без', (от anggi 'часть' + =da), в качестве послелога управляет исходным падежом: Nökür bi čim=a =ača anggida morin=iyan ker abqui böläge /AT I, c.46/ 'Друг, как бы я без тебя вернул своих коней?'

Degere 'на', 'к' (от наречия degere 'вверх', 'наверху'), в качестве послелога управляет основой и родительным падежом, передавая местно-направительное значение: ... čayan songor

... yar degere minu bayuba /AT I, c.29/ 'Белый сокол ... сел на мою руку'; Mangyud Quyildar=un degere ekerčiküi /erkičebei/ /AT I, c.132/ 'Мангуты повернули к Хуйлдару'; Tegün=ü qoyina Dobu mergen nigen edür dobucay öndür degere görügelen otbasu ... /AT I, c.10/ 'После того однажды Добу-мэргэн отправился поохотиться на Добучаг-ондур ...'.

Иногда degere имеет значение 'около', 'рядом': čim=u degere bide üküy=e gejü ... /AT II, c.17/ 'Мы умрем около тебя', – сказали [они]'

Послелог degegür 'поверх' образован от dege= и наречено-го суффикса =gür (ср. qoyina и qoyiyur 'после'), управляет основой, например: Oyirad ger=ün dotura=ben gün yeke iiii-

ke uquju nüken degegür tuluy delgejü. /AT П, с.140/ 'Ойраты внутри юрты выкопали большую глубокую яму, а на яму положили войлок'; a degegün (из dege= + =gün) 'мимо', 'рядом', 'около' управляет родительным падежом: Kebtegül=ün degegün ken ber buu orutuyai /AT I, с.157/ 'Никто не должен ходить мимо кэбтэгулов!'.

Degereče 'с': Morin degereče naruyi(t)ču alqui=dur ... /AT I, с.227/ 'Когда, наклонившись с коня, взял [ее] ...'.

Dergede 'около', 'возле', 'у', 'к', управляет родительным падежом: Oyitü Öcigen či minu dergede sayu /AT I, с.76/ 'Ты, Ойту Очигэн, будь (букв. живи) около меня'; Tere ökin usun= u dergede olun kümün bayiqui=yi üjeged ečiňü kelebe /AT П, с.159/ 'Та девушка увидела около воды много людей, подошла и сказала...'; Altan ordun=u dergede irebei bi /AT П, с.162/ 'Я пришел к золотому дворцу'; Qas ordun=u dergede irebei /AT П, с.162/ 'Пришла я к нефритовому дворцу'.

Urquu 'по направлению к [по]', употребляется для обозначения передвижения вниз; в качестве послелога управляет основой: Tendeče Činggis Dalan Nemürgen=eče Qalq=a urquu ködeler=ün /AT I, с.136/ 'После того Чингис из Далан Нэмургэнэ двинулся по течению [вниз реки] Халхи'; Ečige=dür=iyen neyilen Selengge urquu ködeljükü /AT I, с.121/ 'Соединившись с родителем, двинулся вниз по Сэлэнге'; Kerülen mören urquu morilar=un, Činggis qayan ber, Altan, Qučar Daridai yurban=i manglai yabuylbai /AT I, с.89/ 'Направляясь вниз по реке Кэрүлэн, Чингис-хаган послал в качестве передового дозора троих: Алтана, Хучара и Даридая'. В современном языке послелог urquu грамматикализовался в падежный показатель руу/луу (направительный падеж), с подчинением закону гармонии гласных и с чередованием начальных р~л в зависимости от конечного звука основы (л употребляется после основ на р): цэцэргруу 'на цветы', гарлуу 'в руку' /56, с.96/.

Oğode / ögede как антоним послелога urquu обозначает направление движения вверх ('по', 'к'), управляет основой имени, например: Biden=ü qaraqul=a üldegdejü ayula öğede dutayaqui bolun ... /AT I, с.119-120/ 'Остановленный нашим караулом, бежал в горы ...'; Tedüi atala Tönggelig yoruqan öğode nigen kümün auisun irebei /AT I, с.15/ 'Тем временем вверх по реке Тунгэлик приближался человек'; Tedeger Ulja öğede türüjü [kürçü] ayisui kememüi /AT I, с.81/ 'Они бегут вверх по реке Улджа», - известил [он]'.

Dumda 'среди', 'в', 'в центре', 'между', управляет основой и родительным падежом: Boydā Činggis qayan busud=a kilečü ayur dumda kelelekü bolun /AT П, с.36/ 'Святейший Чингис-хаган в гневе на других сказал ...'; Činggis qayan... Yisui qatun Yisügen qatun=u dumda sayuju undalaldun büküi=dür Yisüi yekede sigüresülebe /AT I, с.118/ 'Когда Чингис-хаган утолял жажду, сидя между Есий-хатун и Егугэн-хатун, Есий-хатун тяжко вздохнула'; Ejen esegei dumda sayuqui=a jabduysan=dur ... /AT I, с.77/ 'Когда государь хотел сесть посередине войлочной подстилки ...'.

Qamtu 'с', 'совместно с', состоит из корня qam= и суффикса =tu, обозначающего совместность или обладание чем-либо, управляет соединительным падежом⁵: Boydā, Tüdei neretü kümün=i Omi Sečen=luy=a qamtu qaračin=du Jarčiju ... /AT П, с.191/ 'Вместе с Оми Сэчэном государь отправил к харачинам человека по имени Тудэй'; Ta nigen sayin kümün=i yargaju Tüdei=lüge qamtu ilege gejü ... /AT П, с.191/ 'Вы выделите одного хорошего человека и пошлите вместе с Тудэем'; Čayadai öčükən=eče nada=luy=a qamtu ulus bayiyulduley=a /AT П, с.57/ 'Чагадай с малолетства создавал вместе со мной государство'.

Urida 'до', 'до того, как', 'перед', управляет родительным падежом: Ede dörben külüg=üd=i kürküi=yin urida ... /AT I, с.122/ 'До того как прибыли эти четверо кулюков (богатырей)...'; Tegün=ü urida bide čerig morday=a gejü ... /AT П, с.152/ 'Мы выступим в поход раньше его ...'.

Emüne 'до', 'перед', иногда 'для', управляет основой с безличной притяжательной формой и родительным падежом: Ejen=iyen emüne inggejü yabuji kütüne=iyen öggüdeg buyu /AT I, с.101/ 'Вот так-то ты, идя перед своим государем (букв. впереди своего государя), отдаешь ему свои силы?'; Ede ečige köbegün qoyar odun baraysan ulus=i nada quriyaju öggür=ün ken=ü emüne quriyaju öggün jobamui /AT I, с.122/ 'Оба они, отец и сын, собрали для меня разбежавшийся народ, для кого же они собирают и возвращают [его]'; Qayan ejen=iyen emüne üneker jitküyele ... /AT П, с.5/ 'Для своего хагана государя воистину постараемся ...'; Qayan ügei gejü ger=ün emüne sayutala ... /AT П, с.128/ 'Хагана нет», - сказал [он] и сел перед юртой'.

⁵ В современном языке послелог хамт управляет совместным и родительным падежами /74, с.204,212/.

Qoyina / qoyisi / qoyinaysi / qoiyur – самые распространенные в тексте «Алтан тобчи» послелоги, образованные от *qoyi*= при помощи суффиксов =na, =si, =naysi, =yur. Они имеют значение ‘после’, ‘вслед за’, управляют основой, родительным и реже исходным падежами.

После основы причастия прошедшего времени послелог *qoyina* имеет значение ‘после того как’: *Ey=e barabas u-mdan uuysan qoyina Belgütei terigüten tenden orutuyai kemen Jarliy bolba* /AT I, c.117/ ‘Когда совет закончится и после того как будут выпиты напитки, пусть входит туда Бэлгутэй [со своими людьми]’; *Tere elci=yi yaruysan qoyina Qarayčin Dayibučin kegičen=dü suryal kelebe* /AT II, c.145-146/ ‘После того как гонцы ушли, Харачин Дайбучин дала ребенку наставление’; *Dobu mergen=i önggeresgen qoyina Alun you=a ege ügei yabuji Bodančar=i törübei* /AT II, c.186/ ‘После смерти Добу-мэргэна Алун-гоа, живя буз му-жа, родила Боданчара’.

Точно такое же значение *qoyina* передает, управляя родительным падежом. Причем в «Алтан тобчи» примеров с родительным падежом в количественном отношении больше, чем с основой, тогда как, по наблюдениям Г.Д. Санжеева, в позднейших текстах основа постепенно вытеснила родительный падеж /74, с.230/.

Примеры на управление родительным падежом: *Tere negjigül=i oduysan=u qoyina Toryan Sira ögülerün* /AT I, c.43/ ‘После того как обыск закончили, Торган Шира сказал ...’; *Mongyol=un törü=yi abuysan=u qoyina Toyun tayisi ... ejen=ü naiman čayan ger=tü mörgüjü ...* /AT II, c.146/ ‘После взятия монгольского государства Тогун-тайши ... [отправился] совершить поклонение восьми белым юртам владыки ...’; *Egün=ü qoyina yuke e=ey=dür Belgütei buu orutuyai* /AT I, c.117/ ‘После этого Бэлгутэй пусть не входит в Большой совет’.

Послелог *qoyina* встречается и в форме исходного падежа *qoyina=ača*; в этом случае он управляет основой: *Boyorči=yin iregesen qoyina=ača qan ejen Učir Sečen=i tangnayul ilegebe* /AT I, c.106/ ‘После того как вернулся Борчир, хан владыка послал в разведку Учир Сэчэна’.

Послелоги *qoyisi / qoyinaysi / qoiyur* управляют родительным падежом: *Tegün=ü qoyisi bi edüge boltala ...* /AT II, c.183/ ‘После того и до сих пор ...’; ... *unaqu naran=u qoyiyur qati bolum gejü ečibe* /AT II, c.25/ ‘... вернулся, решив жить к северу от захода солнца’. Послелог *qoyinaysi* в форме дательно-

местного падежа управляет исходным падежом: *Qayan ejen tegün=eče qoyina=ysi=de Boyorči=yi öni=de masi qayiralaba* /AT I, c.108/ ‘Хаган владыка после того навсегда очень полюбил Борчир’.

Umara=ača ‘позади’, ‘сзади’-форма исходного падежа от *umara* ‘север’, управляет родительным падежом: ... *ger=ün umara=ača kebtegül=lüge qamtu bayiju kelelegültügei kemebe* /AT I, c.156/ ‘Пусть докладывает позади юрты в присутствии кэбтэгула!’.

Siqam ‘около’, ‘возле’ образован от глагольной основы *siqa* ‘жать, прижимать’, ‘подходить вплотную’, управляет основой имени: *Tümüčin anda ayula siqam bayuu=a* /AT I, c.65/ ‘Побратим Тэмүчин, сойдем [с коней] возле горы!'; *Goul siqam bayuu=a* /AT I, c.65-66/ ‘Сойдем [с коней] около реки!‘.

Kürtele ‘до’, ‘вплоть до’, по происхождению форма деепричастия предела от глагольной основы *kür*= ‘достигать, доходить’; управляет местным и дательно-местным падежами: *Činggis qayan tede tayičiyud=i ırquy=un ırquy=a kürtele ünesü=ber keyis=ken kiduba* /AT I, c.96/ ‘Чингис-хаган развеял в пепел тех тайчиgidов до потомков их потомков [последнего колена]’; *Amaqai=yi ükübe kemen Ogelen=e kürtele eyin kemegdekiy bolba* /AT I, c.33/ ‘Под тем предлогом, что Амахай умер, [все] вплоть до Огэлэн стали так разговаривать [с нами]’; *Toryan Sira=yin ger tergen iseri=yin alam=dur kürtele üjejü ese oiju ...* /AT I, c.42/ ‘У Торган Шира осмотрели юрту, телеги [все] до подстилок, но не нашли ...’.

Частицы

Частицы, как известно, не являются средством синтаксической связи слов в предложении. Не влияя на синтаксическую функцию слов, частицы лишь способствуют выражению различных смысловых оттенков какого-либо слова или предложения в целом.

Характер частиц, сочетаемых с другими языковыми единицами, неодинаков. Поэтому они и подразделяются на группы, или разряды. В языке «Алтан тобчи» нами выделены следующие разряды частиц.

Частицы отрицания

Они делятся на: I) препозитивные – а) запретительные, употребляемые только при повелительно-желательных формах, б) собственно отрицательные, употребляемые при различных глагольных фор-

мак (изъявительных, причастных и деепричастных), и 2) постпозитивные, употребляемые после имен и причастных форм.

Что касается запретительных частиц *buu* и *bitegei*, то их значение абсолютно конкретно, так как они не встречаются ни при каких иных глагольных формах, кроме повелительно-желательных, выражая прямой запрет действия⁶, например: *buu yabuyut* 'не ходите'; *ende bitegei sayu* 'здесь не сиди' /AT I, c.349-358; 76, c. 274/. В «Алтан тобчи» запретительная частица имеет только одну форму *buu*⁷, употребляемую при различных повелительно-желательных формах: 1) с повелительно-пригласительной формой 1 л.: *Bide ende buu baucu=a* /AT I, c.66/ 'Мы здесь не остановимся!'; *Qudalči mayu kümün=ü ügen=dür buu orulčay=a* /AT I, c.106/ 'Не будем слушаться лжецов и плохих людей!'; 2) с повелительной формой 2 л.: *Namayi üje=lüge kemen kümün=e buu ögüle* /AT I, c.41/ 'Никому не говори, что видел меня!'; *Namayi iretele noyan=iyan buu medegül* /AT I, c.143/ 'Пока я не приду, нойана не уведомляй!'; 3) с повелительной формой 2 л. мн.ч.: *Jaýur=a kümün=e buu kelelegülüdkün* /AT I, c.148/ 'Не сообщайте через чужого человека!'; *Gayča Belgütei=yi minu buu tebčidkün kemen ...* /AT I, c.37/ 'Только моему Бэлгутэю не причиняйте зла ...'; 4) с повелительно-желательной формой 3 л.: *Egün=ü qoyina yeke ey=e=dür Belgütei buu orutuyai* /AT I, c.117/ 'После этого пусть Бэлгутэй не участвует в Большом совете'; ... *kebtiegül biden=eče anggida čerig buu yartuyai kemebe* /AT I, c.159/ 'Без нас кэбтэгулы пусть не выступают /в поход/'; 5) с пропозитивной формой 1 л.: *Manayag=un undan buu megüdegülsügei /dutayulsuyai/*. *Ude=yin undan buu osuldasuyaí kemen* /AT I, c.72/ 'Утреннего питья не потребовим, при полуденном питье не

⁶ В современном монгольском разговорном языке, однако, частица *буу* при повелительных формах нередко не передает запрета действия, а лишь отрицает значение, выраженное в глаголе, например: *буу мэд* 'не знаю', *буу санаа* 'не помню'; Яагаад ингэж зугтаасныг би ч *буу мэд*, та нар ч *буу мэд* 'Почему /он/ так обратился в бегство, ни я не знаю, ни вы не знаете' /56, c.231/.

⁷ В современном языке употребительны как книжная форма *буу*, так и разговорная – *битгий*. Ср. примеры: Тамхи *буу тат!* 'Не кури!', Хог *битгий хая!* 'Не разбрасывай мусор!', Та *буу зовогтун!* 'Вы не беспокойтесь!', Та *битгий сандарагтун!* 'Вы не теряйтесь!', Та *битгий яарарай!* 'Вы не торопитесь!'.

допустим оплошности'; *Ejen=iyen altan Jiluy=a qamiyasi bolbasu buu qayačasu gebe* /AT I, c.99/ 'Где бы ни был я, не расстанусь с золотыми поводьями государя'.

Иначе обстоит дело с частицами собственно отрицательными (препозиционные *ese*, *ülü* и постпозиционные *ügei*, *edüi*).

В статье, посвященной отрицанию в монгольских языках, Г.Д. Санжеев уточняет употребление этих частиц в старописьменном и современных монгольских языках, а также касается их этимологии /76, c.273-282/.

Однако некоторые аспекты в употреблении и различии между этими частицами остаются еще не совсем ясными.

В «Алтан тобчи» собственно глагольными отрицаниями являются две частицы: *ese* и *ülü*.

Причем в частотном отношении преобладает частица *ese*, являющаяся глагольной по происхождению (в языке зарегистрированы многие глагольные формы от основы *ese* со значением 'не', например: *esekü* – форма причастия будущего времени; *esegsen* – форма причастия прошедшего времени; *esebe* – изъявительная форма прошедшего времени; *eseküle* – форма условного деепричастия; *esebečü* – форма уступительного деепричастия).

Чаше всего она употребляется с изъявительными формами глагола, преимущественно с формой прошедшего времени на =bai / =ba: *Qarayıcıu tayıji=yin dergede kürüged dayudabasu dayun ese yarbai* /AT I, c.142/ 'Когда он подъехал к Харагучугу-тайджи и позвал его, то ответа не последовало'; *Jonong ekilen bügüdeyi ese üjebi bi* /AT I, c.141/ 'Я не видел ни джононга, ни остальных'; ... *ta yayun=dur ese ködelbe gejü asqaba* /AT I, c.148/ '... а вы почему не двинулись /с места/?» – спросил он'.

Эта частица встречается и с формами прошедшего времени на =luya / =lüge, =juqui: *Tedüi ese oldaluya* /AT I, c.62/ 'Тем временем /она/ не нашлась'; *Tuyurya=a čerig=yügen bekiley=e ese kü kemeldülägei üü* /AT I, c.32/ 'Разве не говорили /мы/: «Укрепим свою гвардию?»; *Čayur beke=yi ülü öggün ese taya-laldujuqui* /AT I, c.124/ 'Не посочувствовал и не отдал Чагур-бэкэ'; ... *yurbayula irgen qubiyalduju*, *Činggis qayan=a qubi ese yargujuqui* /AT I, c.82/ '... втроем поделили между собой /плечных/ людей и не выделили доли Чингис-хагану'.

Частица *ese* употребляется не только с изъявительными фор-

мами глагола⁸, но и с некоторыми деепричастиями и причастиями:

с соединительным деепричастием (по частотности второе место после формы на =ba): Nayaču=yi ese abaču mordaba /АТ П, с.143/ 'Отправился, не взяв Нагачу'; Börte činu=a you=a maral qo=u yar oruju ese alaju yaryabai /АТ П, с.96/ 'Серый волк и красавица лань попали в облаву, [но их] не убили и выпустили'; Ejen ese uqaču basa ögüle kemebe /АТ П, с.48/ 'Государь, не поняв, попросил повторить (букв. сказать) еще';

с разделительным деепричастием: Qalayun silüü=yi ese medeg uyučiysan=dur aman inu qalabai /АТ П, с.168/ 'Не зная, что бульон горячий, [он] выпил и обжег себе рот';

с уступительным деепричастием: Golinči ögülerün, minu qarbulyan=du quyay ese emüsbečü yai ügei gejü kelelčebe.

/АТ П, с.131/ 'Голинчи сказал: «Хотя я и не одел пальто для стрельбы, это неважно»;

с условным деепричастием: Saraman=i teskin ese čidabasu olan ulus=i ker jasan čidaqu kemebesü /АТ П, с.63/ 'Если не сможешь убить [одного] Сарамана, как же сможешь управлять многими людьми?'; Tedüi ese üjebesü genem böläge /АТ П, с.130/ 'Если бы не увидел тогда [пыль], поддался бы на уловку (т.е. оплошал бы)';

с причастием прошедшего времени: Qayan=u tere elči=dür ýonong sayin üge=ben ese ögülegsen aju /АТ П, с.155/ 'Тем по-слам хагана джононг не сказал добрых слов'; Ese orčiyulaysan

⁸ В современном монгольском языке частица ese употребляется значительно реже, однако с теми же глагольными формами. Кроме того, она встречается с формой настояще-будущего времени на =на, например: Өгүулбэрийн биеэ даасан гишүүн болж эс чадна /ШУА, с. 69/ 'Не может быть самостоятельным членом предложения'; Баярсайхан нэгч уг эс дуугарна /Цог, 1968, № I, с.6/ 'Баярсайхан не произнесет ни слова'; с причастием будущего времени, например: Заримдаа автобус дотор яж орсноо ч эс мэдэх нь ч бий /Цог, 1968, № I, с.69-32/ 'Иногда не знаешь, как и попал в автобус'; Ажилдаа эс алгуурлах хун ганц Дуламсурэн биш /Цог, 1968, № I, с.32/ 'Не только Дуламсурэн не задерживается на работе'; с повелительно-пригласительной формой 1 л., например: Харин ийм уед эс саная гэвч ... /Цог, 1968, № I, с.8/ 'Но хотя и говорит: «В это время не помню ...»; с формой однократного причастия, например: эс мэдэгч /56, с.230/ 'не знающий'.

nom=ud=i orčiyulju, burqan=i šasin=i yekede delgerē-gülbe /АТ I, с.6/ 'Перевел еще непереведенные книги и еще более распространил учение Будды'.

Отрицательная частица ülü наиболее часто встречается:

с формой слитного деепричастия: Ötegüs minu ta, öber=iyen ülü sanan ulus=un tula ögülen duradqan aytun /ayataqui/ /АТ П, с.29/ 'Вы, старейшины мои, не думая о себе, будьте советниками ради народа!'; Gou=a, Köke Čos, Degi, Usun ebügen ede dörben üjegens=iyen ülü niyun sonusuyasan=iyan ülü qabčiqun tede bui j=a /АТ I, с.140/ 'Гоа, Кокэ Чос, Дэги и Усун-эбугэн - эти четверо не скроют (букв. не скрывая) увиденного, не утаят услышанного';

с причастием будущего времени: Bi ülü čidaqu či qarbu gebe /АТ П, с.141/ 'Я не смогу, ты стреляй!'; Tan=dur ülü ýokiqu man=dur ača gebe /АТ П, с.150/ 'Вам это не годится, отдайте [его] нам!'.

Из других глагольных форм частица ülü встречается:

с формой настояще-будущего времени на =m: Bi ülü ködelüm gejü bayuču.... /АТ П, с.177/ 'Я не двинусь с места', - сказал он и остановился ...; ... yarqu čölüge ülü olum aju /АТ П, с. 120/ 'Не нашел места выбраться';

с изъявительной формой на =yu: Qayan=uyan sayin=i qačači ülü medeyü /АТ П, с.32/ 'Простой лод не ведает о доброте своего хагана'; Dalai metü gün ayyu setkil=tü bolbasu deger=e kümün ülü üküüy /АТ П, с.30/ 'Если будете в мыслях [своих] глубоки и велики, как море, то человек наверху, он ведь не умирает';

с однократным причастием: ... amin bey=e=ben ülü qayirlayči külüg Boyorči minu /АТ I, с.104/ '... не щадящий души и тела своего, кулук Богорчи мой!'; ... ülü ködülügcü čilayun kösi=ge minu /АТ П, с.12/ '... неподвижный каменный занавес мой!';

с формой на =run в единичных случаях: Kitad=un organ=ü Altan qayan, tatar=un Megüchin Segül=tü=yi eye=dür=iyen ülü orquydar=un /ese orubai kemen/ /АТ I, с.80/ 'Владыка народа Китая Алтан-хаган сказал, что татарский Мэгучин Сэгульту не соблюдает своего соглашения';

с формой опасения: ... qamuy ulus=i ülü medegüjei kem... /АТ I, с.27/ 'Как бы не узнали все народы'.

По нашим подсчетам частица ese больше всего употребляется с изъявительными формами прошедшего времени (72 из 124), осталь-

ные примеры на все прочие причастные и деепричастные формы, из них 29 - с соединительным деепричастием и 15 - с причастием прошедшего времени. Частица *ülü* встречается преимущественно со слитным деепричастием (35 из 88) и причастием будущего времени (33 из 88). После них следуют изъявительные формы на *=m* и *yu*.

Постпозитивная отрицательная частица *ügei* 'не', 'нет', 'без' используется главным образом при именах со значением 'без чего-л.' (в 100 случаях из 152): *Umda darasu ügei bolqula* *iguu ügei bisiu* /АТ П, с.5/ 'Если [случится, что] нет вина, разве это значит, что нет родни'; *Següder=eče busu nökür ügei, segül=eče öber čöcige ügei* /АТ I, с.36/ 'Нет друга, кроме тени, нет кнута, кроме хвоста'.

Эта частица является именной по происхождению ср. *угуй* 'отсутствие, неимение'; ср. Миний *угуйд* 'В мое отсутствие' /МРС, с.474/. Не утверждая что-либо определенного по поводу состава частицы *ügei*, Г.Д. Санжеев высказывает вместе с тем интересное предположение о том, что в *ü=gei*, *ü=ge=i* или *üge=i* (ср. *ügegүү* 'бедный, неимущий') =i оказывается суффиксом омертвелого причастия настоящего времени (ср. *bui* 'сущий, наличный', *darui* 'немедленно' и т.д.) /76, с.281/. В этой связи любопытен пример употребления этого отрицания в форме *ügegün* (*ügeküñ*): *degüü ner minu aburi ügegün* (*ügeküñ*) *bui* /АТ I, с.122/ 'Младшие братья мои не имеют характера (т.е. не смогут управлять государством)', где *üge=* является основой, а *=gün=/kün/* - формой множественного числа причастия будущего времени. Ср. еще *ügegün=e* (*ügeküñ=e*) /АТ П, с.54/ 'при отсутствии' - та же форма в местном падеже.

Частица *ügei* может иметь после себя падежный показатель, послелог или словообразовательный элемент: *Tümüčin=i bui ügei=yi ese medebe bi* /АТ I, с.51/ 'Я не знаю, дома ли Тэмучин или нет'; *Unuqu ügei=dür morin=i unuyuluyči arya=tu bayan minu undan ügei=dü minu taray uulyači belen idegetü minu* /АТ П, с.15/ 'Ты богатый и ловкий мой, посадивший [меня] на коня, когда не на чем было [мне] ехать, ты поивший меня тараком (род простоквши), когда не было питья, [и кормивший] готовой пищей'; *Yisügei bayatur, Nekün tayisi qoyar=i ügei=yin tula ...* /АТ I, с.27/ 'Так как отсутствуют Есугэй-багатур и Нэгун-тайши...'; *Tus qayan=iyan qardağu iregsen yaşın itegel=ügei=ten arad ede* /АТ I, с.110/ 'Это неверный народ, посягнувший на своего собственного хагана'.

Второй после имен по частоте употребления с *ügei* является

глагольная форма на *=1*, она самостоятельно не используется и встречается только как отрицательная конструкция: ... *noqai mi-nu köksirejü iru=a inu ügei bolyu bayinam gejü serel=ügei sayuba* /АТ П, с.94/ «... пес мой состарился, утратил силу предсказания», - промолвил он - и жил, [ничего] не подозревая»; *Üsi-yeten dayisun=dur medel=ügei siryusai gebe* /АТ П, с.87/ 'Хорошо бы проникнуть назаметно к ненавистному врагу'.

Г.Д. Санжеев называет это образование деепричастно-отрицательной формой /77, с.253/. Однако, поскольку отрижение *ügei* не употребляется с собственно глагольными формами, а деепричастия (слинное, соединительное и разделительное) сопровождаются отрицательными частицами *-ese* и *ülü*, возможно, что форма на *=1* именная по происхождению. При наличии, например, однородных членов, выраженных формой на *=1*, *ügei* ставится после последнего члена: *Qaritan dayisun=dur qaril bucal ügei yabuju..* /АТ П, с.106/ 'Не колеблясь (букв. не возвращаясь) шли на иноземных врагов...' - подобно тому, как это имеет место при именных сочетаниях: *bay=a uke ügei ſerge=ber* /АТ П, с.6/ 'в малой и большой степени'. Ср. в современном монгольском языке *eder shenegüй* 'и днем и ночью', *əvel zungüй* 'и зимой и летом'. С.Галсан считает, что по своей синтаксической функции форма на *=1* «сильно напоминает причастные формы монгольского языка» и предлагает рассматривать ее как самостоятельную причастную форму /26, с.253/.

Сходным образом является форма на *=si*, также употребляемая только в сочетании с *ügei*: *Getülsi ügei mören bui* /АТ П, с.88/ 'Есть непроходимая река'; *Dabasi ügei dabay=a bui* /АТ П, с.88/ 'Есть непреодолимый перевал'.

Из глагольных форм *ügei* сочетается лишь с причастиями (в 14 случаях из 152): *Tegün=ü üre edüge ken=i ber medekü ügei* /АТ П, с.187/ 'Неизвестно, кто является ныне его потомками'; *Tede ir-gen Bodančar=i kenükei bui uyuqanqai bui kemen asaqu ügei* /АТ I, с.14/ 'Те люди не спрашивали Боданчара, кто он и чей'; *Qolan sutur=ud=tur tasuraysan ügei kemen nomlabai* /АТ I, с.47/ 'Во многих сутрах проповедуется, что [род] не прерывался'; *Bıgırı jöb qoyar=i ilyaday ügei biyuu ci* /АТ П, с.9/ 'Разве не различаешь ты ложь и правду?'

После причастия настоящего времени ставится отрижение *edüi* /düi/, которое передает значение 'еще не': *Degü inu Ulus Bolad qan orun sayuy=a=edüi Ibarai tayisi=yin yar=tur tngri bolba* /АТ П, с.176/ 'Его младший брат Улус Болад, еще до восшествия на ханский престол, погиб от руки Ибрай-тайши'; *Bıgırı Seçen qayan-*

и köbegün Mangus tayiji qan orun sayuyadui nögcibe /AT II, c.185/ 'Сын Буян Сэчэн-хагана Мангус-тайджи скончался, еще не восшедши на ханский престол'.

Отрицание edüi /düi признается формой бывшего причастия настоящего времени на =ui, сохранившегося в глаголе ayisui 'приближается' и в словах типа darui 'тотчас', 'немедленно', yagui 'свыше', bui 'сущий', 'наличный' /77, c.258/.

В наших примерах это отрицание встречается также в форме edüküi=e ('форма причастия будущего времени на =kü /=küi в местном падеже'): Qquildar yaran=iyan anaya=edüküi=e Činggis qayan ityabasu ülü bolun, görögesün=dür dobtulqu bolun ügderejü nögcibe /AT I, c.136/ 'Когда еще не зажила рана, Хайлдар, не послушившись Чингис-хагана, поскакал за дичью, рана вскрылась, и он скончался'; Qubčisun bügüde=yi tayilju uayča dotayaži tayiluy=a edüküi=e möltü aldayulju irebe bi /AT I, c.93/ 'Сняли всю одежду и когда еще не сняли только нижнее белье, я вырвался (букв. меня упустили) и прибежал к вам'.

Частица busu 'не... а' по происхождению является местоимением со значением 'другой, иной'; ср., например: Yisügei bayatur=un üge=yi busu ülü bolyan /AT I, c.31/ 'В точности исполнял распоряжение Есугэй-багатура (букв. слова Есугэй-багатура другими не делал)'. Как частица отрицания означает 'не ... а': Qara terigütü kümün busu bui j=a /AT I, c.12/ 'Он ведь не простой (т.е. смертный) человек'; ... tan=u ama busu Tngri=yin jarliy bui j=a ge=jü tngri=dür mörgübe /AT II, c.132/ «Это не ваши ведь слова, а повеление Неба», - сказал он, - и поклонился Небу».

Вопросительные частицы

В тексте «Алтан тобчи» зафиксирована только одна частица ui /üü, которая имеет значение вопроса или предположительной достоверности с вопросительным оттенком. Она всегда стоит в конце предложения или слова, к которому относится вопрос: Tendeče te-de čerig=üd ögülerün Tömüčin ger=tür buyu ui,ügei üü /AT I, c.50-51/ 'Тогда те солдаты спросили: «Тэмучин дома или нет?»; Eke degüü ner=iyen erin erin od ese kemegsen buyu esekü kemele-küi üü /AT I, c.42/ 'Разве я не говорил тебе: «Иди и ищи свою мать и младших братьев»; Ükügilebesü ükügülün yadaqu /čidaqu/ bölägei üü bi /AT I, c.109/ 'Если бы /я/ хотел умертвить его, то разве я не мог бы убить его?'.

Нередко üü пишется слитно с предшествующим словом, конеч-

ный согласный которого при этом выпадает: Yisün örlüg=ün üge=yi buyuu gebüü bi /AT II, c.87/ 'Разве я не говорил, что речи девяти орлуков неверны?' (где gebüü < gebe üü); Buyuu jöb doyat= i ilyaday ügei biyuu či /AT II, c.97/ 'Ты ведь не различаешь правду и ложь?' (где ćiyuu < biyu ui).

Выделительные частицы

Частица ćer, наиболее распространенная в «Алтан тобчи», интересна тем, что не встречается в современных монгольских языках, тогда как многие другие частицы подобного рода являются для этих языков общими.

Происхождение этой частицы неясно. Некоторые исследователи отождествляют ее с показателем орудного падежа. Однако еще А.Борзовников, высказываясь по поводу предположения, что ćer при именительном падеже имени можно принять за показатель творительного (орудного) падежа, как подражание тибетскому, в котором эта частица употребляется при именительном падеже, замечает, что «частица ćer встречается в письмах Аргун-хана, Улджеиту-хана и в квадратных памятниках, где нельзя предполагать подражания тибетскому языку» /16, c.182/. Кроме того, довольно часто эту частицу можно обнаружить и в китайско-монгольских надписях XIУ в. /110; 111; 112; 113/.

Примеры показывают, что никакого отношения к показателю орудного падежа эта частица не имеет. В отличие от орудного падежа употребление частицы ćer не зависит от конечного звука основы слова, за которым она следует, тогда как показатель орудного падежа в зависимости от конечного звука основы имеет две формы: =bar /=ber после гласных и =iyar /=iyer после согласных. Как отмечал Н.Поппе, «в языке квадратной письменности ćer встречается только с вокализмом e, даже в положении после основ с задним вокализмом, например: nom sačin dur ber 'религии и учению же' /65, c.51-52/».

В предложении ber может употребляться после подлежащего, дополнения и обстоятельства, подчеркивая значение слова, к которому относится:

I) после подлежащего: Činggis qayan ber Altan, Qučar, Daridai yurban=i manglai yabuylbai /AT I, c.89/ 'Чингис-хаган отправил вперед троих: Алтана, Хучара и Дарида'; Tede irgen ögülerün, morin kümün ber činu suraqai=dur adali teyimü kümün bui /AT I, c.14/ 'Люди те отвечали: «Есть и конь и человек, такие,

каких ты спрашиваешь»; Tede qoyar ber irebei /AT I, c.95/ 'Пришли /именно/ те двое'; Bi ber ene ey=e=dür orolduluy=a kü /AT I, c.114/ 'И я участвовал в этом сговоре'; Über=iyen ber ideged qarçayai=yuyan ber tejiyeged teron yarba /AT I, c.13/ 'Он и сам питался, и ястреба своего кормил, так прошел год' (здесь ber при подлежащем и дополнении);

2) после дополнения: Tegün=ü üre edüge ken=i ber medekü ügei /AT I, c.187/ 'Неизвестно, кто /является/ ныне его потомками'; Ken=e ber yakin medegülkü kemejüküi /AT I, c.126/ 'Кому же управлять /народом/», - сказал /он/';

3) после обстоятельства: Edüge ber bolbasu eke degüü ner=iyen erin od kemejü ... /AT I, c.43/ 'Теперь же отправляйся и разыскивай свою мать и младших братьев ...'.

В отрицательных конструкциях с вопросительным местоимением ken 'кто?' эта частица придает усиленительно-отрицательное значение: Kebtegül=eče degere ken ber buu sayutuyai. Kebtegül=eče kelen ügei ken ber buu yabutuyai. Kebtegül=ün degegün ken ber buu orutuyai. Kebtegülün Jiyayun ken ber buu yabutuyai /AT I, c.157/ 'Никто пусть не садиться выше кэбтэгула! Никто пусть не ходит /мимо/ без разрешения от кэбтэгула! Никто пусть не входит, кроме кэбтэгула! Никто пусть не ходит мимо кэбтэгула!'. (В современном языке в подобных случаях употребляется частица ч.)

Частица ber может употребляться и после условного деепричастия⁹: Sayin ese üjegsen sarisun degelten bolbasu ber sayitur ele Küçün=iyen ögbesü sandali=tan noyad bolumui j=a kemen /AT I, c.68/ 'Хотя /человек/ и одет в тулуп из сырой кожи, собою невзрачен, но, если силу свою ревностно отдает, становится знатным вельможей'; Dörben degü inu abču uuqubasu ber aman=dur oruyad qoyolai=dur inu ese ečibe /AT I, c.1/ 'Четыре младших брата его, хотя взял и стали пить, в рот попало, а в горло не шло'. (Употребление ber после деепричастных форм также свидетельствует о том, что ber и показатель орудного падежа - разного происхождения.)

Частица ele / le также относится к числу достаточно распространенных. Предполагается, что происходит она от указательного местоимения el=e 'этот, этот самый, данный'. Употребляется как усиливательная частица со значением выделения, подтверждения, настойчивого категорического утверждения.

⁹ См. также примеры в разделе «Условное деепричастие».

Так же как и ber, она подчеркивает значение:

а) подлежащего: Amin ele činu bolbasu qayan=a tutum /sekür tergen/ qatud, öljige tutum /ködegei aral/ ökid bui j=a /AT I, c.22/ 'Был бы ты жив (букв. жизнь твоя если будет), жены в каждой кибитке найдутся, девушки в каждом возке ведь найдутся';

Minu Jasar Jarliy=i yayča kü ögedei ele yabuylba /AT I, c.3/ 'Мои указы один лишь Угедэй выполняет';

б) обстоятельств, подчеркивая, например, место нахождения предмета: Ta ende ele čiyulaysan kümün=e kü über ayımay ayımay bayılıyaydaqun /AT I, c.118/ 'Собравшихся здесь людей распределите по племенам';

Эта же частица усиливает вопрос, например: Edüge yambar ele setkil setkiJü qayan bolyabai ta /AT I, c.74/ 'И с каким это умыслом теперь /его/ сделали хаганом?'; Ker ele kiJü oduy=a keme ged... /AT I, c.23/ 'Каково-то /теперь/ уезжать?...'. После глагольных форм она придает оттенок категорического утверждения, например: Qoyar naran uryubasu ele, qutuy=un usun ber quyuu=i /AT I, c.66/ 'А если два солнца восходят, вода в колодце высыпает'; ... balamad dobtulqu baruy metü baram=a ele ta /AT I, c.37/ ... 'хватаете /ведь/ словно дворняга, бросающаяся без разбору'.

Нередко с глагольными формами частица ele пишется слитно, тогда она подчиняется гармонии гласных и сокращается в la / le: Sarqud=tu buu simdayala, sayin mayu qoyar=i ilyan kelelciyele, arikin=du buu amtasiyala, aliba küsel=iyen qanulcan tarqayala gebe /AT I, c.5/ 'Не притронемся к вину, различим хорошее и дурное, не привыкнем к водке-архи, любые свои желания удовлетворим и разойдемся'.

Частица kü, названная А.Бобровниковым частицей повторения /I6, c.183/, близка по своему значению двум предыдущим, также усиливая, выделяя значение предшествующего слова: Mön qoyna ene kü temü bolumui j=a /AT I, c.3/ 'И в дальнейшем надо ведь этому же следовать'; Ögelen eke ödter kü bosbai. Tömürçin=ten köbegüd ödterlen kü bosuyad... /AT I, c.50/ 'Матушка Огэлэн тотчас же встала, тотчас же /быстро/ встали Тэмучин и другие /сыновья/...'; Tere ügen=dür kürbesü ünen kü kümün=e ese ögdegseñ you=a sayin ner=e aldar yeketei Alun you=a neretü ökin ajuuu /AT I, c.8/ 'Когда подъехали к тем людям, и в самом деле там оказалась девушка по имени Алун-гоа, славящаяся красотой и еще ни за кого не просватанная'; ... yurban kü tümed bolju... /AT I, c.75/ 'Он/ составил тоже три тумэна /войска/...'.¹⁰

Чаще всего, однако, она следует после глаголов и глагольных форм, придавая их значению оттенок утверждения и законченности действия, например: Barlas=ača Qubilai, Qutuy aqa=nar degüü neg irebei kü /AT I, c.67/ 'От барласов /к ним/ пришли Хубилай и Хутуг, старшие и младшие братья'; Tayičiyud ber kögejü mön söni ſöričin ſamuq=a ſüg ködelbe kü /AT I, c.66/ 'Тайчигуды перепугались и в ту же ночь в замешательстве двинулись в сторону Джамухи'; Ede ber tömüčin, Toyoril jaqa Gembüü ta čerig=üd=iyen jasa-yad kü ... /AT I, c.58/ 'Тэмучин, Тогорил и Джамуха-Гэмбу выстроили свои войска'; Boyorči uruysi alalduju qoyinaysi=ban qara-ju üjeged kü ... gebe /AT I, c.102/ 'Богорчи сражался впереди, а когда посмотрел назад, /то/ увидел и сказал...'.

В современном монгольском языке эта частица сохранилась в некоторых словах в качестве словаобразовательной морфемы, придавая им усиительное значение, например: унэнхуу 'совершенно верно', 'истинная правда' - унэн 'правда', 'действительный', 'истинный'; гагцхуу 'только', 'всего навсего' - ганц 'один', 'единственный'; энэхуу 'этот самый' - энэ 'этот'; тэрхуу ' тот самый' - тэр 'тот'.

Частица ču(či/čigi), называемая частицей противоположения или уступительной, подобно предыдущим частицам, выделяет или подчеркивает слово, после которого стоит, но с оттенком противопоставления: Tende=eče tere ebügen ögülerün mayu ču bolba köbčilejü medegesei gebe /AT I, c.79/ 'Тогда тот старик сказал: «Хотя и плох /с виду/, попробуйте-ка натянуть /лук/»; Qonuycin eme-gen ögüler=ün, ger či oyir=a bui. Tömürčin=i bui ügei=yi ese medebe bi /AT I, c.51/ 'Старуха Хоногчин сказала: «Юрта-то /его/ близко, а дома Тэмучин или нет, не знаю»; Yayın čigi /yambar ču/ bolbasu /bolba/ ta qoayar=un nökür següder tan=u boltuyai kete-besü /AT I, c.12/ 'Что бы ни было, пусть он будет вашим верным другом (букв. друг-тень)!

Частица ču, так же как и уступительное деепричастие, в состав которого она входит, встречается сравнительно редко. Возможно, это связано с очень частым употреблением в языке памятника частицы ber, которая впоследствии была заменена другими, в том числе и частицей ču, широко распространенной в современном монгольском языке, например: Машин жолоодсон ч чадна л (Цог, 1968, № I, c.30) 'Даже может водить машину; Тэр уед надад сэтгэл ч байлаа. Дурлал ч байлаа (Цог, 1968, № I, c.10) 'В то время у меня были увлечения. Была и любовь'.

В качестве усиительно-выделительных частиц употребляется и притяжательная частица 3 л. anu/inu/ni, которая нередко утрачивает значение соотнесенности с 3-м лицом и используется лишь для подчеркивания значения того или иного члена предложения: Buqar Semisgeb Ötüger balyasun=dur anu ülü neyilegülün daruju... /AT II, c.80/ 'Гнали /их/, не позволяя соединиться в городах Бухар, Сэмисгэб, Отугэр ...'; Tere qarabtur sibayun erügen degere inu sayuyad činggis činggis kejü dongyudbai /AT I, c.26/ 'Та черноватая птица села на дымник и прочирикала: «Чингис, чингис»; ... manayarsi anu yuyibasu, Dei Sečen ögülerün /AT I, c.30/ 'Когда наутро стал сватать, Дэй Сэчэн сказал...'; ... qas erdeni metü kegür=i činu abču qariy=a ni, qatun Börtegeljin=dur činu üfügülüy=e ni, qamu ulus=tur činu kürgey=e ni kemen /AT II, c.104/ 'Вернем твой прах, подобный драгоценной яшме, покажем его хатун Бортэгэлджин твоей, доставим /его/ всему твоему народу», - сказал /он/ '.

После причастных форм эта частица не только акцентирует внимание на действии, но и субстантивирует его: Maq=a Samadi qayan=u altan uruy=ača doruna časutu orun=dur delgereksen inu eyin buyu /AT I, c.4/ 'Вот так распространился (букв. распространение та-ково) в Восточной Снежной стране Золотой род Маха Самади-хагана'.

Нередко эта частица служит в предложении показателем подлежащего, например: Tere čay=tur tedeger irgen anu indüñ ſöbleldüjü ... /AT I, c.2/ 'В то время те люди согласились жить в мире ...'; Qan kümün=ü ulus=i jasaju yosun inu naran metü ülü qožidayulqu ... /AT II, c.35/ 'Закон хана по управлению государством, подобно солнцу, не замедляет /движения/ '.

Частица ba¹⁰ встречается в единичных случаях. Следуя за местоимением, она придает ему характер неопределенности (yayu 'что', но yayu ba 'ничего'), например: Bi ene üge=yi inu uqan yadaju qariyu inu yayu ba ese ögülebe /AT I, c.66/ 'Я эти слова его не мог понять и ничего не сказал в ответ'. Ср. в современном монгольском языке аль 'какой', 'который' и аливаа 'всякий', 'любой', 'какой бы то ни было'; ямар 'какой' и ямарваа 'любой', 'всякий'. Но таких слов относительно немного, и они представляются заимствова-

¹⁰ А.Бобровников и В.Л.Котвич считают, что частица ba может употребляться и для разделения одинаковых членов предложения /16, c.179; 40, c.163/. Мы рассматриваем частицу ba и союз ba как омонимичные формы.

ниями из классического языка. В современном языке вместо частицы *ba* употребляется частица *ч* (ср. перевод приведенного выше предложения на современный язык: *Би энэ угий нь ухан ядаж, ю ч эс уггуулэв* /З, с.42/).

Частица *ж=a*, называемая в монголоведении частицей сомнения /16, с.178; 40, с.178/, выступает в нескольких значениях, в зависимости от позиции в предложении и той глагольной формы, за которой следует. В начале предложения она имеет значение ‘да; ‘ладно; ‘хорошо’, ‘и так’, ‘ну и так’, например: ... *ж=a келэж quda bo-lulčaba* /AT I, с.30/ ‘Оба/ сказали «Да», и стали сватами’.

После форм изъявительного глагола эта частица придает действию ярко выраженный модальный оттенок утверждения и уверенности, например: *Tabuu köbegüd minu ta yayča kebele=eče törübei ж=a* /AT I, с.12/ ‘Вы, пять сыновей моих, родились ведь из одного чрева’; ... *qashu=un qayan ulus=un e=jen bolshui ж=a* /AT I, с.25/ ‘... хаганами над всеми, владыками над народом станут ведь /они/’; ... *setkil=i minu amiyulbai ж=a ta* /AT I, с.73/ ‘... ведь вы успокоили мысли мои’; *Busu deki ner=e=tei kümün učirabasu Ogelen pereyitdüүж=a* /AT I, с.22/ ‘Если встретишь с другим именем девушку (букв. человека), то ведь можно назвать ее именем Огэлэн’. В последнем случае особенно настойчиво подчеркивается, почти утверждается факт предстоящего действия, так как сама глагольная форма *на=у* содержит в себе модальное значение несомненности действия.

После глагольной связки *bui* эта частица, как правило, придает предложению оттенок предположения, сомнения, некоторой неуверенности, например: ... *kökideg Toytagay=a Boyur=a keger=e bui ж=a* /AT I, с.55/ ‘... задира и трус Тогтага находится, должно быть, в Богура-кэгэрэ’; *Jamüq=a /edüge/ degüü Qorqon Jigür bui ж=a* /AT I, с.54/ ‘Младший брат Джамуха сейчас находится, должно быть, в Хорхон-Джигуре’; *Ećige=yin čay=un anda kemeldügsen ećige minu bui ж=a kemen ...* /AT I, с.53/ ‘Отцовской поры побратим-анда все равно ведь что отец мой ...’.

Из сочетания *bui ж=a* образовалась модальная частица *биз*¹¹ в современном монгольском языке, которая употребляется только в

¹¹ В современном монгольском языке можно встретить иногда и форму *буйзаа* вместо *биз* с тем же значением, например: *Энэ хоёр уг угтаа нэг гаралтай буйзаа* /ША, с.69/ ‘Эти два слова, вероятно, одного происхождения’.

конце предложения и имеет значение ‘пожалуй, наверное, вероятно’, тогда как частица *зая* со значением ‘ладно, хорошо’ (в ответ на просьбу) или ‘ну; ‘и так’ может стоять только в начале предложения, например: *Чи миний номыг узээгүй биз* /Цэв., с.83/ ‘Ты, вероятно, еще не видел мою книгу’; *Зая, би явлаа* /Цэв., с.253/ ‘Ну, я пошел’; *Зая, зая зөвшөөрөв* /Цэв., с.253/ ‘Ладно, ладно, согласен’.

Притяжательные частицы

Притяжательные частицы подразделяются на две группы: 1) лично-притяжательные и 2) безлично-притяжательные, или возвратные. Лично-притяжательные частицы генетически представляют собой форму родительного падежа личных местоимений, в постпозиции по отношению к определенному имени. И если бы в монгольских языках существовала инверсия в атрибутивных сочетаниях, то речь шла бы просто об инверсии местоименных определений и определяемых имен. Но поскольку такая инверсия в этих языках невозможна /78, с.68/, формы родительного падежа личных местоимений, фонетически видоизменившись, превратились в лично-притяжательные частицы. Как известно из литературы, в старописьменном монгольском языке эти частицы представлены в двух формах: в форме, совпадающей с родительным падежом личных местоимений (*minu*, *činu*, *tanu*, *anu*, *inu*), и в формах с некоторыми фонетическими различиями, возникшими первоначально в устной речи (*mini*, *čini*, *tani*, *ni*) /78, с.68; 98, с.358/.

Лично-притяжательные частицы 1-го и 2-го л.ед.ч. в «Алтан тобчи» по форме совпадают (за редким исключением) с родительным падежом личных местоимений. Эти частицы подчеркивают, логически выделяют значение имени, к которому относятся, логическое ударение при этом падает на имя, а не на притяжательное местоимение, как это имеет место в определительных конструкциях. Ср., например, предложения: *Yisügei bayatur ögülerün, minu dotura mayui bui* /AT I, с.31/ ‘Есугэй-багатур сказал: «У меня внутри плохо», и *Dotura minu mayui bui* /AT I, с.31/ ‘Внутри у меня плохо’; *Minu arban köbegüd=ün doturga Qadayan tayisi=da ögüle* /AT I, с.21/ ‘Из моих десяти сыновей скажи Хадаган-тайши’ и *Köbegün=i minu Tömüčin=i ölder=ken odču abči ir=e* /AT I, с.31/ ‘Сына моего, Тэмучина, побыстрее привези’. В первых из этих предложений местоимения – в функции определений, во-вторых – местоименные притяжательные формы.

Частицы 1-го и 2-го л.мн.ч. наряду с формой родительного падежа встречаются и в формах mani, tani; ср., например: Nökür či ende bai, siry=a ayta manu tere bui /AT I, c.45/ 'Друг, ты побудь здесь, соловые мерины наши там /боты/'; Uliy=tu mayu im-dan darasun=i tebcibesü, üge mani beki bey=e mani inay bayija gejü ... /AT II, c.47/ 'Если воздержаться от плохого вина, то будут твердыми слова наши и сами мы (букв. тела наши) будем любимы', - сказал /он/'; Yisün sayid manu yurban qubi bol gejü Jarliy bolba /AT I, c.96/ 'Девять сайдов моих, разделитесь на три части', - дал он указание' ; Sanaysan üges=i mani sandaya-day bisiu /AT II, c.47/ 'Задуманные слова наши не разбегаются ли всегда/от вина/?'; Sereküi ber tan=u jöb bui /AT I, c.11/ 'Подозрения-то ваши правильны'; Siry=a ayta tan=i mör=iyer möskijü ... /AT I, c.45/ 'Поехали по следам соловых меринов ваших ...'; Dayisun=i tan=i darulčasu, olja=yi tan=i oruyululčasu /AT I, c.99/ 'Врагов ваших подавлю, добычу /Вашу/ доставлю'; Dagedü qurim tan=u ene bui /AT II, c.2/ 'Это и есть высший пир ваш'.

В монголоведческой литературе есть мнение о невозможности в монгольских языках использовать в качестве лично-притяжательной частицы родительного падежа инклюзивного местоимения I-го л.мн.ч. biden=ü (78, с.69). В этой связи небезынтересно отметить факты постпозиционного употребления данного местоимения; ср., например, предложения:... biden=ü čerig=üd jolyajuqui /AT I, c.11/ 'Наши воины встретили /ее/' и Sirketü ebügen eci-ge=yi biden=ü ükügülebesü qoyosun amin ügei bey=e inu yayun kikü bide /AT I, c.110/ 'Если Ширгэтю-эбугэн убьет отца нашего, на что нам /тогда/ безжизненное и бездыханное тело его!'; Erte edür=eče tatar irgen ečiges ebüges=i biden=ü baraysan böläge /AT I, c.116/ 'С давних времен татарский народ губил отцов и дедов наших'; Siry=a ayta biden=i degerm=e abču odba kemebeşü... /AT I, c.44/ 'Когда /ему/ сказали: «Соловых меринов наших увели грабители ...».

Что касается притяжательных частиц 3-го л., то в «Алтан тобчи» употребляются все три формы - anu, inu (реже ni), являющиеся вариантом одной и той же притяжательной частицы 3-го лица со значением 'ее', 'его', 'их', так как употребляются они вне зависимости от числа и от сингармонического ряда предшествующего слова, например: Dałai Subin Altan Sandali=tu qayan=u köbegün anu yurban bısu. Aq=a anu Boroču, ded anu Sibayuči, otyan inu Börte Činu=a bısu /AT I, c.67/ 'У Далай Субин Алтан Сандалиту-хагана было три сына /его/. Старший /из них/ - Борочу, второй /из них/ - Шибагучи,

младший /из них/ - Бортэ-Чинуа'; Dotura inu qatun kümün sayun ayuju /AT I, c.51/ 'Внутри ее (т.е. повозки) оказалась госпожа'; Tede čerig=üd=ün aq=a nar inu ögülerün /AT I, c.51/ 'Старшие из тех воинов сказали ...'; ... nicügen kegüken ireged amin inu yekke, alayan inu aysu, mörün inu derbeger, segül inu sibtuyur ... gegsen=dür... /AT II, c.145/ 'Когда голый ребенок пришел и сказал: «Клюв у нее большой, лапы у нее огромные, плечи у нее широкие, хвост у нее узкий к концу ...»; Em=e=ui ni qayan bey=e=de=gen abuba /AT II, c.131/ 'Хаган жену его взял себе'.

2. Бездлично-притяжательные, или возвратные, частицы указывают на отнесенность объекта к лицу вообще. Представлены они несколькими формами в зависимости от того, употребляются ли отдельно от падежных показателей (тогда они имеют две формы: ban/ben- после гласных и iyan/iyen -- после согласных) или слитно с падежными показателями (в этом случае для родительного и винительного падежей - uyayn / ügen, дательно-местного - dayan/degen, tayan/tegen, исходного - ačayan/ečegen, дательно-местно-исходного - dačayan/ dečegen).

В.Л.Котвич полагал, что эти частицы восходят, вероятно, к слову bęye 'человек', 'тело', 'сам', широко распространенному в алтайских языках. «Маньчжурский язык употребляет его в качестве замены родительного падежа, именно в роли возвратного местоимения 'свой', совершенно так же, как он употребляет личные местоимения вместо притяжательных». Подобным же образом, по его мнению, могли поступить и монголы, употребляя bęye в родительном падеже со значением 'свой', 'собственный' сначала перед определяемым словом, а впоследствии и после него. Со временем оно могло слиться с определяемым словом, подвергнуться сокращению и превратиться в настоящую частьцу /41, c.160; 60, c.31/.

Поскольку возвратные частицы указывают на соотнесенность объекта к лицу вообще, то они присоединяются к именам не в иминительном падеже, а только в косвенных:

1) отдельно от падежных окончаний, например: ... bayu=ban usun ırgısu orusuya... /AT I, c.40/ '... шейную колодку свою пустил вниз по течению /реки/'; Köbegün=iyen Tömüčin=i kürged-te talbiju qarıju ayisuqui=dür ... /AT I, c.31/ 'Когда оставил своего сына Тэмучина в зятях, возвращался/домой/...'; ... ger=tür=iyen kürčü, aq=a nar degüü ner=lüge indüldüjü... /AT I, c.16/ '... вернувшись к себе домой (букв. в свои юрты), посовещались со старшими и младшими братьями'; ... qan ejen=dür=iyen

esergülkii bolun /AT П, с.55/ ... стали противниками своего /для своего/ хана-государя'; Tedüi ayimay=iyan bayibasu nigen ja-layu gürmele kümün ayimay=ača öbere bayiba /AT П, с.118/ 'Когда стали по своим племенам, один молодой человек с заплетенной косой остался вне своего аймака'; Menglig ečige doluyan köbegün=lüge=ben irejü /AT I, с.43/ 'Мэнглик-эчигэ пришел с семьёю своими сыновьями'. Находясь после причастия будущего времени, безличная притяжательная частица (так же как и личная) субстантивирует (определяет) его и является таким образом грамматическим показателем предметности, например: Erijü abqui=ban ejen minu öber=iyen med-nem ſ=a /AT П, с.50/ 'Как найдя взять их (букв. найдя свое взятие), мой владыка ведь сам знает'; Küčün ögküi=ben qatayujsuyai kewen öciged ... /AT П, с.34/ 'Будем закаляться, отдавая/тебе/ свои силы (букв. свое отдавание силы)';

2) слитно с падежными окончаниями:

родительного и винительного падежей, например: Eke=yügen ügen=dür tere yayakju ene metü yabum gejü köbegün inu kelebe /AT П, с.149/ 'На эти слова своей матери сын сказал: «Он разве так ходит?'; Ečige eke=yügen ese medebei či /AT П, с.146/ 'Ты не знаешь своих родителей (букв. отца и матери)'; Bodančar aq=a=uyan qoyina=ača dayaju yabuji ögülerün /AT I, с.15/ 'Боданчар, следя позади за своим старшим братом, сказал...'; Čiledü ayuji qurdun quba=uyan deledüged ... /AT I, с.22/ 'Чилэду, испугавшись, стегнул своего Хурдун-хуба';

дательно-местного падежа, например: Ejen boyda dörben degü-degen járiy bolurun /AT П, с.1/ 'Святейший государь сказал четырем своим младшим братьям'; Qariyačai edür=tegen orubai /AT П, с.46/ 'Ласточки полетели в свои гнезда'; ... Ilegen=degen kürje büselejü ... /AT П, с.131/ '... на печень свою привязал щит (букв. лопату)';

исходного падежа, например: Nemekü Čuyang köbegün=eßegegen asyaba /AT П, с.169/ 'Спросил у своего сына Нэмэху Чуйанг'; ... qoyina=ačayan qućuyuljü... /AT П, с.28/ '... от/погони/ сзади защищался ...';

дательно-местно-исходного падежа, например: Ta öber=ün bey=e=dečegegen qola ülü bolyaydaqui /AT П, с.29/ 'Вы не удаляйте его далеко от себя!'; Qari qari=dečegegen omuuy=tu bolbasu ... /AT П, с.67/ 'Если в великий род проникнут чужие из чужих ...'.

В двух случаях встретилась двойная безличная притяжательная форма к одному и тому же слову: Irgen=iyen=ben ese ögdejü Otčigin manayarasi erte ... oruju uylayad sögündü ögülerün

/AT П, с.41/ 'Людей своих он не получил (букв. не были отданы) и тогда Отчигин утром ... вошел /к Чингис-хагану/ расплакался, стал на колени и сказал...'; Nada /minu/ qariy=a=tan irgen=iyen=ben Teb Tngri=deče uuur=a Soqor neretü elči=yi ilegülüge /AT П, с.41/ 'Чтобы вернуть от Тэб Тэнгри своих подданных мне людей, /я/ отправил посланца по имени Сохор'.

Вторая притяжательная форма здесь употреблена в виде *ben* несмотря на то, что следует после согласного. Явление это редкое, и возможно, что вместо *ben* здесь полагалось быть усиительной частице *ber*.

Союзы

Союзы в «Алтан тобчи» употребляются сравнительно редко. К ним относятся *ba*, *kiged*, *jíči*, *kerbe*, *kerbete*.

Союз *ba* 'и' связывает однородные члены предложения: Naran uryubasu sayin ba mayu=dur amidu ba ükügsen=dür tegsi qalayun gegen=iyen kürgeyü /AT П, с.35/ 'Когда солнце восходит, оно одинаково шлет свое тепло хорошим и плохим, живым и мертвым'.

Союз *kiged* 'и' (по происхождению разделительное деепричастие от *ki*= 'делать') также связывает однородные члены предложения: Qubilai Sečen qayan Pagsba blam=a=dur altan kiged subud=un kerse debel erdeni=ber kilgegsen orkim=jı ... morin temegen=i ergübei /AT П, с.114/ 'Хубилай Сэчэн-хаган преподнес Пагба-ламе /украшенную/ золотом и жемчугом одежду священнослужителей, сделанную из драгоценной ткани орхимджи ... лошадей и верблюдов'; Ogelen eke Qasar kiged degüü ner inu erüjü sayun ajuu /AT I, с.47/ 'Огэлэн-экэ Хасар и младшие братья его сидели, печались /о нем/';

Оба эти союза можно встретить в одном предложении, причем в качестве заключительного союза *kiged* присоединяется к последнему из однородных членов, указывая тем самым, что предметы перечислены полностью. При этом падежный показатель, относящийся к перечисленным именам, ставится после *kiged*¹²: Yang neretü ulus ba miqas ulus kiged=i toyil=dur=iyen oruyulbai /AT П, с.113/ 'Подчинил своей власти народ под названием ян и народ михас'.

Союз *jíči* имеет значение 'но', 'однако', 'также': Tatar=un Qargil Sira uyrçuy bolun yarču, jíči yadaju ölüscü oruju irejü

¹² На эту особенность союза *kiged* указывал в свое время Л.В.Котвич /40, с.163/.

... kemebe /AT I, с.143/ 'Татарский Харгил Шира спасался бегством один, но был измучен и голоден и поэтому вошел /в юрту/... ; Ede ber Tömüčin Toyoril ſiq=a Gembǖ ta, čerig=üd=iyen ſasayad kū morilan Jiči neyileldǖjü tanilduju ſamuq=a ögüler=ün /AT I, с.58/ 'Эти /трои/ - Тэмучин, Тогорил и Дига Гэмбу также построили своих воинов в боевом порядке, однако, сходясь, узнали друг друга, и Джамуха сказал ...'

Союз kerbe / kerbete 'если' употребляется перед условным деепричастием: Kerbe bariqula čimadur ögsü gežü kelebe /AT I, с.147/ 'Если поймаю, тебе отдам', - сказал /он/; Kerbete ebdebesü enggečin=ü yaʃar=a ſolyaqu man=u ünen bolbau /AT I, с.101/ 'Если разрушим /его/, то можем ли встретиться в блаженном месте?'.
Следует отметить также, что функцию соединительного союза 'и' в «Алтан тобчи» часто выполняет числительное qoyar 'два': Bolbu Töbed qoyar=un jaʃsar=a ... /AT I, с.4/ 'Между Тибетом и Непалом ...'; Börte Činu=a, Gou=a Maral qoyar Burqan Qaldun=nutuyaʃu ... /AT I, с.7/ 'Бортэ Чинуа и Гоа Марал ... поселились около Бурхан-Халдуна'; Bi naran saran qoyar=i qaraʃu üʃegden bölige /AT I, с.29/ 'Я смотрел и видел солнце и луну'.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение именных и глагольных словоизменительных грамматических форм в языке «Алтан тобчи» дало возможность выявить формы, ныне исчезнувшие из современного письменного литературного языка, а также уточнить некоторые известные монголоведам факты и ранее высказанные положения.

Так, местный падеж, зафиксированный в древнемонгольском языке, нет оснований считать исчезнувшим в «классическом», поскольку в языке данного памятника он употребляется довольно часто в различных значениях и лексический состав основ в этом падеже широк и разнообразен.

Среди двойных падежей особенно распространен в ablativном значении дательно-местно-исходный, сохранившийся в современных монгольских языках в одной-двух словоформах типа гэртээс 'из дома'. Появление этого падежа в монгольском, возможно, связано с влиянием древнетюрских языков, в которых существовал полифункциональный местно-исходный падеж на =da=/de и который в монгольском в собственно ablativном значении требовал уточнения в виде показателя исходного падежа =ca=/ce.

По сравнению с древнемонгольским (язык «Сокровенного сказания монголов») употребление множественного числа в «классическом» ближе к нормам современного монгольского языка. Но тем не менее в языке «Алтан тобчи» еще употребляются древние формы множественного числа: uad 'руки', od 'годы', puuad 'утки' и др. Нередко встречается и согласование в числе определения с определяемым, не характерное для современного монгольского языка.

Настояще-будущее время представлено всеми известными классическому языку формами (=yu, =m, =mu, =mui, =nam). При этом три из них (=m, =mu, =mui) использовались в качестве показателей глаголов как настоящего, так и будущего времени. Форма на =nam зарегистрирована в глаголах, обозначающих действие настоящего времени по отношению к моменту речи. Эти формы известны и совре-

менным монгольским языкам. Что же касается формы на =уи, то эта форма, употребляющаяся в языке «Алтан тобчи» с ярко выраженным модальным значением достоверности, убежденности в совершении обозначенного в глагольной основе действия, в современных монгольских языках не употребляется.

Форма на =т, характерная и для языка «Сокровенного сказания монголов» и зафиксированная в памятниках квадратной письменности, в «Алтан тобчи» встречается всего один раз, да и то в орфографически неправильном написании. Надо полагать, что автору данной летописи она была мало известна и в речи уже не употреблялась.

Форму на =тъя по употреблению ее в «Алтан тобчи» и в летописи ХУП же в «Шара туджи» можно отнести к изъявительным формам со значением возможности, а также утверждения и уверенности в осуществлении обозначенного глагольного действия в будущем.

Более глагольный характер по сравнению с современным монгольским языком имеет причастная форма =үсі.

При рассмотрении деепричастных форм обнаружено, что формы слитного деепричастия нередко в сочетании со служебными глаголами употребляются часто, тогда как в современном языке такие факты крайне редки.

Особое значение среди деепричастных форм занимает форма на =гүн. Исследование языка «Алтан тобчи» выявило, что эта форма употребляется часто, сочетается с многочисленными основами с различной семантикой (более 60, тогда как ранее отмечался небольшой круг глаголов говорения) и имеет разнообразные значения, в связи с чем представляется необоснованным сохранять за этой формой название цитатного, или приготовительного, деепричастия.

Для текста «Алтан тобчи» типично своеобразное употребление глаголов в побудительной форме при отсутствии какого-либо побуждения к действию со стороны того или иного действующего лица. Вероятно, это связано с высоким социальным положением действующих лиц, о которых идет речь в этих предложениях, и имеет отношение к категории «вежливости», широко распространенной, например, в японском языке. Следует отметить, что такое употребление никак не связано со словообразовательной функцией побудительного суффикса =гул / =гүл.

Среди наречий, представленных в языке «Алтан тобчи» как не-производными (корневыми), так и производными словами, встречается неупотребляемое в современном монгольском языке наречие munda 'сейчас, теперь', которое неразложимо на составные компоненты в

монгольском языке и возводится к тюркской форме местного падежа от основы указательного местоимения шун=.

Послелог tula / tulada 'так как, потому что', 'для того, чтобы, за, ради' в отличие от современного языка, где он управляет основой и родительным падежом, передавая при этом разные значения, в языке «Алтан тобчи» управляет только родительным падежом, передавая два значения – причинное и целевое.

Из частиц, зарегистрированных в «Алтан тобчи», наиболее интересна выделительная по значению частица үег, неизвестная современным монгольским языкам. Употребляется она для усиления значений подлежащего, дополнений и обстоятельственных слов.

Вопреки имеющемуся в монголоведении мнению о невозможности в монгольских языках использовать в качестве лично-притяжательной частицы форму родительного падежа инклюзивного местоимения 1-го лица множественного числа такие факты в языке «Алтан тобчи» отмечены.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- АТ I - Altan Tobči, degedü debter. Ulayanbayatur, 1937.
- АТ II - Altan Tobči, dooradu debter. Ulayanbayatur, 1937.
- ВЯ - "Вопросы языкоизания". М.
- Дан-В - "Доклады Академии наук СССР". Серия В.
- ИС - "Извая старина". Спб.
- ИАН - "Известия Академии наук". Шг.
- КСИНА - "Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР". М.
- СТ - "Советская тюркология". Баку.
- МРС - Монгольско-русский словарь. Под общей ред.
А.Лувсанцэндэва. М., 1957.
- УЗУ - Газ. "Утга зохиол, урлаг".
- Цог - Журн. "Цог".
- Цэв. - Монгол хэлний товч тайлбар толь. (Краткий толковый словарь монгольского языка). Зохисон Я. Цэвал.
Улаанбаатар, 1966.
- ШТ - Шара түдли. Монгольская летопись ХIII в. Сводный текст,
пер., введ. и примеч. Н.П.Шастиной. М.-Л., 1957.
- ШЧА - Журн. "Шинжлэх ухаан, амьдрал". Улаанбаатар, 1969, № 3.
- САЈ - Central Asiatic Journal. The Hague - Wiesbaden.
- АОН - "Acta orientalia Academiae scientiarum hungaricae",
Budapest.
- АОр. - "Archiv Orientální". Praha.
- ХJAS - "Harvard Journal of Asiatic Studies". Cambridge. Mass.
- StO - "Studia orientalia". Helsinki.
- T'P - "T'oung Pao, ou Archives concernant l'histoire, les
langues, la géographie, l'ethnographie et les arts
de l'Asie Orientale". Paris-Leiden.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т.20.
2. Абдурахманов Г.А. Исследование по старотюркскому синтаксису (XI в.). М., 1967.
3. Алтан товч. Хэвлэлд бэлтгэсэн Ц. Шагдар. Улаанбаатар, 1957.
4. Амоголовов Д.Д. Современный бурятский язык. Улан-Удэ, 1958.
5. Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. Ж.С. Вып. III-IV. 1896.
6. Баскаков Н.А. К вопросу о происхождении условной формы на =са/=се в тюркских языках. - Академику В.А.Гордеевскому к его 75-летию. М., 1953.
7. Баскаков Н.А. Некоторые аффиксы словообразования форм глагола, общие для алтайских языков. - Проблемы алтаистики и монголоведения. Вып.2. Серия лингвистики. М., 1975.
8. Бертагаев Т.А. О синтаксических особенностях деепричастных сочетаний 1-ой группы. - Академику В.В.Биноградову к его 60-летию. М., 1956.
9. Бертагаев Т.А. Синтаксис современного монгольского языка в сравнительном освещении. М., 1964.
10. Бертагаев Т.А. Суффикс =тан и его производные в монгольских языках. - "Зап. Калмыцкого НИИ яз.лит. и истории". Вып.3. Элиста, 1964.
11. Бертагаев Т.А. К генезису некоторых падежей в монгольских языках. - КСИНА. Вып. 83. 1964.
12. Бертагаев Т.А., Цыдендамбаев Ц.Б. Грамматика бурятского языка. Синтаксис. М., 1962.
13. Бира Ш. Монгольская историография (XIII-XVII вв.). М., 1978.
14. Биткеев П.Ц. Твердорядный гласный і в монгольском языке Тувы. - "Уч. зап. Калмыцкого НИИ яз., лит. и истории". Серия филологии. Вып. XI. Элиста, 1973.

15. Благова Г.Ф. Тенденция к усложнению тюркского падежного склонения. - ВЯ. 1970. № 1.
16. Бобровников А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849.
17. Бубрик Д.В. К вопросу о путях возникновения порядковых числительных. - Язык и мышление. III-ГУ. М.-Л., 1935.
18. Быкова Е.М. Система падежей в древнебенгальском языке. М., 1964.
19. Быховская С.Л. Падежи в грузинском и армянском древнелитературных языках в палеонтологическом освещении. - Яфетический сборник. Вып. VI. Л., 1930.
20. Викторова Л.Л. К вопросу о найманской теории происхождения монгольского литературного языка и письменности (XII-XIII вв.). - Языки народов Востока. Л., 1961.
- 20а. Викторова Л.Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М., 1980.
21. Владимирцов Б.Я. О частичках отрицания при довелительном наклонении в монгольском языке. - ИАН. 1919.
22. Владимирцов Б.Я. Монгольский сборник рассказов из Раиль-сатанtra . - Сборник Музея антропологии и этнографии при Российской Академии наук. Т.У.П., 1921.
23. Владимирцов Б.Я. Остатки причастия настоящего времени в монгольском языке. - ДАН-В. 1924.
24. Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Л., 1929.
25. Владимирцов Б.Я. Монгольские литературные языки. - "Зап. ИВАН СССР", I, Л., 1932.
26. Галсан С. Сопоставительная грамматика русского и монгольского языков. Фонетика и морфология. Ч. I. Улан-Батор, 1975.
27. Горюхова Г.С. Монгольская летопись "Алтан тобчи" Лубсан Данзана как источник для изучения древней истории монголов. Автореф. канд. дис. Л., 1968.
28. Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. М., 1962.
29. Дамдинсүрэн Ц. О личных местоимениях первого лица в монгольском языке. - Studia Mongolica. T.I (9). Fasc. I-17. Улаанбаатар, 1973.
30. Жамцарано Ц. Монгольские летописи ХУП в. М.-Л., 1936.
31. Кара Д. Книги монгольских кочевников. М., 1972.
32. Касьяновко З.К. О двойном склонении в монгольском языке. - Филология стран Востока. Л., 1963.
33. Ковалевский О.М. Грамматика монгольского книжного языка. СПб., 1835.
34. Ковалевский О.М. Монгольско-русско-французский словарь. Т. I-III. Казань, 1844-1849.
35. Козин С.А. Об одной неизвестной глагольной форме в монгольском письменном языке древнего периода монгольской литературы. - "Уч. зап. ЛГУ". № 20. Серия филол. наук. Вып. I. 1939.
36. Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием Mongyol-un niyuča töbčiyan. Дань чао би ши. Монгольский общенациональный изборник. Т. I. Введение в изучение памятника, перевод, текст, глоссарий. М.-Л., 1941.
37. Козин С.А. К вопросу о показателях множественности в монгольском языке. - "Уч. зап. ЛГУ". № 69. Серия филол. наук. Вып. IO. 1946.
38. Козырев М.Ф. Относительно "уступительного" деепричастия в монгольском языке. - Вопросы языка и литературы стран Востока. М., 1958.
39. Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М., 1956.
40. Котвич В.Л. Лекции по грамматике монгольского языка. СПб., 1902.
41. Котвич В.Л. Исследование по алтайским языкам. М., 1952.
42. Лигети Л. / Рец. на: / Г.Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т.И.М., 1953. - ВЯ. 1955, № 5.
43. Лувсанваандан Ш. Орчин цагийн монгол хэлний шууд ба шууд бус тийн ялгал (Прямые и косвенные падежи в современном монгольском языке). - "Багш нарын эрдэм шинжилгээний бичиг". (Научные исследования преподавателей). УШ боть, № 2(16). Улаанбаатар, 1965.
44. Лувсанваандан Ш. Орчин цагийн монгол хэлний бутэц (Структура современного монгольского языка). Улаанбаатар, 1968.
45. Лувсандаан. Алтан тобчи ("Золотое сказание"). Перевод с монгольского, введение, комментарий и приложения Н.П.Шастиной. М., 1973.
46. Лувсандэндэв А. К вопросу о периодизации монгольского литературного языка. - "Хэл зохиол судал". XI боть, I-2I дэвтэр. Улаанбаатар, 1972.

47. Лувсандаандаа А. Формирование монгольского национального литературного языка. - Сб. Олон улсын монголч эрдэмтний Ш Их хурал (Третий Международный съезд монголоведов). II боть, Улаанбаатар, 1977.
48. Материалы по дешифровке киданьского письма. Кн. I. М., 1970.
49. Монголы нууц товчоо. Хуучин монгол хэлнээс одоогийн монгол хэлээр Цэндийн Дамдинсүрэн орчуулав. Улаанбаатар, 1957.
50. Насилов В.М. Язык орхоно-енисейских памятников. М., 1960.
51. Насилов В.М. Язык средневековых тюркских памятников уйгурского письма. - ВЯ. 1955, № I.
52. Орловская М.Н. Употребление причастий в "Сокровенном сказании монголов". - Филология и история монгольских народов. М., 1958.
53. Орловская М.Н. Имена существительные и прилагательные в современном монгольском языке. М., 1961.
54. Орловская М.Н. О непроизводных наречиях в монгольском языке. - КСИНА. Вып.83. М., 1964.
55. Орловская М.Н. О некоторых грамматических особенностях языка "Алтан тобчи". - Проблемы алтайстики и монголоведения. Вып. 2. Серия лингвистики. М., 1975.
56. Орчин цагийн монгол хэл. (Современный монгольский язык). Еренхий редактор акад. Ш.Лувсанвандан. Улаанбаатар, 1966.
57. Пагва Т. Зурхий толтын тайлбарыг судалсан тухай тэмдэглэл (Заметки об изучении "Толкования сердечного покрова"). Улаанбаатар, 1957.
58. Пагва Т. Вспомогательные или служебные глаголы в современном монгольском литературном языке. Улан-Батор, 1961.
59. Панфилов В.З. Нивикско-алтайские языковые связи. - ВЯ. 1973, № 5.
60. Пашков Б.К. Маньчжурский язык. М., 1963.
61. Перецовиков П.Н. Деепричастие и деепричастные конструкции в удмуртском языке. Ижевск, 1959.
62. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938.
63. Позднеев А.М. Лекции по истории монгольской литературы, читанные ординарным профессором С.-Петербургского университета А.М.Позднеевым в 1895/1896 акад.году. СПб., 1897.
64. Попше Н.Н. Грамматика письменно-монгольского языка. М.-Л., 1937.
65. Попше Н.Н. Квадратная письменность. М.-Л., 1941.
66. Пучковский Л.С. Монгольская феодальная историография XIII-XVII вв. - "Уч.зап. ИВ АН СССР". Т.У. М.-Л., 1953.
67. Пэрхээ Х. Монголын хувьсгалын эмнэх уеийн тух бичгэгийн асуудалд. (К вопросу об историографии дореволюционной Монголии). Улаанбаатар, 1958.
68. Рамстедт Г.И. Сравнительная фонетика монгольского письменного языка и халхаско-ургинского говора. СПб., 1908.
69. Рамстедт Г.И. Введение в алтайское языкознание. М., 1957.
70. Рудов Л.Н. Кидани. - "Дальний Восток". Сб.статьй по филологии, истории, философии. М., 1961.
71. Рудов Л.Н. Проблемы киданьской письменности. - "Советская этнография". № I, 1963.
72. Санжеев Г.Д. Грамматика калмыцкого языка. М.-Л., 1940.
73. Санжеев Г.Д. Грамматика бурят-монгольского языка. М.-Л., 1941.
74. Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т.І. М., 1953.
75. Санжеев Г.Д. Современный монгольский язык. М., 1959.
76. Санжеев Г.Д. К вопросу об отрицании в монгольских языках. - АОН. Т.ХУ. Fasc. I-3. 1962.
77. Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М., 1963.
78. Санжеев Г.Д. Старописьменный монгольский язык. М., 1964.
79. Санжеев Г.Д. Введение к этимологическому словарю монгольского языка. (Рук.).
80. Севорян Э.В. О некоторых вопросах исторического изучения тюркских языков. М., 1960. (Доклады делегации СССР на XXI Международном конгрессе востоковедов).
81. Серебренников Б.А. Основные линии развития падежей и глагольной системы в уральских языках. М., 1964.
82. Серебренников Б.А. К вопросу о происхождении элемента К (q,q,y) в окончании дательно-направительного падежа в тюркских языках. - КСИНА. Вып.63. М., 1964.
83. Стариков В.С. Из истории изучения киданьской художественной литературы. - Страны и народы Востока. Вып.6. М., 1968.
84. Суник О.П. Глагол в тунгусо-маньчжурских языках. М.-Л., 1962.
85. Сиромятников Н.А. Система времен в новояпонском языке. М., 1971.

86. Таскин В.С. Опыт дешифровки киданьской письменности. - "Народы Азии и Африки". Г. 1963, № I.
- 86а. Таскин В.С. Е Лун-ли. История государства киданей (Циданьго чжи). Пер. с кит. Введ., коммент. и прил. В.С.Таскина. М., 1979 (Памятники письменности Востока XXXV).
87. Тенишев Э.Р. "Кудатту билиг" и "Алтун ярук". - СТ. 1970, № 4.
88. Тенишев Э.Р., Тодаева Б.Х. Язык желтых уйгуротов. М., 1966.
89. Тодаева Б.Х. Винительный падеж в современном монгольском языке. - "Уч. зап. ИВ АН СССР". Т. IV. М., 1952.
90. Тодаева Б.Х. Монгольские языки и диалекты Китая. М., 1960.
91. Тодаева Б.Х. Дунсянский язык. М., 1961.
92. Тодаева Б.Х. Баоаньский язык. М., 1964.
93. Тодаева Б.Х. Монгорский язык. М., 1973.
94. Темергото Д. Монгол хэлний тухайг ангилах тухай асуудалд (К вопросу о классификации истории монгольского языка). - Хэл зохиол судал (Исследования по языку и литературе). XI сэргээ. I-2I дэвтэр. Улаанбаатар, 1972.
95. Темергото Д., Дамдинжав Л. Эртний монгол хэлний гаражын тийн ялгалын нэгэн хувилбар (Об одной форме исходного падежа в древнемонгольском языке). - Монголын судал (Монголоведение). Улаанбаатар, 1967.
96. Тронский И.М. К семантике множественного числа в греческом и латинском языке. - "Уч. зап. ЛГУ". Серия филол. наук. Вып. 10. 1946.
- 96а. Файзулаева Ш.А. Исследование языка памятника XIV в. "Китабу булгат ал-муштак фи лугат ат-турк ва-л-кифчак" Джамал ад-Дина Абу-Мухаммад Абд Аллах Ат-Турки. Автореф. канд.дис. Ташкент, 1969.
97. Цыдендамбаев Ц.Б. О языке монгольской и бурятской версий Гэсэр-эпики. Mongolian Studies. Ed. by L.Ligeti. Budapest, 1970.
98. Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ, 1972.
- 98а. Цыдендамбаев Ц.Б. Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. М., 1979.
99. Цэдылов Ц.Ж. Аналитические конструкции в бурятском языке. Улан-Удэ, 1972.
100. Цэдэндамба Ц. Очерки по сопоставительной грамматике русского и монгольского языков. Улан-Батор, 1974.
101. Черемисов К.М. Заметки по бурят-монгольскому языку. - "Зап. Бурят-Монгольского НИИ яз. лит. и истории". Вып. I. Улан-Удэ, 1939.
102. Шара туджи. Монгольская летопись ХУП в. Сводный текст, пер., введ. и примеч. Н.П. Шастиной. М.-Л., 1957.
103. Шарху А. Деепричастие и деепричастные конструкции в современном монгольском языке. Автореф. канд. дис. М., 1971.
104. Шастина Н.П. Комментарий. В кн: Путешествие в Восточные страны Члано Карпини. М., 1957.
105. Шастина Н.П. /Рец. на:/ L.Ligeti. Histoire secrète des Mongols. Budapest, 1971. - НАА. 1968, № I.
106. Шербак А.М. Грамматический очерк языка тюрских текстов X-XIII вв. из Восточного Туркестана. М.-Л., 1961.
107. Шербак А.М. Тюркско-монгольско-тунгусские связи в морфологии. - НАА. 1968, № I.
108. Altan tobči. A Brief History of the Mongols by blo-bzan bstan'jin. With a Critical Introduction by the Reverend A. Mostaert C.I.C.M. and an Editor's Foreword by Fr.W. Cleaves. Cambridge, Mass., 1952 (Harvard-Venking Institute. Scripta Mongolica, 1).
109. Bese L. Remarks on Middle Mongolian Conjugation. Budapest, 1970.
110. Cleaves F.W. The Sino-Mongolian Inscription of 1362.- HJAS, 1949. Vol.12, N 1-2.
111. Cleaves F.W. The Sino-Mongolian Inscription of 1335.- HJAS, 1950. Vol.13, N 1-2.
112. Cleaves F.W. The Sino-Mongolian Inscription of 1338.- HJAS, 1951. Vol.14, N 1-2.
113. Cleaves F.W. The Sino-Mongolian Inscription of 1346.- HJAS, 1951. Vol.15, N 1-2.
114. Haenisch E. Wörterbuch zu Monghol-un Niuca Tobca'an. Lpz., 1939.
115. Haenisch E. Die Geheime Geschichte der Mongolen aus einer mongolischen Niederschrift des Jahre 1240 von der Insel Kode'e im Kerulen-Fluss, erstmalig übersetzt und erläutert. 2. Aufl. Lpz., 1948.
116. Haenisch E. Grammatische Besonderheiten in der Sprache des Monghol-un Niuca Tobca'an.- Sto. 1950. Vol.XIV, N 3.
117. Heissig W. Die Familien- und Kirchengeschichtsschreibung der Mongolen. Teil 116 - 18 Jahrhundert. Wiesbaden, 1959 (Asia-tische Forschungen, Bd 5).

118. Hovorth H. History of the Mongols from 9-th to the 19-th Century. L., 1874.
119. Lubsangvandan S. Mongol kelen-ü üge=yin ecüs=ün toytaburi ügei "n"-yin tuqai asayidal=du(К вопросу о неустойчивом конечном *n* в монгольском языке). - Монголын зарим асуудал (Некоторые вопросы монголоведения). Улаанбаатар, 1961.
120. Murayama S. Sind die Naiman Türken oder Mongolen? - CAJ. 1959. Vol. IV, N 3.
121. Pelliot P. Un passage alteré dans le texte mongol ancien de L'Histoire secrète des Mongols. - T'P. Vol. XXVII, N 2-3
122. Poppe N. Khalkha Mongolische Grammatik. Wiesbaden, 1951.
123. Poppe N. Introduction to Mongolian Comparative Studies. Helsinki, 1955.
124. Poppe N. Grammer of Written Mongolian. Wiesbaden, 1964.
125. Poppe N. The Twelve Deeds of Buddha. - "Asiatische Forschungen". Bd 23. Wiesbaden. 1967.
126. Poucha P. Die geheime Geschichte der Mongolen. - AOr. Supplimenta IV. Praha, 1956.
127. Ramstedt G.I. Über die Konjugation der Khalkha-Mongolischen. Helsingfors, 1903.
128. Schmidt J. Bericht über eine Inschrift aus der ältesten Zeit der mongolen Herrschaft. - "Memoires de l'Academie des Sciences de St.-Petersburg". IV serie. T.II. 1833.
129. Street J. The Language of the Secret History of the Mongols. New Haven (Connecticut), 1957.
130. Weiers M. Untersuchungen zu einer historischen Grammatik des Präklassischen Schriftmongolisch. Wiesbaden, 1969.

Содержание

Предисловие	3
Введение	
Старописьменный монгольский язык и периоды его развития..	5
Краткие сведения об «Алтан тобчи»	12

Именные формы

Существительные	21
Падежи и их значения	21
Именительный падеж	21
Винительный падеж	23
Родительный падеж	28
Местный падеж	32
Дательно-местный падеж	37
Орудийный падеж	41
Исходный падеж	45
Совместный падеж	48
Соединительный падеж	49
Двойные падежные формы	50
Множественное число	55
Суффиксы множественного числа	55
Особенности употребления множественного числа	60
Прилагательные	63
Местоимения	69
Числительные	74

Глагольные формы

Повелительно-желательные формы	77
Повелительная форма 2-го лица	77
Повелительно-наставительная форма 2-го лица	78
Повелительная форма 2-го лица множественного числа	78
Пропозитивная форма 1-го лица	80
Повелительно-пригласительная форма 1-го лица	80
Повелительно-желательная форма 3-го лица	81
Пожелательная форма	82
Форма опасения	82

Изъявительные глагольные формы.....	83
Формы настояще-будущего времени	83
Форма на =уи	83
Форма на =т	87
Форма на =ти	89
Форма на =тии	90
Форма на =пам	92
Формы прошедшего времени	93
Форма на =ба/=бай	93
Форма на =луя	95
Форма на =юки	96
Форма на =т	99
Форма на =мъя	100
Причастные формы	101
Причастие будущего времени	101
Причастие прошедшего времени	115
Однократное причастие (форма на =уци).....	126
Многократное причастие	130
Причастие прошедшее неоконченное	131
Деепричастные формы	133
Деепричастия I	137
Соединительное деепричастие	137
Слитное деепричастие	148
Разделительное деепричастие	155
Деепричастия II	160
Условное деепричастие	160
Уступительное деепричастие	171
Продолжительное деепричастие	172
Деепричастие предела	174
Деепричастие цели	177
Приготовительное, или цитатное, деепричастие. Форма на =рун	178
Наречия и служебные части речи	
Наречия	184
Послелоги	192
Частицы	201
Частицы отрицания	201
Вопросительные частицы	208

Выделительные частицы	209
Притяжательные частицы	215
Союзы	219
Заключение	221
Условные сокращения	224
Литература	225

Мария Николаевна Орловская

ЯЗЫК "АЛТАЙ ТОБЧИ"

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР

Редакторы Г.А.Давыдова, Л.Р.Концевич
Младший редактор Л.Б.Годунова
Художник Б.Л.Резников
Художественный редактор Э.Л.Эрман
Технический редактор Е.А.Пронина
Корректор Л.С.Кузнецова

ИБ № 14822

Сдано в набор 20.08.82. Подписано к печати 10.04.84.
А-09524. Формат 60x90¹/16. Бумага офсетная №1.
Печать офсетная. Усл. п.л. 14,75. Усл. кр.-отт. 15,0.
Уч.-изд.л. 14,27. Изд. № 4973. Тираж 2000 экз.
Зак. №136. Цена 2 р. 20 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства "Наука"
Москва К-31, ул.Жданова, 12/1

Офсетное производство типографии №3
издательства "Наука"
Москва К-31, ул.Жданова, 12/1